

Автор книги: Шпанов Николай;

Название книги: Первый удар, Повесть о будущей войне;

"... есть войны, которые рабочий класс должен назвать единственно

справедливыми войнами - это борьба за освобождение от рабства, от гнета капиталистов, и такие войны должны быть, так как иначе, как в борьбе, мы не достигнем освобождения". В. И. Ленин (т. XXIII, стр. 190).

ЛЮДИ

Сафар с опаской втиснул свое огромное тело в узкую дверь. Лицо его выражало страх: как бы неосторожным движением не разрушить легкий лагерный барак. Капитан Косых мог по достоинству оценить эти старания, - он знал, какие великолепные мускулы скрыты под гимнастеркой Сафара.

Сафар - командир комсомольского экипажа. Трудно поверить, что этому серьезному, твердому командиру, здоровяку с мохнатыми бровями, всего двадцать два года. Всякий, кто знает, как он выводил на первое место в соединении свой комсомольский экипаж, исполнен уважения к этому молодому большевику. Суровый командир, терпеливый учитель, подчас заботлива нянька, - он умеет работать, отдыхать, веселиться, быть грозой и первейшим другом своим товарищам по экипажу. Горячий и темпераментный в быту, спокойный и выдержанный на работе, Сафар не терпит одного: попыток доказать, что в воздухе может быть что-либо более полезное, чем хороший скоростной бомбардировщик дальнего действия.

Увидев подмышкой у Сафара пачку клеенчатых тетрадей и папку, Косых понял, что он пришел разрешить какое-то сомнение. В эти тетради Сафар терпеливо вписывал все, что заслуживало, с его точки зрения, обсуждения и продумывания: и непослушное алгебраическое уравнение, и спорный тезис доклада.

Действительно, Сафар сразу же заговорил громко и взволнованно:

- Ха, понимаешь, Сандро, - "бомбардировщик беззащитен"! Бомбардировщик - "верная жертва истребителя"! Как голубка в когтях коршуна! Ты понимаешь?

- Ничего не понимаю,

- Вчера на диспуте полковник Чернов читал отходную бомбардировщикам. Закопал, понимаешь!

- Жаль, что я поздно из города приехал.

- Ты бы ему холку расчесал.

- Не задумался бы.

- Таких, как Чернов, на месте опровергать надо. Его теориейки демобилизуют молодежь: все равно, мол, уничтожат в первом же бою.

Сафар волновался не на шутку,

- Я достал стенограмму доклада. Гляди, до чего он договорился:

- "Помимо органического маневренно - скоростного превосходства, истребитель обладает и огневым преимуществом перед бомбардировщиком. Для ближних дистанций боя более эффективным будет огонь пулеметов, благодаря их скорострельности. А для дальней стрельбы нужна пушка. Трудно себе представить, чтобы бомбардировщик мог нести оба эти

вида вооружения во всех огневых точках. Выбор позиции и наиболее выгодного оружия для каждого данного момента боя находится в руках истребителя. Все это дает возможность утверждать, что бомбардировщик в воздушном бою обречен в жертву истребителю". Вот как: обречен! - сукин сын...

В силу своей экспансивности Сафар уже начал терять равновесие. Косых сказал:

- Не горячись... А ну, прикинем. Я думаю, что современные скорости полета дали скоростному бомбардировщику известное преимущество перед истребителем. Ведь бомбардировщик не собирается нападать на истребителя. Атаковать хочет истребитель, значит и маневрировать должен он. Пусть, истребитель на встречном курсе атакует бомбардировщика. И пусть бомбардировщик при этом изменит свой курс хотя бы на десять градусов. Истребитель сразу потеряет возможность воспользоваться прежней наводкой. При суммарной скорости встречного движения примерно в триста тридцать метров в секунду истребитель проскочит мимо бомбардировщика, не успев слетать ни одного выстрела. Он окажется далеко за ним и под ним. Он должен будет нагонять, прежде чем качать новую атаку. Сафар поднял на приятеля горящие глаза:

- Чудно, Сандро. Будто я всего этого не знаю? А вот не сумел доказать... Но я научусь, обязательно научусь.

- Относись к спору спокойней, и возражения пойдут, найдешь их...

- Это верно, Сандро. Но не привык я к таким спокойным спорам. Если споришь, то... - Сафар тряхнул кулаком.

- Ладно, научусь. Но это еще не все. Слушай дальше.

Сафар читал стенограмму, Косматые брови его сердито сходились, когда слова Чернова казались ему чересчур убедительными. С радостью слушал он неторопливые, логически неопровержимые возражения капитана Косых. Влюбленный в свой бомбардировщик, Сафар не был его слепым поклонником. Меньше всего он собирался отрицать высокую полезность истребителя. Но его возмущала академическая узорность Чернова, такая чуждая взглядам, господствующим в советских военно-воздушных частях, где все основано на тесном взаимодействии всех видов авиации и полном понимании специфических задач каждого из них в общей конечной задаче: уничтожении врага.

Беседа шла хорошо. Разобрали все: факторы скорости, скороподъемности, потолка, радиуса действия. Установка Чернова на огневое преобладание истребителя вызвала отповедь Косых. По его мнению, Чернов смешивал понятия числа, огневых, точек и конечной огневой мощи истребителя. Между тем это не одно и то же. Чем больше пулеметов или пушек в машине, тем меньше зарядов можно дать каждой огневой единице. Истребитель нельзя перегружать. Давая в руки летчика-истребителя, если можно так выразиться, "много стволов", действительно делают его огонь в единицу времени очень мощным, но зато сокращают время, на протяжении которого он может стрелять.

Скорость теряет свое явное превосходство. Перед летчиком-истребителем возникает целый ряд трудностей. На первый взгляд может показаться; что истребитель значительно лучше вооружен, чем во времена мировой войны. А так ли это? Пусть скорострельность пулеметов возросла с шестисот до тысячи двухсот и даже полутора тысяч выстрелов в минуту. Но ведь в те времена, подходя к атакуемому самолету со скоростью в двести - двести пятьдесят километров в час и начиная огонь с трехсот метров, летчик мог вести его до дистанции в сорок-пятьдесят метров, а отдельные смельчаки - "ассы" - подходили на пятнадцать - двадцать метров, не боясь столкновения. За это время они успевали выпустить из каждого пулемета полсотни патронов. У них было на это четыре-пять секунд. А теперь? Сблизившись на четыреста - пятьсот метров, то есть на мало-мальски благоприятную дистанцию огня, нужно выходить из атаки, иначе можно столкнуться с атакуемым противником. На пролет расстояния между шестью и четырьмястами метров у летчика-истребителя всего секунда. Пулемет едва начал работать, как нужно уже отпускать гашетку. Вылететь из ствола успело каких-нибудь двадцать пуль. И это при вдвое возросшей скорострельности!

По мере того как говорил Косых, лицо Сафара светлело. Улыбаясь, он выложил еще один довод вчерашнего докладчика:

- Берегись, последняя "бомба" Чернова: истребитель всегда будет иметь преимущество по высоте перед всяким иным типом самолета. Превосходства его потолка оставляет за ним инициативу в выборе времени и позиции боя.

Чтобы окончательно разогнать сомнения впечатлительного друга, Косых сказал:

- И это тоже неверно: кривые в графике высотности боевых машин с годами не расходятся, а сходятся. Разница в потолках делается относительно меньшей. Во времена империалистической войны потолок бомбардировщика был на пятьдесят процентов меньше потолка истребителя, а сегодня эта разница составляет уже всего двадцать пять процентов. Как видишь, даже техническое преимущество истребителя делается с каждым днем все меньше. У нас любят говорить, будто боевая высота лимитируется мотором, но на самом деле задыхается не мотор, а человек. С плохим дыханием мотора, оказывается, легче бороться, чем с неспособностью человека работать на большой высоте.

- Это верно. Ведь совсем еще недавно, делая машину, которая лезла на четырнадцать тысяч метров, не давали себе труда подумать о том, чтобы летчику было в ней удобно работать. И не только у нас так было. Привезли как-то для ознакомления заграничный истребитель, я три раза в него влезть пробовал, так и не влез - дыра в кабине не пускает. Понимаешь?

- Ну это, братец, не критерий. Для тебя не дыра, а целый кратер нужно делать.

Сафар надулся, - Косых задел его больное место: размеры, вес, силу. К счастью, в этот момент постучали в дверь, и раздался голос:

- Косуля, не спишь? Новости...

Вошел майор Гроза.

- Новости, братцы, отменные новости! Германская печать снова обещает мир всему миру. Как вам нравится? Сафар, мрачно пробормотал:

- Это значит - спи одетый.

- Ты очень кстати, - сказал Косых Грозе. - Тут у нас дискуссия... Как истребитель ты лучше других можешь разрешить сомнения Сафара.

- Сафар... и сомнения? - рассмеялся Гроза. - Редкое зрелище! - Доводы Чернова, будто вы, истребители, стали теперь безраздельными владыками воздуха, испортили ему настроение.

Гроза улыбнулся:

- А я малость подслушал спор. Право, - бубнят, как два буржуазных профессора: техника да техника; машина, оружие, скорость... А человека забыли?

Сафар несколько смутился:

- Ты не понимаешь, Гроза, мы же это для академической чистоты дискуссии...

- Академическая чистота!.. Схоластика, а не чистота. У нас теперь и дети знают, как техника работает в руках настоящих людей. Разве в Испании республиканцы били немцев и итальянцев техникой? Люди били. Люди золотые...

- Республиканцев пять, а фашистов двадцать пять. Бывало и так. Но у них каждый за себя, а у испанцев один за всех и все за одного.

- Верно. Но давайте кончать ваш спор.

- А мы же и не спорили. Это мы вместе вредные тезисы Чернова гребали. Слушай, истребитель, - а ты на какой позиции, как насчет бомбардировщиков?

- Скажу... Как мне рисуется правильное развитие бомбардировочной авиации?..

- А ну, валяй, валяй, - оживился Сафар. По мнению Грозы, важно было уменьшить "ножницы" в полетных свойствах бомбардировщиков и истребителей за счет улучшения первых. Чем меньше разница в этих свойствах, тем больше у бомбардировщика шансов на спасение, а может быть, и на победу. Это значит, что бомбардировщик должен быть возможно более легким. Два легких бомбардировщика могут в сумме поднять столько же бомб, сколько несет при дальнем рейде тяжелый корабль. Они без труда преодолеют

расстояние, отделяющее их от цели. Но при этом неоспоримо преимущество легких бомбардировщиков перед большим кораблем. Освободившись от груза бомб, да еще и от половины веса горючего, бомбардировщик превратится в боеспособный сверхистребитель. Тут уж он не только может защищаться, но и активно нападать.

- Для, этого прежде всего нужен меньший собственный вес. На наших красавцах это достигнуто применением сверхлегких сплавов магния и бериллия в комбинации с высоколегированными сталями - раз; установкой паротурбинных двигателей - два... Ты понимаешь, когда я еще амбалом был, - задумчиво и даже как-то мечтательно сказал Сафар, - кругом все говорили: "Пар -отжившее дело? Паровик-это прошлое. Внутреннее сгорание-вот где перспективы". Я тогда мало в таких вещах понимал, а потом как учиться стал, опять то же самое слышу: паровая машина - это древность, бензиновый мотор и дизель куда, мол, лучше. А вот теперь гляди-ка - старичок - паровичок опять пришел и мотору очко дает.

Гроза согласился:

- Мир еще варварски обращается с горючим. Моторы внутреннего сгорания, точно так же, как и наши паровые двигатели, это только отдаленный намек на то, чем будут пользоваться через десяток лет. Советская техника покажет пути... Вот мой младший братишка говорит, что инженеры должны будут поставить летчика в такие условия, чтобы полет со скоростью звука был физически возможен. - Почему именно звука? - удивился Сафар. Однажды мальчуган говорит: "Военным самолетам совершенно необходимо летать со скоростью хотя бы триста тридцать три метра в секунду, не меньше". На мой вопрос, почему "триста тридцать три", говорит: "Скорость звука- триста тридцать два метра в секунду, значит - самолет, летящий хотя бы на один метр быстрее, будет доходить до тебя! раньше, чем ты услышишь звук его приближения. Это очень важно дл военной машины".

- До таких скоростей, порядка тысячи - тысячи двести километров, пожалуй, еще далеко.

- Ближе, чем мы думаем. В единичных машинах мы уже имеем скорость около девятисот километров. А это уж не так далеко от того, чтобы получить скорость звука на отрезке ближайших лет.

- Твоими устами да мед пить, - вставил Косых.

- А чем не мед на такой бы машине с фашистской сволочью подраться...

- Будет драка, будешь и драться, - спокойно заметил Гроза.

Сафар сверкнул глазами:

- Жалко, не я распоряжаюсь историей, а то уж драка была бы. Без драки Европу не привести в порядок. Отдам жизнь для того, чтобы все встало на место. Я готов.

- Не кипятись, Сафар... Как раз закипятишься, пойдешь в воздух, теб и гробанут.

- Ты думаешь, я ишак? Я и сам сумею гробануть... Это лучшее, что у меня есть, - жизнь! Ведь это не только я сам, но и все мое потомство, понимаешь? Будущее целого рода. Жить хочу, понимаешь, но готов умереть. И когда я это сказал, когда я так решил, мне жизнь уже не дорога. Тогда о ней перестаю думать.

- У нас на этот счет разные взгляды, - ответил Гроза. - Ты перестанешь думать о жизни, а я думаю. И я очень благодарен стране и ее вождям за то, что они о моей жизни тоже думают, берегут ее.

- С такими сухими мозгами, как у тебя, нельзя быть летчиком. Они у тебя сухие, совсем сухие, понимаешь?

- Ничего, получается, - усмехнулся Гроза, потрогав орден. - Ты скажи, разве я не имею права жить уже потому, что защищаю самое необыкновенное, самое удивительное, самое прекрасное, что когда-либо знала история - СССР. Мне хочется жить, уже от одной гордости можно пожелать бессмертия, а ты - умереть! Подумай о своем народе, какого сына родила твоя земля - Кавказ! Разве сыны этой страны не имеют права на лучшую, самую прекрасную жизнь на земле, а?

Сафар хотел сказать свое, - горячее, из нутра, не нашел слов и, поспешно собрав тетрадки, ушел.

У него не хватило слов, не хватило умения ясно и логично изложить свои мысли. Они с Грозой едва не поссорились, хотя с разных концов подходили к одному и тому же: жизнь - лучшее, что у них есть, но и тот и другой, не колеблясь ни секунды, отдадут ее по первому зову родины.

Гроза тоже собрался было уходить, когда под окошком послышались тяжелые шаги.

Вернулся Сафар.

- Сандро, ты Канделаки знаешь? Косых знал Канделаки, но хотелось спать, и, чтобы отделаться, он ответил:

- Нет.

- Жалко, Сандро. Канделаки-замечательный парень! Он тоже бывший амбал. Бакинец, понимаешь?

- Ты за этим и вернулся? Я спать хочу, Сафар.

- Какой ты сонливый, Сашо... А Канделаки мне, знаешь, что сказал?

- Иди спать, Сафар.

- Канделаки говорил: делай рекорд, Гиго. Рекорды нам нужны. Рекорды - значит люди рекордные, а рекордные люди, сам понимаешь, необходимы. Страна замечательная, рекорды должны быть тоже замечательные...

- И люди, ставящие рекорды, тоже должны быть замечательные? Например, летчик Сафар... Сафар покачал головой.

- Эх, Сандро, Сандро, я от всей души, а ты...

Он распрямил свои широкие плечи:

- Значит, ты думаешь-я не могу быть рекордным человеком?

- Смотря по какой части, Сафар. Если по гирям, то, вероятно, можешь.

И сейчас же пожалел о сказанном. Сафар не понимал таких шуток. Лицо гиганта сделалось мрачным. Так он сердился: лицо каменное, а кулаки сжимаются, тяжелые, как кувалды.

- Тебе нужно учиться, Сафар, - примирительно сказал Косых.

Сафар молча отвернулся. Дружба не позволяла ему сказать Косых то, что хотелось.

- Я хочу сказать: учиться понимать шутки, Сафар.

- Не хочу понимать шутки, когда разговор серьезный. Я хочу, чтобы все рекорды были наши. Скорость наша - Канделаки, высота наша - Гроза, а хочу дальность брать!

- Бери дальность, Сафар, это хорошо.

- Ты серьезно?

- Очень серьезно.

- Для этого учиться много надо. Ты меня понимаешь?

- Учись, Сафар.

Сафар улыбнулся просто и ясно.

- Это будет хорошо?

- Здорово будет, Сафар. Бери дальность и... и иди спать.

Но Сафар решительно уселся на подоконник:

- А! Не говори: спать. Я сегодня такой особенный.

- А я до того обыкновенный, что сейчас вот у тебя на глазах усну.

- Можешь для хорошего товарища немножечко потерпеть. Я тебе расскажу одну историю...

Стало совсем темно. Косых не слышал, что рассказывал Сафар, - задремал под его говор. Вдруг сквозь дрему почувствовал, что в лицо ударил луч ркого света. Косых вздрогнул: прямо на него глядели уставившиеся в окно автомобильные фары.

Раздался грудной девичий голос:

- Дома?

Олеся вошла с отцом - комдивом Богульным.

Косых и Богульный давно знали друг друга, еще с гражданской войны. Олеся Богульная родилась в сибирской тайге, на заснеженном хуторе.

Сложение у девушки было отцовское: этакий маленький коваль в юбке -коренастая, крепко сшитая, с широкими плечами. А лицо точеное, с нежным румянцем.

Она крикнула с порога:

- Дядя сибиряк, тату по вас соскучился. Богульный засмеялся:

- Душой кривишь, Оленок. Не верь ей, сибиряк: я, конечно, очень рад тебя видеть, но затащила меня сюда она. Умри, а поезжай к сибиряку, когда добрые люди спать ложатся.

Через несколько минут Олеся выглянула в окошко:

- Тату, ты ничего не имеешь: мы на твоей машине проедем в город?

- А я домой пешком?

- Я через час за тобой заеду. Богульный махнул рукой. Олес скрылась. С нею исчезли Сафар и Гроза.

Богульный сидел хмурый.

- Ты чем недоволен? - спросил Косых.

- За яким бисом ее ко мне принесло? - дернул плечом Богульный.

- Говори ясней, Тарас. Не мастер я загадки разгадывать.

- Ко мне в десант перевелась: врачом головного отряда. Ты знаешь. У меня их тысячи - хлопцев моих. Все как дети мне. За всех болею, но... тут не выдерживаю. Знаю: и парашюты надежные, и прыгать научились, и все такое, а вот... не могу привыкнуть. Как она на крыло выйдет, так у мен вот тут... нехорошо.

- Старость, Тарас.

Богульный, смеясь, провел ладонью по седеющей щетине головы.

- Ну, нет, брат, врешь. Тут, видно, другое. Уж не нервы ли?

- И у тебя завелись?

- Бис их знает... до сей поры не было, но, может быть, это самое и есть - нервы? С одной стороны, я, конечно, рад, дивчина на глазах. А с другой, ведь не все же ученья да тренировки, дойдет и до дела. Передовой отряд! Извольте со всеми своими санитарными пожитками на зонтиках.

- А сама она как на это смотрит?

- Горит.

- Значит, хорошо.

- Мне, знаешь, даже неловко. Раньше у нас с передовым отрядом лекпом да два санитары прыгали, а она бузила-бузила - в округ писала, добилась того, что под санчасть целый самолет отвели. Там у нее теперь все, что надо. Даже собаки санитарные с медикаментами - и те прыгают.

- И ничего?

- Собаки-то? Ничего. Да вот другие отряды недовольны: у них врачи тоже прыгать желают, тоже собак им давай, тоже целый самолет отводи. А командиры бунтуют: нам машины под бойцов нужны. Без врачей, мол, проживем!

- Может быть, и правы, а?

Богульный решительно стукнул ребром ладони по столу:

- Нет, не правы. Они психологии не учитывают. Дивчина права: боец должен знать, что о нем есть кому позаботиться в любых условиях.

Он оживился. Тема была ему слишком близка: он первый сформировал когда-то десантный парашютный отряд. Это было его родное, кровное дело.

Богульный задумчиво посмотрел в темное окно.

- Передо мною всегда стоит один и тот же вопрос, везде и всегда одна мысль: когда ударят? Ты же понимаешь, не то страшно, что ударят, - отобьем, а то, что на нервах играют.

- И все же лучше подождать, чем...

- Эх, милый, я-то разве не понимаю? Это же кровь, кровь народа, наша кровь. Жизни, много жизней с обеих сторон. Разве я не знаю?

- Война будет страшной. Огонь, сталь, химия, электричество...

На дороге послышалась сирена. Олеся крикнула из машины:

- Наговорились? Богульный прищурился:
- Мы-то наговорились...
- И мы тоже. Домой едем?
- Я вот смотрю: кто тебя, такую прыгунью зонтичную, замуж возьмет? Олеся тряхнула головой:
- Берут - и даже одобряют.
- Замуж выйдешь, не до зонтиков будет. Будущий муженек-то, наверное...
- Будущий говорит, что если я хочу по-настоящему в десанте работать, то без затяжных не обойтись. Точности без этого не будет.
Богульный переглянулся с Косых.
- Не врешь? - бросил он дочери.
- Он говорит, что и вы все, если хотите бить наверняка, должны освоить затяжной, как утреннее умывание. Так, чтобы на последних пятистах парашют, а до того- затяжка. Пулей к земле, посадка в пяточок.
- Так... - мог только протянуть Богульный. - Но, между прочим, может быть, откроешь отцу, кто он, мой будущий зятек, - чи тот, чи этот? Не разберу я...
Олеся, покраснела и громко засмеялась.
Косых погасил свет и долго смотрел вслед удалявшемуся автомобилю.

ОБСТАНОВКА

К тому времени, когда происходила описанная беседа, то есть к середине августа, атмосфера в Европе была еще более накалена, чем в августе прошлого года.

Каким страшным похмельем было тогда, год назад, для Франции заявление лорда Фэрсимена о соглашении между Британией и Германией по вопросу о переделе колоний!

Пробным шаром к этой новой игре был в свое время захват германским морским десантом португальского Золотого Берега. После того, как, с германской точки зрения, все обошлось благополучно и к германским островным базам Канарской группы прибавились новые военные порты в Африке, фюрер поставил вопрос ребром: британская Танганайка или французский Мадагаскар. Итальянский флот предпринял маневры у Балеар, мальтийский и гибралтарский отряды британской эскадры сошлись на линии Тулон- Бизерта. Для Франции все стало ясно. Она предпочла потерю Мадагаскара войне в одиночку. Но как только римский трактат был подписан, в тот же день и час, пользуясь присутствием в Риме французских дипломатов, господин Фианини, министр иностранных дел Италии, предложил "дружески" решить спор о Ницце и Савойе. Французские дипломаты пытались сделать вид, что никакого спора в сущности нет: Ницца есть Ницца, а Савойя есть Савойя, то и другое - владения Французской республики. Но немцы взяли на себя любезную миссию посредничества и объяснили французам, что они не правы: и Ницца, и Савойя суть, мол, территории исконно итальянские. Временная принадлежность их к Французской республике была-де явной ошибкой, каковую и следует незамедлительно исправить. Чтобы придать своему посредничеству авторитет, Германия, нарушив свою декабрьскую декларацию, передвинула на левый берег Рейна восемь корпусов. Итальянский флот продолжал маневры на африканских коммуникациях французов, британцы производили давление на Париж: "Уступайте, спасая мир"... Дела осложнялись. Германия, поощряема уступками, поставила вопрос о лотарингской руде. Сначала издалека, осторожно: "лотарингское железо -вопрос существования для Германии". Французские правые газеты пытались изобразить дело в радужном свете: немцы-они собираются усилить импорт лотарингского железа. Но немцы поставили точку над і: они не собираются импортировать то, что "принадлежит им по праву". Лотарингия была объявлена древней территорией Великогерманской империи. Исчерпывающие разъяснения не замедлили появиться в "Бергверксцейтунг". "Фелькишер беобахтер" и "Ангрифф" не давали себе труда даже что-либо разъяснять. Они просто заявляли: Лотарингия должна стать германской. Любой ценой и в кратчайший срок.

С этими рассуждениями совпали размышления некоторых итальянских газет о том, что мы живем в эпоху великих поправок, вносимых в историю. Одной из тягчайших ошибок, когда-либо совершенных и подлежащих немедленному исправлению, является участие Франции в эксплуатации Суэцкого канала, поскольку Франция не имеет ни в Красном море, ни в Индийском океане таких больших интересов, как Италия. Клич был подхвачен всей итальянской печатью.

Франция обратилась опять к Лондону. Официоз кабинета в очередной передовой жевал мочало об исторических примерах плаваний, совершенных французскими моряками вокруг Африки и задолго до того, как Лессепс приступил к осуществлению своей идеи, которая по самому характеру своему может быть рассматриваема как идея британская, так как и т. д. и т. п.

Правительство Франции наконец поняло, что никогда оно не было так изолированно и одиноко. Французский премьер бил себя в грудь и пытался уверить палату в том, что он, в сущности, никогда не верил коварным сынам Альбиона и всегда в душе был приверженцем дружбы с Советским Союзом. В этой части парламентской речи премьера на левых скамьях раздался откровенный хохот и свистки.

Советский Союз заявил о постоянстве своей мирной политики. Московские газеты предостерегали мировую демократию от опасностей, таящихся в действиях фашизма. Во Франции демонстрация народных симпатий к Союзу Советов вылилась в мощное движение рабочих масс и трудовой интеллигенции против войны и фашизма. Пролетариат Англии в ряде городов вышел на улицы с лозунгами недоверия консервативному кабинету.

15 августа волна растерянности прокатилась по Европе. В ночь с 14-го на 15-е вся сеть автострад Германии была закрыта для частного движения. Лишь особо пронырливым корреспондентам иностранных газет удалось установить, что по автострадам движутся непрерывные колонны автомобилей с войсками.

С утра 15-го были приостановлены все полеты иностранных и частных самолетов над территорией Третьей империи. В местах скрещения железных дорог с автострадами шторы на окнах вагонов спускались охраной СА (штурмовые отряды нацистской партии Ц прим. автора), не покидавшей поездов. Билеты продавались лишь до определенных пунктов. Выход из вагонов на промежуточных станциях был воспрещен. Двери вагонов держались на запоре.

Опытный глаз мог уловить причины этих строгостей: по железным дорогам двигались воинские составы. Узловые станции были забиты эшелонами.

Европейские политики боялись раскрыть смысл этих перевозок. Буржуазные правительства втайне надеялись, что события разыграются лишь на востоке Европы. Разве не об этом твердили все тайные договоры последних лет? Но действительность обманула ожидания. Осведомительна служба 2-го отдела французского генштаба доносила: "Армия Германии мобилизована. На границе Франции сосредоточиваются германские войска". Несколькими часами позже началось сосредоточение итальянских войск на франко-итальянской границе.

Общественное мнение Франции было возбуждено. Оно знало, что германские войска сосредоточены у границ, что средиземноморская эскадра англичан появилась на африканских линиях, германский флот покинул свои базы и крейсирует в Северном море. Наконец в полдень 16-го эскадра "неизвестной национальности" открыла огонь по двум французским пароходам, выходящим из устья Темзы. Огнем тяжелой артиллерии пароходы были пущены ко дну в течение трех с половиной минут. К вечеру того же числа аналогичный случай произошел в Сицилийском проливе, где погиб французский пароход с грузом хлопка.

Взрыв негодования охватил французское общество. Все его слои, все партии, кроме фашистских, требовали отпора обнаглевшим агрессорам. Правительство растерялось: оно было так же одиноко внутри страны, как на международной арене. Пытаясь снять с себя ответственность за грядущие грозные события, оно поручило своему послу в Москве сделать запрос советскому правительству об его намерениях в случае нападения Третьей империи на Францию. Все хорошо понимали, что, после демонстративного игнорирования французским

правительством франко-советского пакта и почти откровенного отрицания взаимности обязательств, оно делало этот свой шаг не очень уверенно.

Взоры Европы обратились на Восток.

Радиоприемники ждали передач... Змеи-очереди вились у киосков. Сверстанные номера газет неподвижно лежали в машинах с квадратом пустого места посередине первой полосы: ждали известий из Москвы. Разносчики спали у ворот типографий.

В Париже царила необычная тишина. Без криков и песен двигались по улицам толпы демонстрантов. Под лозунгами Народного фронта стихийно объединились разъединенные провокациями реакции широкие круги французского общества. Коммунисты, социалисты, радикалы, левые католики - все были снова здесь. Впервые за три года, чиновники шли рядом со штукатурами и мелкие лавочники оказались в одной шеренге с металлистами. Колонны сходились к площади Звезды и вливались в единый могучий поток народной воли, неудержимо катившийся по Елисейским полям.

Разительным отличием этой грандиозной Демонстрации от сотен и тысяч прежних выступлений французских масс было молчание. Ни криков, ни песен - одни лишь сдержанные разговоры. Когда какой-нибудь энтузиаст или провокатор вскакивал на крышу автомобиля, пытаясь что-то выкрикнуть, толпа стаскивала их одинаково безжалостно.

Народ был начеку.

Громкоговорители до сих пор не передали ответа Москвы.

Народ не хотел пропустить ни единого слова в этом известии.

Радио упорно молчало. Зато по городу поползли слухи, колючие и липкие. Какие-то типы шныряли в толпе. Нескольких провокаторов выловили. Шоферу-волонтеру пришлось отвезти их в институт Скорой помощи. Когда двигаться стало уже некуда, толпы застыли. Люди стояли на всех площадях, на улицах и бульварах. Перед дворцом президента, перед палатой депутатов, у монументальных зданий банков стояли пикеты Народного фронта.

Боялись провокаций. Полиции и гард-мобилям (Особый корпус охраны Ц прим. автора) нужен был только предлог, чтобы пустить в ход бронированные автомобили. Но город был недвижим и молчалив. Молчали опустевшие заводы, не гудели автомобили, брошенные шоферами. Застыли на площадях безмолвные автобусы. Даже в кафе на бульварах царила мертвая тишина. На спинках стульев белели брошенные фартуки гарсонов.

Париж молчал.

Правительство не решалось заговорить. Оно не хотело говорить правду, а лгать в такой тишине было страшно. С его согласия "боевые кресты" пустили своих шептунов:

"Москва не решится, она слаба... СССР покинул Францию. Франци одинока. Франция изолирована. Германия разможжит нас одним ударом своего бронированного кулака. Надо уступить..."

Так прошел день. Необычайно длинный и тихий для Парижа день 16 августа.

Около полуночи загрели рупоры на зданиях редакций левых газет:

"Французы! Решение Кремля состоялось. Великий Советский Союз остался верен взятым на себя обязательствам. Он не покинет демократии в час фашистской агрессии. Народы Советского Союза еще раз протягивают руку французскому народу через головы всех предателей. Пожмем эту руку миллионами трудовых рук всех честных французов. Да здравствует великий Советский Союз! Да здравствует союз демократий всего мира! "

Молчать было немислимо. Официальное коммюнике в сдержанной форме сообщило о "заверениях", полученных французским послом в Москве. По тону сообщения было видно, что это известие испугало буржуазных воротил больше, чем если бы им сообщили об оккупации Третьей империей половины Франции.

По улицам Парижа женщины несли увитые цветами портреты советских вождей. Короткое радио из Москвы сохраняло женщинам надежду на то, что полтора миллиона французских солдат, стоящих на линии Мажино, избегнут нависшего над ними кошмара. А если им придется драться, то это не будет безнадежным броском в кровавую мясорубку войны. Французы будут драться за независимость и свободу своей страны.

Этой августовской ночью в мертвенном свете прожекторов по улицам французских городов, громыхая сталью гусениц, ползли танки, шуршали шинами колонны машин. С платформ грузовиков хмуρο глядели солдаты пехоты. И тут же по тротуарам двигались процессии с высоко поднятыми транспарантами: "Мы не хотим войны, но готовы воевать! ", "Долой убийц-фашистов! ", "Пора кончать с Гитлером! "

На площадях Парижа стояли грозные толпы. Через два часа после первого известия пришло другое:

"Посол Германии в Париже граф Фейербах опубликовал заявление: "Европа проявляет слишком большую нервозность. Нет причин сомневаться в том, что мир будет сохранен, если другие страны проявят необходимую выдержку". Казалось, Берлин дрогнул, задумался... В экстренном выпуске "Ордр", помеченном 0 ч. 30 м. 17 августа, обозреватель писал:

"... Мечущейся Европе трудно поверить тому, что есть шансы на мир. Нас хотят уверить, будто нужно лишь сохранить немного спокойствия. Мы понимаем, чего не договорил граф Фейербах: "Спокойствие, спокойствие! Необходима операция. Не бойтесь нашего ножа, и вы выздоровеете". Господин Фейербах, позвольте сказать с полной откровенностью: в ваших руках ланцет хирурга слишком похож на нож мясника. Это не нравится Европе при всей ее привычке к кровопусканиям... "

А Журье в "Пти Паризьен" твердил:

"Каков бы ни был истинный смысл заверений господина Фейербаха, они даны. Даны от лица фюрера и правительства Третьей империи. Мы верим: империя первая не нарушит границ! "

Правые газеты выуживали самые страшные, кровавые примеры прошлых войн. "Тан" опубликовал обзор, содержащий угрожающие данные:

"Поверим на одну минуту правительствам великих европейских держав, будто в строю их воздушных флотов на сегодняшний день состоит всего лишь 9 500 бомбардировщиков со средней грузоподъемностью всего в 1 200 килограммов каждый. Простая арифметика скажет нам: 11, 5 миллионов килограммов взрывчатых веществ может обрушиться на головы мирных европейцев в первый же день надвигающейся на нас генеральной свалки. А если мы возьмем более реальную цифру, если мы удвоим число бомбардировщиков?..

Может быть вы, мои любезные соотечественники, мирные граждане, господа чиновники, рантье, банкиры, консьержки, лавочники, инвалиды, лицеисты, сенаторы, члены палат, чемпионы бокса и танцев, может быть, все вы, имеющие в кармане свидетельство о непричастности к призыву, вообразите, что вас это не касается? Неправда, господа: вас это касается. Вам, в первую очередь вам, предназначается все, что может поднять современный самолет-бомбардировщик и донести на глубину тысячи, а то и двух тысяч километров за линию так называемого фронта.

Современная борьба, - это твердили в Берлине годами, - не признает никаких ограничений со стороны договоров и параграфов, как не признает и никаких моральных указаний. И если даже теперь, после страшных переживаний последней войны, нации украшают себя знаком благородной гуманности, то надвигающаяся война превратит все это в рваный клочок бумаги... "

Вместо того чтобы действовать, кликушествовали лондонские пацифисты. Достопочтенный мистер Томас Джесс опубликовал табличку:

"ИТОГИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:

Убитые (зарегистрированные) - 9. 998. 771 чел.

Тяжело раненные - 6. 295. 512 "

Легко " - 14. 002. 039 "

Пропавшие без вести

(в том числе разорванные снарядами) и пленные 5. 973. 600 "

Возникшая в результате войны эпидеми инфлуэнцы унесла в 1918 г. - 10. 000. 000 "

Итого сорок шесть миллионов человеческих жертв! Военные авторитеты современности оценивают эффективность оружия в будущей войне втрое против оружия эпохи войны 1914-1918 гг., - иными словами, в результате предстоящей войны мы будем иметь примерно полтора миллиона жертв. Чтобы покрыть такой расход человеческой крови, понадобилось бы уничтожить целиком, до последнего младенца, три таких страны, как Франция... "

В ответ народная печать громила паникеров:

"Советский Союз, окруженный с 1917 по 1922 год коалицией 14 держав, вынес освободительную войну, возродил национальные силы и опередил капиталистический мир. Пример СССР опрокидывает "статистику" Джесса. Надо понять, что войны бывают разные... Война против фашизма будет священной войной... "

Правые газеты, срывая дело национальной обороны, дали заметку, лаконизм которой был страшнее цитат господ журналистов:

"Нам сообщают, что начальник генерального штаба и командующий армией посетили президента республики и доложили ему, что Франция не готова к войне. Боевая мощь Красной армии также считается недостаточной для того, чтобы оттянуть на себя серьезные силы немцев. Даже если положиться на маловероятный нейтралитет. Британии, Франции придется в одиночку биться с соединенными силами германо-итальянцев... "

Правительство не опровергло этого измышления. Поднявшийся шум был необходим премьеру, чтобы оттянуть огласку переговоров, уже начатых между Ке д'Орсей и Берлином.

Но... на рассвете 18-го сообщение об этом набиралось жирным шрифтом в типографии "Юманите". Через два часа рабочий Париж должен был узнать предательскую новость. Однако, когда полоса была спущена в машину, типографию заняла полиция. Набор был рассыпан.

А между восемью и девятью утра над городом показалась группа стареньких Кодронов единственного рабочего аэроклуба Франции в Бийянкюре. Машины шли низко, они едва не цеплялись за крыши домов. С улиц было видно, до чего потрепаны аэропланы. Долетев до Лувра, самолеты разошлись звездой. На головы толпы посыпались белые хлопья листовок.

"Французы, вас хотят запугать, чтобы еще раз предать Францию. Готовится сделка с фашистской Германией, - более позорная и страшная, чем когда-либо. Народ, стань на защиту своих прав. Помни, что с тобой великий Советский Союз... "

Далее следовал текст сообщения, которое должно было появиться на первой странице "Юманите".

И снова тишина охватила Париж. Было слышно, как гудят в воздухе старенькие Кодроны рабочего аэроклуба. Это была тишина перед страшной грозой.

17 ч. 00 м. 18/VIII

Гроза, майор Павел Романович Гроза выскочил из-под душа, крепко растерся мохнатым полотенцем. Полотенце было особенное, жесткое, как терка. После него кожа горела, тело делалось свежим и молодым. Это утреннее ощущение, давно став привычным, каждый раз было приятно новым. С тех пор как Гроза занялся высотной тренировкой и придерживался специального режима в распорядке своего дня, он по-новому чувствовал себя, особенно полно ощущал свое тело.

Первое время было трудно выдерживать строгое расписание. Но потом оказалось, что всякую работу, отдых, сон, питание - все можно точно уложить в часы и минуты. Для начала нужно было вставать с таким расчетом, чтобы, с одной стороны, успеть все сделать, с другой - к полетам не утомиться. Много пришлось поработать над организацией питания. Плотный утренний завтрак давал себя знать в полете болью в желудке. Гроза пробовал вовсе не есть - еще хуже: на большой высоте голод усиливался до рези. Наконец Гроза нашел

верную порцию. Желудок стал вести себя отлично, и сам Гроза был в полете спокоен. Часа в четыре организм снова напоминал о еде. К пяти Гроза сел за стол.

Вино Гроза изгнал. Оно было не только лишним, но прямо вредным. Летчик проверил это на себе: как-то с вечера выпил бутылку вина. Наутро пошел в барокамеру. На "высоте" ему стало не по себе. Нет, нет, - долой вино.

Он строжайше выдерживал режим. И вот удивительно: то, что теоретически казалось очень трудным, вести размеренную, нормальную жизнь, на деле выходило не только просто, но даже приятно. Гроза начал высотную работу еще до того, как на вооружение поступили нынешние машины. Приходилось драться за каждый лишний метр высоты. Теоретическим потолком истребителей были тогда двенадцать тысяч метров, а на деле никто больше одиннадцати с половиной не выжимал. Но Гроза был уверен, что можно взять больше. Чтобы добиться своего, он хотел было сделать кое-какие переделки в своем самолете, но начальство восстало: машина строевая и проделывать над нею опыты не полагается. Дали вместо нее Грозе сверхштатный истребитель, числившийся в части тренировочным. С этой машиной Грозе позволили проделывать что угодно. Мало Ц помалу он ободрал машину так, что, если бы в нее кто-нибудь заглянул, не узнал бы. Начал с большого, а дошел до деталей и двадцать - тридцать граммов. Оказалось, что без большей части предметов, которые снимал Гроза, можно отлично обходиться. Казалось бы, педали, - как без них летать? А Гроза-и те вытащил. Ручку управления наполовину отпилил. Как будто даже удобнее стала. Гроза не раз удивлялся, проделывая эти опыты: почему раньше никто такими мелочами не занялся?

Так, постепенно облегчая машину, Гроза довел ее до того, чтобы без малого один скелет остался. Зато она лезла уже на тринадцать тысяч, то есть выше расчетного теоретического потолка. Но Грозе этого было мало. Он хорошо помнил завет: "летать выше всех". Итальянцы забрались уже на четырнадцать тысяч, за ними лезли французы. Летать выше всех! Это стало жизненной целью, смыслом существования Грозы.

Но как ни дорог был Грозе каждый грамм свободного веса, опыт отучил его от экономии в одежде. Ведь Гроза поставил себе задачу достичь пятнадцати тысяч метров! Это значило, что следует приготовиться к температуре в 55 -60 градусов ниже нуля.

Чем выше забирался Гроза, тем больше вставало перед ним трудностей. Скоро стало ясно, что тепло одеваться и обеспечить себе постоянный приток кислорода еще недостаточно. Следующей стадией освоения высоты, которую пришлось пройти Грозе, были полеты в скафандре...

Но все это было в прошлом. Давно уже Гроза достиг пятнадцати с половиной тысяч метров. Итальянцы и побившие их французы оказались за флагом. Почти полгода держателем международного рекорда оставался майор Гроза, пока один англичанин не набрал лишних триста метров.

Изо дня в день работал теперь Гроза над подготовкой к побитию рекорда англичанина. Каждый десяток метров давался с большим трудом. Хотя в распоряжении Грозы был уже не старенький заштатный истребитель, а новый, несравненно более совершенный самолет, летчику приходилось пускаться на всякие выдумки, чтобы и тут съэкономить несколько граммов на конструкции, на оборудовании, топливе, масле. Он дошел до того, что перемонтировал даже мотор. Казалось бы, эта часть оборудования продумана в каждой детали, в ней рассчитан всякий болтик. Но и тут находились какие-то забытые мелочи, которые удавалось удалять, менять. Это давало иной раз всего сто, а то и десять граммов экономии. Гроза за все хватался с жадностью.

Наконец высота пятнадцать тысяч восемьсот метров, мировой рекорд англичанина, была достигнута. Перед переходом к следующему шагу Гроза методически, терпеливо, день за днем закреплял эту ступень, провер машину, оборудование и самого себя. Сегодня, 18 августа, на празднике авиации он должен в присутствии нескольких десятков тысяч людей стартовать в новый высотный полет на побитие мирового рекорда.

Гроза был спокоен. Он непоколебимо верил, что поставленная перед ним задача будет выполнена. При этом он был очень далек от азарта и жажды рекордсменства. Он смотрел на

это дело, как на нужную, повседневную работу летчика-истребителя, для которого освоение высоты так же необходимо, как овладение скоростью или высший пилотаж. Он был только одним из передовых разведчиков на этом важнейшем фронте; тем, кто должен вместе с несколькими пионерами-высотниками освоить пути в верхние слои атмосферы, освоить их так, чтобы по его следам туда уверенно устремились целые патрули, эскадрильи, части.

По вниманию, которое уделялось его работе руководством, по заботе, окружавшей его самого, Гроза мог судить о важности задачи. Оставаясь рядовым летчиком-истребителем, он знал цену себе и своему делу. Он был доволен настоящим и спокойно смотрел на будущее, уверенный в своих силах...

Гроза размешивал ложечкой остатки осевшего какао, когда в прихожей послышалось царпанье. Подошел к двери и открыл ее. Взгромоздившись на игрушечный стулик, раскрасневшаяся девочка, пыталась дотянуться до звонка. Девочка была пухленькая, как розовая булочка. Гроза подхватил ее на руки:

- Галочка! Что ты здесь делаешь?
- Во сколько часов ты поедешь на полет?
- Через полчаса.
- Ну вот, я так и знала. А мама спит и спит.
- Сегодня выходной.
- Папа давно уехал. Он сказал, что ты нас повезешь к аэродрому.
- Тогда буди маму.

Галочка, забыв свой стулик на площадке, побежала к соседней двери. Там жил полковник Старун-командир разведывательной части. Галочка-его дочь.

В лице Галочки педантичный и не слишком общительный Гроза имел страстную поклонницу. Девочка не хуже взрослых знала все, что касалось его успехов. Она почти каждый день, прежде чем лечь спать, являлась к нему с матерью своей Катериной Ивановной узнать, как прошел день.

Через полчаса, выйдя на лестницу, Гроза увидел, что Галочка терпеливо стоит в дверях. Увидев приятеля, она закричала:

- Мама! Мамочка, поехали!

Несмотря на ранний час, город был праздничен. Грозе то и дело приходилось останавливаться на перекрестках" чтобы пропустить колонны, движущиеся к аэродрому.

Прошли осоавиахимовцы, ворошиловские стрелки. Нескончаемой полосой бело-красных маевок потянулись спортсмены. За ними девушки в голубых комбинезонах парашютисток. На плечах парашютистки пронесли загорелую товарку с лозунгом в руке: "Прыгайте, девушки! "

Уже на самой окраине, перед выездом из города, Гроза обогнал колонну пионеров-моделистов. Маленькие модели самолетов складывались в слова: "Летать выше всех! Дальше всех! Скорее всех! "

Зеркальный асфальт шоссе отбрасывал блики тысяч велосипедов и автомобилей. С песнями, с музыкой город тянулся к аэродрому.

Лето было в разгаре. По сини августовского неба бежали редкие разорванные облачка. Мягкое солнце ласкало мураву аэродрома. Многотысячная толпа, затаив дыхание, следила за полетами. Праздник удался. Над толпою висел несмолкаемый плеск рукоплесканий, как будто летчики, которым они предназначались, могли что-нибудь слышать сквозь рев своих моторов. Приветствия стали неистовыми, когда репродукторы возвестили, что стартует для высотного полета летчик майор Гроза, в первом ряду, у белоснежной цепочки милиционеров, сидя на крыше автомобиля была в покрасневшие ладонки Галочка,

- Хлопайте, хлопайте же! - сердито кричала она соседям, опускавшим руки от усталости.

Только когда белый самолет Грозы исчез из глаз, она утомилась.

Скоро послышались разочарованные вопросы:

- И это все?

- А что же дальше? Где же высота?

- Значит, мы не увидим его на "потолке"? А Гроза не замечал времени. Его внимание было приковано к приборам. Все шло отлично. Никаких новых ощущений он не ждал, все было испытано, переиспытано.

Земля давно уже превратилась в карту с потускневшими красками, подернутыми голубоватой дымкой. Редкие облачка блестели далеко внизу. Появлялось обычное ощущение кривизны земной поверхности. Представление о земле, как плоскости, исчезало каждый раз, когда Гроза переходил за предел двенадцати-тринадцати тысяч метров. На высоте около четырнадцати тысяч, когда подъем сделался уже медленным, Гроза почувствовал тупую, ноющую боль. Казалось, левую ногу втиснули в очень узкий сапог с непомерно длинным голенищем. Надевая меховой чулок, Гроза слишком сильно затянул ремешок. Он по собственному опыту знал, что всякая перетяжка, не заметная на земле, с высотой дает себя чувствовать очень сильно. Бывало, когда в высотный полет он ходил с очками, чуть-чуть тугая резинка на большой высоте сжимала голову железным обручем.

Гроза хотел нагнуться, чтобы подвинуть ремень под скафандром, но для, этого нужно было сделать значительное усилие: ткань скафандра, наполнившегося кислородом, прилипла к тесному сиденью и сделалась железно-твердой. Напрягаясь, Гроза почувствовал головокружение. Решил оставить попытку, но тут же дала о себе знать нога. Нужно было выбирать между нестерпимой болью и головокружением, которое при малейшей неосторожности могло перейти в обморок. Это означало бы срыв полета. Приходилось помириться с болью. Но с каждой секундой она усиливалась. Грозе казалось, что нога раздулась до размеров бревна, - вот-вот лопнет кожа.

Стрелке альтиметра оставалось пройти еще сто метров до "английского потолка", когда Гроза почувствовал, что его силы в борьбе с болью истощаются. Нога горела. Пламя растекалось по бедру, поднимаясь все выше.

Стрелка альтиметра поднималась отвратительно медленно. Она едва-едва переползла 16. 200 и нехотя двигалась дальше, через белые черточки делений. Казалось, она отсчитывает не десятки метров высоты, а огненной чертой отмечает все дальше и дальше проникающую боль. Если бы крик не требовал затраты энергии, Гроза искал бы в нем облегчения. Но и кричать было опасно, - силы нужны для управления самолетом.

Машина, видимо, подошла к потолку. Все менее уверенным становился полет. Малейшее движение рулем, самое осторожное, едва заметное, заставляло самолет проваливаться. Обе ступени нагнетателя едва поддерживали работу мотора на терпимом уровне.

Гроза почти обрадовался, когда наконец почувствовал хорошо знакомые симптомы потолка. Дальше машина не ползет. Стрелка альтиметра, вибрируя, замерла на показании 16. 300. Гроза с облегчением перевел самолет в планирование...

Земля с нетерпением ждала его посадки. Сафар в качестве активиста аэроклуба выполнял обязанности глашатая. Он уже не раз поднимался на вышку, чтобы успокоить зрителей, волновавшихся за невидимого Грозу. Радиопередача транслировалась по всему СССР: миллионы людей ждали результатов полета. Сафар с удовольствием объяснял, как происходит высотный полет. Он чувствовал себя именинником, точно сам был виновником торжества.

Когда Сафар объявил, что видит самолет Грозы, приветствию восхищенных зрителей заглушили голос репродукторов. Приземлившись, Гроза не смог вылезти из машины. Нога онемела, на нее нельзя было ступить. Подхваченный под руки друзьями, он, помимо собственной воли, оказался на вышке перед микрофоном. Сафар" крикнул в микрофон через голову Грозы:

- По предварительным данным, товарищ Гроза установил новый мировой рекорд высоты-16. 300 метров. Да здравствуют сталинские соколы!

Зрители радостно кричали "ура". Но все мгновенно стихло, когда Гроза заговорил. - Товарищи!.. Сегодняшний полет - еще один урок нам, летчикам-высотникам. Я уже и счет

потерял своим полетам, но, видимо, подлинная мудрость заложена в пословице: "Век живи, век учись". Кажется, не осталось уже ничего, чего бы я не знал о высотной работе, а вот еще немножко - и сегодняшней полет был бы сорван, из-за такого пустяка, как слишком туго затянутый ремешок. Правы те, кто говорит, что в нашем деле нет мелочей. Задача конструкторов - помочь нам выполнить завет нашего дорогого вождя и друга товарища Сталина: "Летать выше всех". В исполнении этого завета-залог победы советских истребителей над всеми, кто посмел бы посягнуть на нашу родину. У Хасана, да и в других местах, мы заставили врагов поверить в превосходство нашей техники и нашего летного искусства. Но если у них окажется короткая память и они снова сунутся к нам, мы докажем им, что прав был товарищ Ворошилов, говоря: "Вы испробовали еще только цветики, а ягодки-то впереди".

Мы с вами, товарищи, живем у самой границы, но это не пугает нас. Мы знаем: в тот же миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная армия перейдет границы вражеской страны. Наша война будет самой справедливой из всех войн, какие знает человечество. Большевики - не пацифисты. Мы - активные оборонцы. Наша оборона - наступление. Красная армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны. С того момента, как враг попытается нарушить наши границы, для нас перестанут существовать границы его страны. И первыми среди первых будут советские летчики! Слава создателю советской авиации-великому Сталину!.. Бур оваций потрясла воздух.

Гроза подхватил Галочку, вертевшуюся у его ног, и стал спускаться с трибуны, но, прежде чем он достиг земли, внезапная тишина нависла над аэродромом. Гулко, ясно, так что было слышно дыхание диктора, репродукторы разносили над толпой:

"... Всем, всем, всем! Сегодня, 18 августа, в семнадцать часов крупные соединения германской авиации перелетели советскую границу. Противник был встречен частями наших воздушных сил. После упорного боя самолеты противника повернули обратно, преследуемые нами..."

Народ затих.

Стал ясно слышен деловитый стук лебедек, сдававших два привязных аэростата с подвешенным к ним огромным транспарантом:

"Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны".

Рев беснующегося океана был бы ничем в сравнении с могучим криком, поднявшимся над толпой. негодование народа, призыв к борьбе, уверенность в своей силе были в этом крике.

Но даже этот шум был покрыт ревом мотора.

Над толпой несли истребитель. Он выделял замысловатые фигуры, развороты.

За ним тянулась струя дымного следа.

Самолет развернулся, взмыл выше. Рождаясь там, где он промчался, возникло гигантское, слово: СТАЛИН

Слово ширилось, росло. Оно пронеслось над затихшей толпой, величественно проплыло над городом и ушло в страну.

17 ч. 45 м. - 19 ч. 00 м. 18/VIII

I

ИЗ ЗАПИСОК ФЕЛЬДМАЙОРА БУНК

"... Я очень хорошо помню этот момент. Время приближалось к восемнадцати часам. К генералу явился с докладом начальник штаба. По красному вспотевшему лицу Рорбаха (ген-

майор фон Рорбах - нач. штаба Люфтваффе - прим. автора) я видел, что что-то неладно. Но услышанное мною превзошло все ожидания: так хорошо задуманный и тщательно подготовленный удар не дал ожидаемых результатов. Я до сих пор не понимаю, как это могло произойти: большевики встретили нас почти у границы. Самый элементарный подсчет говорит, что на обнаружение наших частей в воздухе, передачу сообщений от передовых постов к аэродромам и подъем советских самолетов (даже если бы они находились в полной боевой готовности) большевикам нужно было не меньше восьми-двенадцати минут. За это время наши головные части могли бы уже углубиться на сорок пять-семьдесят километров в глубь вражеской территории. А в действительности мы были встречены истребительными частями охранения на глубине от двух до четырех километров. Значит, когда мы подходили к границе, они были уже в воздухе и ждали нас. Они знали о нашем вылете. Значит, нас предали. Иначе это объяснить нельзя. Какой-нибудь коротковолновик-любитель сделал свое черное дело. (Догадка фельдмайора Бунк неверна. Налет немцев был отражен благодаря тому, что советские пограничные посты ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь) были снабжены усовершенствованными слуховыми приборами, и высокой чувствительности. Еще до того, как противник перелетел советскую границу, дежурные части ВВС узнали о приближении большого числа самолетов и немедленно поднялись со своих аэродромов. Имперцы обманулись во внезапности своего удара потому, что установление факта нападения и передачу тревоги к аэродромам наши погранчасти и радиослужба выполнили очень быстро. Таким образом, лишь благодаря высокой технике охранения и бдительности использовавших ее людей намерения врага были предупреждены - прим. автора)

На этот раз мы не послали разведку, чтобы не обнаружить себя, и это погубило весь замысел. Ни одно крупное соединение бомбардировщиков, посланных для закупорки большевистских аэродромов, не достигло цели. Из восьмисот тысяч килограммов бомб половина была сброшена на пограничные колхозы; вторую половину, преследуемые большевиками, бомбардировщики сбрасывали, для облегчения себя, куда попало. С удивительной последовательностью эта картина повторилась на всех трех направлениях - северо-восточном, восточном и юго-восточном. Ни одной бреши. Так тщательно разработанный план был сломан в самом начале.

Я привык видеть Бурхарда (Командующий германским воздушным флотом генерал-от-авиации Герман Бурхард - прим. автора) во всяких состояниях, но даже не подозревал, что он может так быстро менять окраску лица. Лоб его покрылся испариной. Я сунул было со стаканом воды, но Бурхард отшвырнул его.

По окончании доклада Рорбаха Бурхард, не оборачиваясь, крикнул:

- Приказ!

Я едва успевал стенографировать:

"Всем соединениям, входящим в первый эшелон второй волны, быть готовыми к вылету в 21 час сегодня, 18 августа. В воздух вывести девятьсот бомбардировочных машин со всеми сопровождающими частями..."

Бурхард на минуту задумался и решительно продолжал:

- Третьей сводной эскадре быть готовой к вылету в двадцать два часа...

Здесь его перебил Рорбах:

- Сроки готовности должны быть пересмотрены, противник может нас опередить. Мы уже убедились, что стахановские...

Но Бурхард не стал слушать. Он бросил взгляд на часы:

- Я даю вам меньше трех часов, чтобы подготовить к вылету тысячу пятьсот тяжелых машин. Обогнать нас не могут. Это выше человеческих сил.

Рорбах заметил:

- Мы имеем дело с большевиками. Бурхард сказал уже совсем неприязненно:

- У вас есть основания думать, что я ошибаюсь?

- Здравый рассудок, ваше превосходительство...

- Генерал, я прошу оснований. Понимаете, - оснований! Разведка дала что-нибудь

новое?

- Воздушная разведка прилагает все усилия к выяснению обстановки, но несет напрасные жертвы. Проникнуть в расположение противника не удастся. Агентурная разведка работу почти прекратила.

Бурхард раздраженно перебил:

- Значит, ничего нового? Реальным остается только их план развертывания, лежащий перед нами? Тогда я все-таки предпочитаю ночь. Сравните сроки, и вы увидите, что они не успеют подняться в воздух, как будут стерты с лица земли, - упрямо повторил он и продолжал диктовать.

Рорбах стоял на своем: сроки вылета должны быть сокращены. Бурхард диктовал, не слушая его. Когда проект приказа был готов, Бурхард связался по прямому проводу со ставкой фюрера. Фюрер не подошел к аппарату. Бурхард доложил свой проект и возражения Рорбаха дежурному генерал-квартирмейстеру. Старик нервничал в течение тех пятнадцати минут, что длились размышления ставки.

Через четверть часа пришел ответ. Приказ утверждается с перенесением всех сроков на один час раньше. Это было некоторой уступкой авторитету Рорбаха, хотя и значительно меньшей, чем он хотел.

По плану внезапного нападения на Советский Союз общая задача германских воздушных сил сводилась к нанесению ошеломляющего удара на трех направлениях: Смоленском, Минском и Киевском. Операцию на севере, против Ленинграда, пришлось задержать вследствие неполной готовности флота. Операция на южном направлении (Одесса) была отложена из-за необходимости сосредоточения максимальных сил на главных фронтах. Ударным направлением, порученным особому вниманию воздушной армии, было юго-восточное. Главным объектом удара наземных войск был здесь Киев. К поддержанию этого броска "армии вторжения" генерала Шверера и сводились действия воздушных сил. Однако неудавшаяся внезапность налета обоих эшелонов первой волны смешала наши карты.

Теперь Бурхарду было предложено во что бы то ни стало парализовать действия советской авиации на Киевском направлении и сосредоточить все усилия бомбардировочной авиации на советских коммуникациях, чтобы задержать сосредоточение там наземных сил Красной армии. К этому в основном и сводились указания Бурхарда, данные Рорбаху.

В заключение Бурхард приказал:

- К полуночи вы разрабатываете точное задание по бомбардировке наиболее крупных населенных пунктов в пограничной зоне: Ленинграда, Минска и Киева.

Начальник штаба еще раз нерешительно сказал:

- Сроки, сроки, ваше превосходительство! Я имею все основания думать, что...

Бурхард только пожал плечами и встал в знак того, что разговор окончен".

II

С трудом пробравшись на автомобиле к воротам аэроклуба, капитан Косых помчался прямо на главный аэродром эскадры. Там он застал уже Сафара и остальных летчиков. Соседние части готовились полным ходом. Шла боевая зарядка машин. Заливалось горючее, снаряжались пушки и пулеметы. Кислородные брикеты закладывались в крыльевые кассеты (Для питания кислородных дыхательных приборов на высоте - прим. автора.)

Политработники под руководством комиссаров частей обходили машины. Они заглядывали в полетные аптечки- все ли на месте? Есть ли предписанные наставлением медикаменты и перевязочные средства? Заготовлены ли препараты против обмороживания? Они, не стесняясь, открывали личные чемоданчики летчиков, штурманов, радистов. Туда, где не хватало шоколада, они совали плитки "Кола". Незаполненные термосы отправлялись на кухню для заливки кипящим какао. Не отрывая людей от работы, они совали им в карманы лимоны, попутно, как бы невзначай, проверяя, надето ли теплое белье, не потерял

ли кто-нибудь в спешке перчатки, исправны ли кислородные маски.

Женщины - жены командиров - работали в аэродромной столовой. Горячие завтраки упаковывались в термокоробки и отправлялись на машины по количеству людей.

Косых проверял подготовку своей части, когда ему вручили приказ: его часть входит в сводное соединение, получающее специальное задание. Ряд частей, расположенных в данном районе, поступает под команду начальника местного авиагарнизона Дорохова, назначаемого флагманом этой сводной эскадры. По его приказу частям предстояло в кратчайший срок произвести сосредоточение на указанных аэродромах. Десятью минутами позже Косых получил приказание сдать командование и немедленно прибыть в штаб эскадры. Он прикомандировывался к флагману.

Капитан Косых был рад этому назначению: перед ним пройдет вся операция, он будет в самом центре управления. Но было тяжело расставаться с частью. Особенно грустно покидать Сафара. Сумеет ли заместитель капитана направить его темперамент в нужную сторону?

Однако размышлять некогда. Косых торопился в штаб эскадры. Он на ходу попрощался с Сафаром. Тот, смущенно улыбаясь, попросил:

- Может быть, Сандро, в штабе увидишь кого-нибудь из десантников... передай привет...

Хотелось выскочить из машины и обнять этого крепкого детину. Но автомобиль взял с места. Сафар остался за дымкой пыли. Косых не расслышал его последних слов.

По дороге он подхватил Грозу. Тот тоже спешил на центральный аэродром. Его истребительная часть была выделена с особый резерв штаба армии. Искоса глядя на приятеля, Косых любовался его спокойствием.

Вылезая из автомобиля, Гроза деловито бросил:

- Если столкнешься с кем-нибудь из десантников, передай привет... Богульным.

Хотя голова капитана Косых и была занята совсем другим, все же мелькнула мысль: "Теперь я понимаю, почему Сафар так раздражается при виде Грозы. Но о ком же из них Олеся говорила вчера отцу?"

Дорохова капитан Косых застал уже в штабе перед собравшимися командирами.

Флагман вкратце обрисовал создавшуюся обстановку и общую задачу воздушных сил. После отражения первого воздушного нападения наша авиация должна стремительно вторгнуться в расположение врага. Необходимо максимально облегчить Красной армии переход в наступление и преодоление укрепленной линии противника. Бомбардировщикам предстояло держать под ударом железнодорожные и автомобильные магистрали для воспрепятствования переброскам противника. Развертывание советской авиации необходимо произвести с такой стремительностью, чтобы ее контрудар был неожиданным для противника, несмотря на то, что он как нападающая сторона, несомненно, приготовился к нашим контрмерам. Этого можно достичь только за счет сокращения сроков вылета и сосредоточения. Возможно, что, при всей их секретности, сроки, предусмотренные нашими планами, известны противнику. Поэтому он три подготовке своего второго налета и в отражении наших действий будет ориентироваться на эти сроки с некоторым их упреждением. Иными словами, мы должны опередить самих себя в два-три раза.

- ... Поэтому, - сказал Дорохов, - я буду вам сейчас называть сроки значительно более короткие, нежели те, что предусмотрены боевым расписанием. Они могут показаться чересчур напряженными, но выполнить их мы должны. На нашу эскадру ложится частная, но очень важная задача... Дальние скоростные бомбардировщики должны быть использованы со всей возможной эффективностью. Удар нужно нанести по таким тылам врага, которые он считает неуязвимыми. Для этого:

В девятнадцать часов штурмовые части вылетают для атаки аэродромов истребителей противника, расположенных на пути следования моих главных сил.

В девятнадцать десять вылетают легкие бомбардировщики под охраной 86 и 87 истребительных частей. На них лежит уничтожение материальной части противника на

аэродромах, атакованных штурмовиками. Одновременно вылетает разведка эскадры.

В девятнадцать двадцать вылетают главные силы эскадры в трех группах:

Первая колонна в составе двухсот сорока СБД (скоростной бомбардировщик дальнего действия - прим. автора).

Вторая колонна в составе шестидесяти СБД.

Третья колонна в составе трехсот шестидесяти СБД.

Колонны следуют общим курсом на Варшаву. Цель- привлечь сюда внимание противника. Если германское командование и не приложит усилий к защите столицы своих подневольных "союзников", территорию которых они насильственно использовали как плацдарм для войны против СССР, мы только выиграем. Этим с первого же дня создадутся немалые трения в их рядах. Но на Варшаву мы не посягаем. Над деревней Сорокомля, между Демблиным и Радином, эскадра ложится на новый курс - к Берлину.

Произнеся эти слова, Дорохов заметил движение среди командиров.

Кое-кто радостно переглянулся.

- Варшава останется к северу от пути нашего следования. Вероятно, противник сосредоточит все силы на пути следования эскадры, - столицу Германии он даром не отдаст. Это эскадре и нужно. Прежде чем мы наткнемся на сопротивление непосредственной обороны центра, группы разделятся. Это произойдет над городом Плетень, вот здесь, северо-западной Калиша. Первая, колонна будет продолжать полет к Берлину: ей придется принять на себя удар, приготовленный для всей эскадры.

Ее задача - отвлечь на себя силы противника. Чем дольше ей удасть создавать впечатление, что она является авангардом наших главных сил, движущихся к Берлину, тем лучше для эскадры, для нашей основной задачи.

Первая группа несет лишь небольшое количество мелких бомб дл демонстрации. Весь тоннаж используется под огнеприпасы оборонительного вооружения.

Одновременно со своей основной задачей на всем пути совместного следования эта колонна несет крейсерское охранение главных сил.

Вторая и третья колонны над Плешенью меняют направление на юго-западное, - вот так. Это дает нам шанс некоторой скрытности маневра, хотя к тому времени, как мы подойдем к германской границе, нас, вероятно, откроют. Сопротивление будет отчаянное. Но чего бы это нам ни стоило, мы должны пробиться к району Фюрт - Нюрнберг.

На фотокроках "17-Н-Бис" вы видите этот район в крупном масштабе. На канале-перемычке, соединяющем Дунай и Майн, немцами заново создан гигантский военно-промышленный центр, питающийся энергией так называемой "централи фюрера", использующей воды обеих рек. Здесь один из основных котлов войны. Одна из главных баз материального питания германской армии: производство вооружений, бронемашин, самолетов. Ниже по Майну вы видите Бамберг, -здесь, под видом производства искусственного шелка и анилиновых красок, создан новый величайший в мире военно-химический комбинат: взрывчатые вещества и ОВ (отравляющие вещества). Наша задача - лишить германскую армию самого мощного из ее военнопромышленных узлов. Дорохов говорил ясно и спокойно.

- Вторая колонна, - продолжал он, - в составе шестидесяти машин бомбардирует плотину водохранилища у "централи фюрера". Успешность бомбардировки обеспечит затопление всего района Фюрта и Бамберга. Триста шестьдесят машин третьей колонны бомбардируют главные военнопромышленные объекты Фюрта - Нюрнберга вот по этому плану. Особенно обращаю ваше внимание на этот план. Он обязателен для вас. Мы стремимся к тому, чтобы уничтожению подверглись лишь отмеченные на плане промышленные районы Нюрнберга. Не допускайте жертв среди гражданского населения. Оборонительная обстановка противника изложена в этой сводке. Непосредственную разведку мы должны обеспечить себе сами. Я не хочу идти на операцию с завязанными глазами, но открывать направление своего движения слишком ранней посылкой разведки тоже было бы вредно. Не мне вам говорить, что противник очень силен и подвижен.

Необходимо учесть каждую мелочь.

Дорохов оглядел присутствующих. Командиры делали отметки, на своих картах. Лица были сосредоточенны. Комкор искал в них признаков волнения. Их не было. Спокойствие и уверенность. "Точно мы летим на маневры, - подумал Дорохов, - Ну, и народ! " Он наклонился к военкому сводной эскадры Волкову и прошептал:

- Ты не считаешь, что твое присутствие было бы полезно в первой колонне? Ей может прийти очень трудно. Нужна крепкая воля. Ничто не должно сбить колонну с пути.

Волков молча кивнул.

- Военком эскадры бригадкомиссар Волков следует с первой колонной, - сказал Дорохов и посмотрел на часы. - Товарищи командиры, до вылета разведки осталось... тридцать две минуты. Я назвал очень жесткие сроки. Части справятся?

- Странный вопрос, - пробормотал кто-то из командиров, но Дорохов сделал вид, что не слышит.

- Не сомневаюсь, товарищ комкор, - сказал командир разведывательной части полковник Старун. Он первым покинул совещание.

Один за другим уходили командиры.

Около Дорохова остался только бригадный комиссар Волков, один из самых молодых, но и наиболее способных комиссаров наших военно-воздушных сил. За выполнение некоторых заданий правительства он был награжден двумя орденами.

Спокойный, рассудительный, умеющий сохранить хладнокровие в самых трудных обстоятельствах, человек железной воли и необыкновенного напора. Все знали о симпатии Дорохова к Волкову. Капитан Косых видел, что теперь, поставив своего друга в наиболее трудное место, командир эскадры хочет на лишнюю минуту задержать его. Закончив указания, Дорохов особенно тепло сказал Волкову:

- Тебе досталось жаркое дело.

- Ну, что ты? - спокойно усмехнулся Волков. - У меня возни будет меньше. Я буду здесь раньше тебя.

- Прощай, - сказал Дорохов. - Передай командирам, что на этот раз больше чем когда-либо от каждого из них зависит осуществление ворошиловского завета, драться за победу малой кровью. Нужно выбить оружие из рук врага.

- Сделаем! - ответил Волков.

СРЕДСТВА

Воздушная обстановка на юго-восточном участке 18 августа была такова:

В 16 час. 57 мин. 18 августа пограничные посты ВНОС обнаружили приближение противника.

В 17 час. первые германские самолеты перелетели границу СССР.

В 17 час. 01 мин. начался воздушный бой.

В 17 час. 30 мин. последний неприятельский самолет первой волны покинул пределы Союза.

В 17 час. 34 мин. советские истребители прорвали охранение противника и вошли в его расположение. Подавив авиацию ПВО, они провели в пределы противника соединения легких бомбардировщиков и штурмовиков, предназначенные для уничтожения аэродромов сосредоточения германской авиации юго-западного фронта.

В 18 час. 20 мин., после тщательной высотной разведки, донесшей свои наблюдения с расстояния свыше двухсот километров из тыла противника, вылетели первые соединения тяжелой советской авиации, предназначенные для бомбардирования транспортных магистралей и узлов прифронтовой полосы, занятой немецкими войсками, - Тарнополя, Львова, Ровно, Сарн и Ковеля.

К 19 часам, времени вылета первых штурмовых частей Дорохова, было уже получено радио о том, что железнодорожный узел Львова, забитый германскими воинскими

составами, объят огнем от советских бомб. Одновременно пришли сообщения и о первых серьезных жертвах с нашей стороны: возвращение бомбардировочной группы, подвергшей бомбардировке Львов, было отрезано вражескими истребителями. Пробиваясь в свое расположение, группа понесла тяжелые потери.

Об обстановке на земле и действиях наземных частей Красной армии сведений в штабе эскадры пока не было. Конечной целью всех боевых операций воздушных сил было облегчение наземным войскам перехода границы, но судить о чем-либо за несколько часов, истекших со времени нападения немцев, было трудно. Скоротечность воздушных операций не определяла темпов действий "а земле. Они развивались неизмеримо медленней. Но это вовсе не значило, что воздушные силы сами по себе, изолированно от армии, могут решить основные задачи навязанной Советскому Союзу войны. В этом очень хорошо отдавали себе отчет все командиры эскадры. Меньше всего они думали о том, что могут самостоятельно решить судьбу войны, как бы важны и успешны ни были их операции.

В 19 часов поднялись первые штурмовики эскадры Дорохова. Лет лощинами, долинами рек, прогалинами в лесах, иногда на высоте не более десяти-двенадцати метров, штурмовики до последней минуты сохранили скрытность своего движения. Все внимание противовоздушной обороны противника сосредоточилось на легких бомбардировщиках, двигавшихся с десятиминутным интервалом за штурмовиками на высоте около шести тысяч метров. Когда легкие бомбардировщики только еще входили в зону действия зенитных батарей противника, аэродромы его истребительной авиации подверглись стремительной атаке штурмовиков. В то же время разведывательная часть дальнего рейда под командой полковника Старуна на той же высоте проникла в тыл противника, перелетев границу в районе Киликиев - Корец.

Армейская истребительная авиация противника, расположенная в этом районе, получила задание от командования по подготовке операции дл своих бомбардировщиков, намеревавшихся лететь на советские железнодорожные узлы. Вылет немцев был назначен на сорок минут позже того времени, когда они были застигнуты на земле советскими штурмовиками.

Первые штурмовики, идущие на бреющем полете, оставаясь неуязвимыми для зенитной артиллерии, забросали аэродромы в Сусне и Погореловке фугасными бомбами замедленного действия. Взрыватели бомб устанавливались с таким расчетом, чтобы разрывы происходили в сроки от минуты до часа и даже до двух. На все время действия этих бомб летное поле было недоступно для восстановления повреждений, произведенных разрывами.

Следующей очереди штурмовиков пришлось уже труднее. Пришедшие в себя аэродромные, команды бросились к зенитным пулеметам. Штурмовиков встретили огнем. Они должны были пустить в ход дымовую завесу. Хот завеса затрудняла их собственную работу по бомбежке аэродромов, но зато парализовала пулеметчиков на земле. Кроме того, устойчивые острова дыма создали очень хорошо видимую цель для идущих за штурмовиками легкобомбардировочных частей. Ангары противника подверглись бомбардировке зажигательными бомбами. Процент поражения был вполне удовлетворительным, несмотря на хорошую работу ПВО противника. Свыше пятидесяти процентов его новеньких двухпушечных истребителей были уничтожены на земле, прежде чем успели подняться в воздух.

Летный состав вражеских частей, подвергшихся атаке, проявил упорство. Офицеры бросались к машинам, невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной стене дымовой завесы и непрерывным блескам разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывом бомб, и падали грудой горящих обломков. Сквозь муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, пораженные зажигательными пулями. И все-таки некоторым офицерам удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в одиночный бой с советскими самолетами. Но

эта храбрость послужила лишь во вред их собственной обороне. Их разрозненные усилия не могли быть серьезным препятствием работе советских самолетов и только заставили прекратить огонь их же собственную зенитную артиллерию и пулеметы.

Через двадцать минут после появления первого штурмовика над зоной расположения истребительных аэродромов противника показались главные силы Дорохова. Эшелонирование наших сил было рассчитано таким образом, чтобы колонны Дорохова имели возможность пройти над аэродромами истребителей, прежде чем немцы успеют оправиться от удара, нанесенного нашей предварительной атакой. Даже если бы советской авиации не удалось, в буквальном смысле слова, закупорить немецкие аэродромы, в их работе должен был создаться интервал, позволяющий Дорохову миновать опасную зону.

Расчеты нашего командования оправдались. Несмотря на выдержку летчиков противника, готовых тотчас после окончания атаки идти в полет, наземная служба оказалась неспособной обеспечить им вылет. И прежде всего не могли быть так быстро введены в строй материальные резервы, чтобы восполнить убыль сгоревших и поврежденных самолетов. Летчикам попросту не на чем было подняться в воздух. Первые же часы боевой обстановки со всей реальностью выявили социальные недостатки неприятельской армии, прикрытые в мирное время жестокой дисциплиной. Не следует забывать, что вспомогательный технический персонал такого рода войск, как авиация, - механики, мотористы, оружейные мастера, радисты, электрики и десятки других, маленьких специалистов, на труде которых зиждется техническая готовность боевого самолета, - были солдаты. Солдатские кадры авиации пополнялись из рядов промышленных рабочих, главным образом металлистов.

Если немецкие офицеры стремились поскорее подняться в воздух для борьбы с советскими самолетами, то у солдат на этот счет было свое мнение. Они проявляли значительно меньшее рвение. Пока грохотали на аэродроме бомбы с замедлителями, сброшенные советскими самолетами, солдаты предпочитали отсиживаться в убежищах. Работа на аэродромах шла более вяло, чем того требовали обстоятельства. Первые же разрывы советских бомб подтвердили со всей очевидностью тяжелый для германского командования недостаток технических войск. Слишком многое зависело от людей, обладающих умелыми и грубыми руками, слишком многое господа офицеры не умели делать сами. Если в пехоте солдат, попавший в бой, под страхом наведенных на него с тыла пулеметов полевой жандармерии, волей-неволей должен идти вперед, стрелять, колоть и умирать за тех, кому он хотел бы всадить в живот свой штык, то здесь, в авиации, где нужны прежде всего умелые руки ремесленника и сметка мастера, пулеметом не поможешь. Увы, это было слишком ясно и самим офицерам, беспомощно метавшимся по аэродрому в поисках исправных самолетов. Таких самолетов были единицы. Они были бессильны помешать хотя бы одной эскадрилье дороховской эскадры следовать по своему пути.

К 20 часам замыкающие части Дорохова проследовали над зоной истребительной авиации противника. Растянувшись по фронту почти на десять километров, эшелонированные до пятнадцати километров в глубину, группы эскадры шли на высоте семи тысяч метров. Эта высота не была предельной для самолетов СБД, входивших в состав главных сил эскадры Дорохова. Конструкция их имела некоторые принципиальные отличия от схемы бомбардировщиков, установившейся к тому времени в воздушных силах Европы и Америки.

Главной отличительной чертой самолета СБД являлось применение на нем паротурбинной силовой установки.

К тому времени восемьдесят процентов всех авиационных средств мира были снабжены бензиновыми двигателями обычного четырехтактного цикла. Лишь четырнадцать процентов имели на борту нефтяные двигатели дизельного или полудизельного типа с зажиганием от свечи или самовоспламенением смеси. Из этих четырнадцати процентов одиннадцать принадлежали немцам и два американцам. В Третьей империи с наибольшим упорством проводились опыты создания авиационного дизеля. Нельзя сказать, чтобы только

эта страна нуждалась в освобождении своего воздушного флота от "бензиновой зависимости". Почти в таком же положении была Франция, не имевшая своей нефти, Италия и другие страны. Но никто так не боролся за эмансипацию военных воздушных сил и за снабжение их двигателем, способным работать на грубых сортах топлива, как немцы. Эта борьба развивалась сначала по линии освоения тяжелых погоней нефти. Затем желудок мотора стал приспосабливаться к поглощению жидких синтетических топлив.

Настоятельная необходимость экономии горючего диктовалась катастрофическим, с военной точки зрения, положением Германии в отношении нефти. Германии нужно было во время войны иметь 18 миллионов тонн жидкого горючего в год. Ввоз нефти из Румынии был невелик. Сама Германия производила всего около 2 миллионов тонн жидкого топлива. Командование потребовало от химической промышленности покрытия дефицита производством бензина из каменного угля. Но для этого понадобилось бы истребить на перегонку 65 миллионов тонн антрацита, т. е. половину всего, что имела Германия в целом; 50% угля пришлось бы изъять из хозяйственного оборота страны или восполнить иными видами топлива. Это было не под силу германскому хозяйству. Попыты добывания бензина из бурых углей показали, что их нужно для этого втрое больше, чем антрацита. Для добывания этого сырья пришлось бы спустить в шахты 500 тысяч новых уголепов, - 15 армейских корпусов! Этого Германия тоже не могла сделать. Пришлось идти по пути лихорадочного накапливания импортной нефти.

С другой стороны, велись усиленные работы по созданию взрывных двигателей, способных работать на беззольной каменноугольной пыли.

Процесс освобождения от бензинового мотора ко времени открытия военных действий был закончен в германской тяжелой авиации. Наиболее прожорливые типы самолетов - бомбардировщики - были переведены на синтетическое горючее, могущее поставляться химической промышленностью преимущественно за счет внутренних сырьевых ресурсов. Если считать верными данные германского командования о том, что к началу войны в рядах его бомбардировочной авиации находилось всего 2 400 машин с суммарной мощностью моторов в 7 200 000 лощ. сил, то каждый час полета бомбардировщиков отнимал бы из мобилизационных запасов империи 1 440 тонн нефти. А так как средняя суточная работа бомбардировщиков в первые дни этой войны достигла небывалой цифры в 9 часов, 800 цистерн нефти в сутки требовалось одним бомбардировщикам!

Благодаря переводу бомбардировщиков на топливо, не являющееся погонями нефти, запасы последней могли быть использованы для авиации истребительной, требовавшей суточного расхода в 5 000 тонн.

По совершенно иной принципиальной линии развития силовой установки тяжелых самолетов пошли советские конструкторы. Группа молодых инженеров удачно использовала централизованную силовую установку на самолете большого тоннажа. Смелый переход на длинные валы передач сделал возможным отказ от установки многих моторов. Можно было перейти к одному двигателю большой мощности и передавать его энергию винтом, отнесенным на любое расстояние в крылья. Это имело значительные аэродинамические и тактические преимущества. Оставалось найти такой двигатель, который при небольшом удельном весе позволил бы сосредоточить высокую мощность и был бы достаточно компактным.

Выходом явилась паровая турбина. Отдача ее росла за счет повышении оборотов. Критическое число, лимитированное прочностью материалов с применением так называемых агатовых сталей, выросло необычайно. Возможность отдаления от турбины котла и конденсатора позволила разнести всю установку по самолету так, что его лоб (Лоб самолета измеряется площадью его наибольшего поперечного сечения. Чем больше лоб, тем больше сопротивление воздуха (лобовое сопротивление) - прим. автора.) определялся лишь габаритами человека и вооружения.

Кроме этих, если можно так выразиться, "аэродинамических" преимуществ турбины, она открыла перед самолетом и совершенно новые высотные перспективы: отпадала

проблема поддержания в камере сгорания двигателя некоторого минимального давления, могущего сохранить ему расчетную мощность. Необходимость наддува и производящих его сложных, двух- и трехступенчатых нагнетателей отпадала. Двигатель перестал "задыхаться". Интенсивность генерации пара была сделана постоянной, не зависящей от высоты и скоростного режима полета.

Это принципиальное изменение в двигательном хозяйстве самолета позволило пересмотреть и его конструктивную схему.

Последним, очень важным преимуществом паровой установки являлась возможность использования в топке тяжелого нефтяного топлива повышенной теплотворной способности, достигаемой путем прибавления некоторых химических веществ.

О том, какое значение имело применение тяжелого топлива по сравнению с бензином, каким облегчением эта являлась для нефтеперерабатывающей промышленности, можно судить по тому, что трудоемкость нового топлива как продукта производства относится к трудоемкости прежнего авиационного бензина, как 1 к

3, 5.

Боевое значение нового топлива заключалось еще в том, что опасность возгорания при попадании снаряда или пули в баки была сведена к минимуму. А пожар от удара при падении, столь обычное явление в "бензиновой" авиации" был почти исключен.

Самолет СБД благодаря удобному и компактному расположению силового агрегата и движителей (движителем называется приспособление, преобразующее энергию двигателя в движение. У паровоза движителем является ведущее колесо, у трактора - гусеница, у самолета - пропеллер - прим. автора) приобретал повышенную боеспособность. Это обуславливалось, с одной стороны, тем, что каждая из огневых точек получила значительно больший обстрел, с другой - присутствием на борту СБД такого мощного источника энергии, как генератор пара. Все манипуляции по перемещению пулеметов и пушек были возложены на сервомоторы, получившие питание от центральной динамо. Благодаря этому все оборудование могло быть пересмотрено. Подверглось реконструкции и артиллерийское вооружение СБД. Калибр пулеметов был доведен до 14 миллиметров, носовая и хвостовая башни получили пушки 55-миллиметрового калибра. Скорострельность пулеметов была доведена до двух тысяч выстрелов в минуту; пушки выбрасывали 700 снарядов в минуту.

Экономичность турбин позволила повысить дальность полета, доведя ее до трех с половиной тысяч километров при бомбовой нагрузке в тысячу двести пятьдесят килограммов.

Даже при этой нагрузке машина сохраняла очень высокую крейсерскую скорость на боевой высоте. При этом посадочная скорость не превышала сорока пяти километров. Это были первые машины в мировой практике с подобным диапазоном скоростей..

Расчетный потолок СБД был равен четырнадцати тысячам метров.

По сравнению с бомбардировщиками прежних типов, СБД представляли машины стремительного, ударного действия. Рядом с прежними машинами они были большим шагом вперед. Этим шагом советская авиация была обязана коллективу молодых специалистов, смело сломавших изжившие себя технические традиции.

19 ч. 00 м. - 21 ч. 00 м. 18/VIII

Получив назначение к командиру эскадры для связи, капитан Косых рассчитывал иметь много свободного времени и проследить за ходом всей операции. Он не учел того, что впервые, в действительной боевой обстановке, шестьсот шестьдесят бомбардировщиков, с приданными им шестьюдесятью самолетами разведки, то есть в общем семьсот двадцать машин, - пойдут под командой одного человека в общий рейд. В разных точках, группах, колоннах этой эскадры могли возникнуть положения, требующие неоднократных

перестроений, эволюции перемены курсов. Если флагман не будет знать обо всех этих изменениях, то, в конце концов, может получиться путаница, разобраться в которой будет невозможно.

Перед Косых была целая серия планшетов с нанесенными на них схемами соединений. В его распоряжение был предоставлен отвод от приемника флагманской радиостанции. Он должен был отцеживать из донесений то, что относится к изменению порядков и строев в колоннах, и немедленно передавать эти сведения в пост управления флагмана.

Эта обязанность, вопреки ожиданиям Косых, почти не оставляла ему времени на то, чтобы изредка воспользоваться имеющейся в полу оптической зрительной трубой, сильные линзы которой давали возможность видеть на земле ряд деталей, несмотря на высоту в семь тысяч метров.

Общий характер местности, над которой летели колонны эскадры, пока мало чем отличался от хорошо знакомого Косых украинского ландшафта. Но сильная оптика позволяла определить разницу в обстановке. После сплошных колхозных массивов бросалась в глаза мозаичная раздробленность полей. Желтые квадраты яровых беспорядочно перемешались с косыми, уродливыми клинышками распаханых озимей.

Большинство рабочих поселков в индустриальных районах представляли собой серые пятна убогих хибарок, беспорядочно облепивших площадки заводов.

Время от времени среди лоскутных крестьянских полей в объектив трубы входили более крупные пятна. Где-нибудь на опушке рощи или на холме у реки можно было различить белое пятнышко помещицкой усадьбы.

Сознание, что халупы нищих деревень и хибарки рабочих поселков набиты людьми, с жадностью и надеждой следящими за советскими самолетами, наполняло Косых чувством острого любопытства. Совершенно забывалось, что внизу имеются, вероятно, зенитные батареи, аэродромы, истребители. А когда эта мысль приходила на память, становилась странной, почти непонятной, легкость, с какой колонны вот уже целый час движутся над территорией Польши. После прорыва сквозь зону истребительной авиации им не оказывалось никакого сопротивления. Эскадра без боя проникла уже почти, на триста километров в глубь чужой страны.

Несмотря на подозрительность подобной инертности противника, главные силы эскадры могли двигаться совершенно спокойно. Разведка шла впереди веером, выдвинутым на пятьдесят километров. Разведчики летели патрулями на высоте от семи до восьми с половиной тысяч метров. Они оставались почти невидимыми и неслышными. Еще несколько лет тому назад они были бы на такой высоте совершенно слепы и, следовательно, бесполезны. Но применение мощной оптики в соединении с автоматически работающими фотоаппаратами позволяло теперь вести самое действительное наблюдение пересекаемой местности. Постановка разведывательной работы в дальних рейдах была совершенно новой. По новому наставлению "разведки сопровождения дальнего рейда", на обязанности летчика-наблюдателя лежало главным образом наблюдение за окружающим воздушным пространством. При современных скоростях, появление в воздухе истребителей или аэростатов заграждения могло быть обнаружено лишь при постоянном и внимательном наблюдении за воздухом. Та же большая скорость наряду с большой высотой полета делала визуальное наблюдение земли очень трудным. Человеческий глаз, даже вооруженный лучшей оптикой, уже не мог фиксировать предметы с точностью, какая требовалась разведчику, чтобы раскрыть местность.

Для наблюдения местности с большой высоты на большой скорости на борту советских самолетов-разведчиков имелся прибор, созданный соединенными усилиями советских радиотехников, оптиков и химиков. Это был сложный агрегат из фотосъемочного, лабораторного, демонстрационного и радиобильдаппаратов.

Интересной деталью этой установки было применение новых цветочувствительных эмульсий, очень чувствительных к природе фиксируемых красок. Искусственные краски (химические) действовали на эмульсию совершенно иначе, нежели естественный.

Изображение получалось резко искаженным по цвету и сразу бросалось в глаза наблюдателю. Это давало возможность быстро обнаруживать всякого рода искусственные сооружения и маски.

Главным затруднением на пути конструкторов этого фотографического "наблюдателя" было преодоление времени в фотохимических процессах. Но они справились и с этим. Через восемьдесят две секунды после спуска затвора фотокамеры позитив уже проектировался на экран.

Выдвинутый вперед веер из нескольких десятков ВРД (ВРД-обозначение высотного разведчика дальнего рейда (тип, состоявший на вооружении в части, которой командовал Старун) Цприм. автора) позволял главным силам эскадры двигаться совершенно уверенно, зная, что всякий сюрприз со стороны противника будет обнаружен разведкой.

Разведчики шли по три, придерживаясь максимальной высоты, какую допускала облачность. Циррусы (перистые облака) плыли разорванными клиньями: разведчики старались держаться немного ниже, чтобы облака не портили видимость.

Разведывательный веер вел полковник Старун. Он летел в замке своего передового патруля, непрерывно поддерживая радиосвязь с флагманской машиной. Старый, осторожный летчик, опытный и внимательный разведчик, он, не отрываясь, слушал эфир и был готов принять сообщение любого из двадцати патрулей своей части. То, что до сих пор, за час полета над расположением противника, ни один из самолетов не донес о чем-либо подозрительном, заставляло полковника беспокоиться.

Равнина сменилась пологими холмами, покрытыми мелким кустарником. Контрольная фотолента по-прежнему не показывала никаких признаков аэродромов, зенитной артиллерии, ни единого намека на искусственную маскировку. Старун знал, что до внешней зоны сопротивления ПВО Варшавы еще далеко, но он никогда не предполагал, что противник так хладнокровно подпустит к ней большевиков, не попытавшись даже сбить их с маршрута. Подобная выдержка со стороны противника была неожиданной. Он хочет подпустить эскадру к самому узлу своего сопротивления? Тем хуже для него: большевики вовсе не собираются идти к польской столице и скоро лягут на новый курс. Тогда будет уже поздно привлекать к борьбе воздушные силы активной обороны польской столицы. Они не успеют даже вступить в соприкосновение с эскадрой Дорохова.

- Ну что ж, тем лучше, тем лучше для нас. Тем лучше... - запел он по старой привычке, зная, что никто не услышит его голоса, которого он так стыдился на земле. Здесь его не попрекнут плохим слухом.

- Тем хуже для... - завел он было новую руладу, но оборвал на полуслове: головной самолет идущего впереди патруля вдруг стремительно повернулся вокруг вертикальной оси. Прежде чем Старун успел проанализировать это движение, правая несущая поверхность переднего самолета отвалилась и стала падать. Корпус со вторым крылом, совершив еще несколько беспорядочных движений, пошел вниз. В следующее мгновение от падающей машины отделились два человека и, пролетев несколько десятков метров, раскрыли парашюты. Летчик его собственной машины, следуя движениям идущих впереди машин головного звена, круто взял на себя. ВРД, взвывая моторами, свечой полез в облако. В тот момент, когда Старун отметил прыжок второго парашютиста, в наушниках его зазвучал голос: "Старун, Старун, говорит ВРД-2, говорит ВРД-2". Это звал его по радиотелефону аварийный разведчик. Третий из его экипажа остался в падающей машине, чтобы донести: "По-видимому, напоролась на трос заграждения, говорит ВРД-2, слышите?" Старун поспешно сказал в микрофон: "ВРД-2, ВРД-2, прыгайте, прыгайте, я вас видел, донесение принял, донесение принял. Старун".

Рефлекторным движением пальцы переключили радио на передачу телеграфом и стали посылать в эфир позывные:

"Волна... волна... волна..." А глаза не могли оторваться от исчезающей в синеватой дымке у земли аварийной машины: успел ли выскочить последний? Кто был этот смельчак, в котором сознание долга преодолело ужас падения в штопорящей машине, обреченной на

верную гибель? Летчик, наблюдатель или радист? Он даже не сообщил своего имени.

Самолет Старуна, пробив облака, вышел под чистое небо. Невероятной чистоты купол открылся над ним. Безмерная яркость света, не затененного ни единым облачком, ни малейшей туманностью. Под самолетом клубились безграничным морем облака. Казалось, что они находятся в непрерывном движении, точно гонимые ветром волны мыльной пены, заполнившей целый океан без берегов, даже без горизонта. Длинной вереницей, как поплавки на поверхности бурливого прибоя, то появлялись, то снова тонули аэростаты заграждения. Погибший разведчик не ошибся: десятки серебристых баллонов тянулись непрерывной чередой с севера на юг.

В наушниках послышалось кряхтенье, потом отчетливый голос: "Волна слушает, волна слушает". Отозвалась рация флагмана. Старун сообщил об аэростатах. Чтобы точно установить начало и конец барража (Барражазаграждение Ц прим. автора), нырнул под облака. Северный конец барража начинался у Верещины и тянулся к Лечне, уходя дальше на юг. По-видимому, это было одно из звеньев пассивной ПВО железнодорожного узла Люблина. Старун донес об этом флагману и, сопровождаемый несколькими патрулями своих ВРД, снова пробил облака. Аэростаты по-прежнему качались в пенном море. Старун приказал атаковать аэростаты. Воспламененные зажигательными ракетами, несколько баллонов взорвались ярко-голубым пламенем. Утратив часть своей опоры, барраж осел, увлекая свою тяжестью оставшиеся аэростаты. Они были теперь видны и под облаками. Этого достаточно.

Старун не мог задерживаться для полного уничтожения барража. Хот подвешенных к аэростатам тросов и не было видно, они уже не представляли опасности и не могли явиться ловушкой для самолетов Дорохова.

Флагман изменил направление полета главных сил. Вся масса самолетов, следуя приказу флагмана, выполнила поворот. Барраж был обойден с севера. Аэростаты могли теперь сколько угодно болтаться под облаками.

На смену холмам, покрытым редкой порослью, пришел лесной массив, простирающийся вдаль огромным черным пятном. Среди темных масс деревьев изредка белели помещицьи усадьбы.

В наушниках капитана Косых послышались позывные флагманской радиации. Четким попискиванием кто-то звал:

"Волна, волна, волна"... Косых оторвался от зрительной трубы. В наушнике запищало: "Говорит Роба, говорит Роба". Косых даже не взглянул в код - эти позывные он знал хорошо: его родная часть. Капитан невольно посмотрел в ту сторону, где должны были быть его самолеты. Они летели на крайнем левом фланге первой колонны. Не меньше пяти километров отделяли его часть от флагмана. Косых и Сафар не могли бы найти друг друга в небе, даже если бы промежуток, между, ними не был занят несколькими десятками рябоватых пятен, похожих на стаи мальков в светлом пруду. Эти пятна казались Сафару неподвижными, потому что двигались с той же скоростью, что и его собственная машина. Только когда его самолет испытывал качку, пятна эти то уходили под крыло и пропадали на фоне земли, то резко проектировались на облачном небе.

Сафар спокойно вел машину по заданному курсу. Переключив управление на автопилот (Автопилот - приспособление, позволяющее самолету сохранять заданное направление полета и устойчивость без участия летчика Ц прим. автора), он лишь изредка поглядывал на картушку (Картушка - диск компаса с нанесенными на него делениями Ц прим. автора), - не сошла ли курсова черта с нужного румба.

Во время полетов Сафар испытывал чувство удовлетворения, почти радости. Источником ее была такая же уверенность в себе, какую он испытывал, купаясь в море. Сафару не нужно было прилагать никаких усилий для того, чтобы держаться на поверхности. Казалось, пожелай он утонуть, и то вода не пустит вниз. Такое же чувство было и теперь.

Но в воздухе оно пришло не сразу. Прежде, когда он летал на большом корабле, этого чувства не было. Самолет был посторонним телом, большим механизмом, который он,

Сафар, заставлял держаться в воздухе. Не покидала мысль, что нужно быть начеку: внизу земля с никогда не изменяющей ей силой притяжения.

А когда Сафар перешел на СБД, это чувство исчезло. Пропала мысль о том, что машина "тяжелее воздуха". Послушность машины физиологически, до радостной уверенности в собственных мускулах, возбуждала Сафара. Он не летел, а спокойно плыл в упругой воздушной среде.

Немного ниже и впереди Сафар все время видел машину товарища с ясной двойкой на фюзеляже. Если бы не крылья, она была бы похожа на большого уснувшего сазана, лениво, без движения плывущего по течению медленной реки. Только смешная у сазана спина: через колпак, прикрывающий среднюю часть фюзеляжа, видны движущиеся головы людей.

Внизу под двойкой становилось темней. Гуще делался большой лес. Сафар с интересом склонился к трубе. Сафару казалось, что он слышит щебетанье птиц, чует запах влажной тени, лежащей под сомкнутыми вершинами деревьев. Ему даже захотелось в этот лес. Он давно не видел такой массы зелени. Он отвык от нее в степных просторах Украины.

Если бы Сафар мог спуститься на землю, он убедился бы, что лес действительно велик. Вершины деревьев сходились, закрывая землю. В их душистой августовской тени было сумеречно и пахло прелым листом. Даже птицы, о которых думал там наверху Сафар, действительно щебетали в ветвях. Но вот вдруг целая стая их, снявшись с дерева, испуганно метнулась в сторону. Даже здесь, на земле, нужно было очень внимательно приглядеться, чтобы понять причину испуга птиц: зеленая масса листвы двинулась и стала медленно вращаться. Вращалась крона, ствол, цела площадка изрезанной корнями земли двигалась вместе с деревом. Оно было только маской, живою, тщательно поддерживаемой маской зенитного орудия, приютившегося в прохладной тени. Медленно, методически вращалось орудие, следя стволом за невидимыми простым глазом самолетами Дорохова.

Если бы теперь посмотреть на этот большой спокойный лес сверху, можно было бы увидеть много таких вращающихся деревьев. Под каждым из них скрывалась зенитка. У каждого орудия молча, застыв в напряженном ожидании, стояла прислуга. Наводчики с наушниками на головах торопливо вращали маховички горизонтальной и вертикальной наводки. Приказани приходили с поста командира батареи, откуда велось наблюдение за движением колонн.

В контрольной трубе командира батареи разбросанная по небу россыпь самолетов-малышек превращалась в машины. Можно было отчетливо разобрать их очертания и даже определить тип машины.

Прислуга у пушек, скорее угадывавшая, чем видевшая в небе серую рябь, нервничала. Солдаты удивлялись тому, что командир позволяет врагу беспрепятственно миновать зону наиболее действительного огня. А командир, видя, что пока идут разведчики и предупрежденный о движении колонн бомбардировщиков, спокойно ждал, пока в небе на фоне редких облаков не покажутся главные силы.

Справа также терпеливо ждала вторая батарея, слева - третья; орудия настороженно молчали, выжидая наиболее благоприятного момента для открытия огня.

О грозящей колоннам опасности не смогли на этот раз предупредить и разведчики Старуна. Даже зоркие фотоаппараты не обнаружили пушек, спрятанных в густой листве деревьев.

Склоняясь время от времени к окуляру трубы, Сафар видел все тот же зеленый лес. Сафару отлично думалось под ровное гудение винтов, когда внезапно, сразу с нескольких сторон, сверкнули блески разрывов и брызнули черные клочья дыма зенитных снарядов. Автопилот выключен, рука на штурвале. Ухо улавливает приказ флагамена:

"Маневрировать по высоте, не меняя курса". Руки сами дают штурвал от себя на висящие еще в воздухе клочья черного дыма. Разрывы следующего залпа зениток, покрывшие то место, где только что был самолет, остались над головой. Но прежде чем Сафар снова взял штурвал на себя, совсем рядом сверкнули новые разрывы. Еще и еще. Они были так близко, что на мгновение закрыли переднюю машину, всего на мгновение, но,

когда их черные лоскутья остались позади, "двойка" соседа уже не занимала привычного для Сафара положения на пятьдесят метров впереди и сорок метров ниже. Круто заворачивая влево, без виража, она стремительно уходила в сторону. Вражеский снаряд сделал свое дело. Не ожида приказаний, Сафар дал обороты и вышел на ее место. Оглядевшись, он уже не нашел товарища среди хлопьев разрывов.

Скоро разрывы зениток остались сзади. Колонны прошли зону огня. Батареи послали еще залп вслед замыкающим патрулям и умолкли. Собрав донесения частей, Дорохов суммировал потери: во второй и третьей колоннах восемь самолетов сбиты; двадцать один получили легкие повреждения, исправляемые в полете; в первой колонне - один имеет серьезное повреждение органов управления. Это был самолет командира первой колонны. За несколько минут до того как противник начал обстрел эскадры, у его самолета заело трос управления рулем направления. Пока его исправляли, летчику пришлось поневоле оставить строй и делать непрерывный круг. Тут начался обстрел. Кружащийся самолет был выгодной мишенью для зениток. Прежде чем на нем исправили повреждение, он был подбит. Волков, летевший в соседней с командиром колонны машине, успел еще заметить, как поврежденный самолет командира, потеряв управление, беспорядочными кривыми пошел к земле. Безднажность его положения Волков понял потому, что тот сбросил сразу все свои бомбы. На земле вспыхнули огоньки кучных разрывов, и взлетело темное облачко дыма и земли. Волков занял место командира первой колонны и донес об этом флагману. Таким образом, командирский самолет был единственным погибшим в первой колонне. Она вся успела пролететь зону зениток, прежде чем их огонь стал поражающим.

Радиослужба противника пыталась мешать работе наших раций, посыла ложные приказания и донесения. Сафар получил циркулярное радио флагмана об этой мешающей работе противника и перестал тратить время на расшифровку явно ложных передач. Но все же эта служба помех сыграла свою роль: флагман принужден был дважды менять шифр. Кто мог поручиться, что противник не знает нашего кода. Нужно было проявить большое чутье и хорошо разбираться в обстановке, чтобы с уверенностью отбрасывать то, что не внушало доверия.

И нет ничего удивительного в том, что Сафар отнесся с недоверием к одной радиограмме, содержащей неразборчивые слова, хотя под нею и была условная подпись Дорохова. Смысл следующей за нею, полученной Сафаром, радиограммы флагмана сводился к тому, что без крайней надобности и без атаки со стороны противника самолетам эскадры в бой не вступать, ни при каких обстоятельствах не уклоняясь с маршрута. В заключение следовал приказ первой колонне Волкова принять на себя роль охранения; разбившись на две группы, отойти на фланги главных сил с превышением до тысячи метров и следовать так до тех пор, пока противник не выйдет из пол зрения.

Сафар решил, что это относится к предстоящим встречам с врагом, и спокойно продолжал полет.

Если бы он не принял плохо понятую радиограмму за фальшивку германо-поляков, то знал бы, что разведкой эскадры обнаружена колонна автожиров противника числом до ста машин, идущая на высоте, несколько превышающей высоту СБД и под углом к курсу эскадры...

Зная, что боеспособность автожиров ничтожна, Дорохов мог допустить лишь два варианта: или это наблюдение, или автожиры имеют целью бомбометание по колоннам его эскадры. Но расчет скоростей показал флагману, что курс автожиров пересечется с курсом эскадры только в арьергардной части последней. Лишь самый хвост колонны могут зацепить автожиры. В случае отсутствия у автожиров каких-либо агрессивных намерений, присутствие их никак не повредит эскадре, напротив, противник убедится в том, что она движется прямым курсом на Варшаву. Это может сыграть лишь положительную роль в развитии дальнейшей операции: командование противника будет дезориентировано собственной разведкой. Если же автожиры захотят произвести бомбометание по самолетам эскадры, им придется снижаться. Тогда СБД первой колонны атакуют автожиры. Для них не

составит труда отогнать тихоходные и неповоротливые аппараты. Отвлекаться же на предупредительный бой с противником, присутствие которого может и не принести никакого вреда, командир эскадры не хотел. Было дорого время и каждый грамм горючего в баках

СБД.

Ничего этого Сафар не знал. Он не мог видеть и перестроения колонн, когда СБД Волкова разошлись на фланги эскадры. Эскадрилья Сафара шла в замке левого крыла своей части. Именно Сафару могла угрожать бомбардировка автожиров, если бы они ее начали. Но для Сафара появление их слева и сверху было неожиданностью.

Это было нечто совершенно новое и удивительное, заслуживающее того, чтобы передать флагману. Сафар поспешно послал в эфир позывные флагмана и стал передавать голосом, не шифруя, сообщение о замеченных автожирах.

В наушниках Косых звучал знакомый голос приятеля. Но вдруг он умолк. Передача оборвалась. На повторные вызовы флагманского радиста Сафар не откликался.

В самый разгар передачи Сафар вдруг почувствовал толчок, и машина стала резко заворачивать влево. При этом весь самолет вибрировал так, что стрелки приборов прыгали, как в лихорадке. Две из них, показывающие обороты правого винта, совершали странные движения: они то стремительно подсакивали на критическую красную черточку, то резко падали до нерабочего минимума.

Сафар немедленно выключил передачу к правому винту, и через секунду перед ним уже вспыхнуло на коммутаторе гнездо бортового техника. Пришло донесение: правый винт выбыл из строя. Совершенно оборвана одна лопасть. Это сделала маленькая бомба с автожира. Сафар был единственным, пострадавшим от их нападения.

Лишившись винта, Сафар не мог продолжать полет. Несущая полную нагрузку машина шла со снижением, резко забирая вправо. Сафар лихорадочно обдумывал положение. Заставить машину идти прямо он может, выключив и левый винт. Можно сбросить бомбы, и планирование будет более пологим. Но без бомб какой же смысл в полете, целью которого было бомбометание? Бомбы должны быть сохранены. Однако было совершенно ясно, что маневрирование и даже сохранение направления полета и высоты немислимы.

Радиостанция Сафара приняла приказ Дорохова: "Колоннам расходиться согласно боевому заданию". Это значило, что эскадра достигла Плешени. Отсюда первая колонна ляжет на курс к Берлину. Вторая и третья должны взять к юго-западу, то есть влево. Со второй колонной должен был взять влево и Сафар. Должен был... Он прикусил себе губу так, что невольно вскрикнул. В ответ на послышавшийся в наушниках удивленный вопрос радиста приказал донести флагману о случившемся.

Пока идущие впереди части выполняли маневр, пришел приказ Сафару, оставив строй, по собственному усмотрению найти место для посадки. Дальше действовать по инструкции.

Сафар знал, что это значит: посадка на вражеской территории влекла за собой уничтожение самолета. Сафар хорошо помнил инструкцию, но никакие параграфы не могли сделать простым и легким уничтожение собственной машины. Однако нужно было выходить из строя, чтобы не задерживать перестроение эскадрильи и маневр всей части.

Прощавшись с эскадрилей, Сафар оставил строй.

Он с тоскою смотрел, как исчезает на юго-западе вторая и третья колонны Дорохова. Где-то там в голове второй колонны, на флагманском самолете, сидит Сандро Косых. Он, наверно, уже вычеркнул из состава эскадрильи его "тройку". Может быть, он даже и не подумал о том, что на этой "тройке" летит Сафар. Ну нет, Косых не мог забыть о нем! Разве Сафар не был его другом?

Тут он поймал себя на том, что думает о себе в прошедшем времени, точно о покойнике. Дудки! Он еще посмотрит, что из всего этого получится. Не удастся ли Сафару, выбраться? Вдруг возьмет да и не утонет бывший амбал? Даром, что ли, он плавает как

пробка?

Между тем первая колонна Волкова быстро уходила на северо-запад. Скоро последние черточки ее машин исчезли в затянувшемся облаками небе.

Сафар был уже много ниже этих облаков, скрывших его товарищей. Самолет Сафара остался один. Совершенно один над чужой страной. Стрелка высотомера шла вниз. Больше не было надобности так старательно удерживать направление. Сафар принял затекшую ногу, и самолет плавно заскользил к земле.

Теряя высоту, Сафар мог уже без помощи трубы видеть землю. Темно синий массив леса перешел в серую рябь кустарника. Дальше тянулись гряды невысоких холмов. Холмы были пустынные. Никаких объектов для использования своих бомб Сафар не видел. А он твердо решил не садиться, не истратив с пользой бомб. Поэтому, придав машине минимальный угол снижения, на каком она тянула, не проваливаясь, Сафар снова повел ее по прямой.

Отсутствие пронзительного свиста пропеллеров и монотонного гудения турбины создавало теперь, при свободном планировании, иллюзию полной тишины. Мягко шуршали крылья, да тоненьким голоском пел саф. Если летчик давал штурвал от себя, голос сафа делался смелей, переходил на дискант; подбирал на себя - и саф снова возвращался к робкому альту.

В узкий люк штурманской рубки просунулся бесформенный ком из кожи и меха. Сквозь запотевшие стекла очков Сафар увидел глаза штурмана.

Покосившись на альтиметр, Сафар увидел, что высота уже всего около четырех с половиной тысяч. Он отодвинул намордник респиратора. Штурман сделал то же и застенчиво улыбнулся. Точно он был виноват в случившемся. Сафар поманил его к себе:

- Глянем на карту.

Штурман с трудом втиснул неуклюжее от громоздкой одежды тело в командирский отсек и протянул планшет:

- Как скверно получилось, а?.. Надо искать хорошую посадку.

Сафар сердито вырвал планшет:

- А я вас, товарищ штурман, комсомольцем считал. Штурман поднял на него удивленные глаза и обиженно спросил:

- Вы к чему, товарищ командир?

- Нас сюда для хорошей посадки посылали?

- Так у нас же бомбы... тысяча килограммов. С ними на незнакомой местности...

- Знаю. Еще что?

- Да... все.

- Миша, - вдруг тепло сказал Сафар, - ты не помнишь, какой это парень однажды говорил на собрании:

"Нам партия потому и доверила высокую честь нести знамя передового комсомольского экипажа, что мы сумели использовать нашу замечательную советскую технику до дна, как Сталин учил. Овладевайте ею и вы увидите, что для советских летчиков невозможное не существует". Я вот забыл, кто это говорил, а?

Штурман отвел глаза.

Сафар протянул ему планшет:

- Где мы?

Штурман пометил карандашом место. Сафар глянул вниз. Действительно, по ним узкой ленточкой вилась река Проста. Ее долина уходила на юго-восток к Калишу. Далеко к северо-западу была станция Яроцин. Логика говорила о том, что если экипаж ищет безопасной посадки на ровном поле, подальше от населенных мест, то под самолетом для этого самое подходящее место. Но Сафар спросил штурмана:

- Миша, мы до Яроцина дотянем? Может, там что-нибудь найдется для ворошиловских наших ягодинок? Посчитай-ка.

Штурман вооружился счетной линейкой. Белая целлулоидная дощечка казалась до

смешного маленькой и неуместной в меховых лапищах перчаток. Но умелые пальцы ловко оперировали движком. Сафар с нетерпением следил за расчетом. Штурман замешкался. Он о чем-то думал, глядя на карту.

- Товарищ командир, Гиго, погляди. До Калиша немногим дальше, чем до Яроцина, может быть, оттянем? А ведь Калиш это же вещь... большой узел... Вой сколько путей сходится. Может, там склады или что...

Глаза Сафара заблестели.

- На худой конец, там этих эшелонов сейчас видимо-невидимо, -мечтательно проговорил он. - А в эшелонах немцев-то, немцев...

Сафар старательно вел машину по линии, прочерченной штурманом. Лини шла прямо к Калишу, срезая излучины Просны. Справа белела на земле така же строгая линейка шоссе.

- Эх, ты, птичка комсомольская! - радостно крикнул Сафар. - И летуча же ты у нас.

21 ч. 00 м. - 21 ч. 14 м. 18/VIII

Темно синей полоской тянется по гребням пологих холмов лес. Размашистой дугой опоясал он извилистую долину Просны. Равнина, будто устланная лоскутным ковром, пестрит клочьями полей. Зеленые, подчас почти бирюзовые, желтые как золото, буро-серые, красные, черные; клиньями, квадратами, трапециями и ромбами слепились эти клочья в одну неразрывную пестрядь. Беспорядочно разбросаны по ней деревеньки. Домики в деревеньках убогие. С глиняными стенами, с кровлями из темной гнилой соломы. Неправильными рядами разбежались домики вдоль просторных улиц. На задах деревень зелеными грядами легли огороды. Капустные кочны с тугими голубыми листьями, ровная темная зелень картофеля. Дальше, за картофелем, красные от ягод кусты смородины и малины. Среди малинника чучело в истрепанном военном мундире, со стальной каской вместо головы. В тихом предвечернем воздухе безжизненно повисли рукава мундира. Привыкшие к чучелу воробьи безбоязненно лакомятся смородиной. Поближе к дому, между грядками и забором, протянул свою длинную шею к небу журавль колодца.

Вечереет. Густая тень плетня ложится на белую стену домика. Низкое солнце багровым заревом зажигает стекла крошечного оконца. Лучи насквозь просвечивают дом. Нет в нем ни перегородок, ни мебели; нет и людей. Сквозь тонкие подрешетины видна солома крыши. Стены дома изнутри неприглядные, желтые. По желтому картону идут тонкие планки остова. И весь-то домик оказывается сделанным из картона на тонком каркасе.

Второй дом, третий, пятый, десятый - вся деревня картонная. Даже вот этот на пригорке в центре деревни, украшенный полосатой вывеской казенного кабака, и он из картона. Напрасно любитель выпить стал бы искать в нем стойку и за нею толстопузого сидельца в засаленном фартуке. Он увидел бы в центре кабака стальную трубу, выходящую из пола и упирающуюся в крышу. На крыше, над трубою, стеклянное полушарие. В его линзах отражается купол вечернего неба. У подножья трубы широкий провал люка с ведущими вниз железными ступенями. Там, где они кончаются, решетчатая дверь подъемной шахты. А внизу, на глубине двадцати метров, на дне шахты, спокойно стоят лифты. У освещенных электричеством кабинок дремлют, лифтеры в форме германских солдат. Прямо против лифтов дверь с белой эмалированной дощечкой "Дежурный офицер". Написано по-немецки.

Дежурный обер-лейтенант сидел перед большим матовым стеклом панорамы. В стекле ничего кроме голубого неба и редких белых неторопливых облачков, но обер-лейтенант смотрит внимательно, посасывая сигаретку. Когда сигаретка кончается, офицер на миг отрывается от наблюдения, чтобы взять новую. И опять смотрит внимательно, не отрываясь.

На столике рядом с ним звякнул телефон. Привычным движением офицер протянул руку:

- Обер-лейтенант Штиль.

Громко и раздельно звучало в трубке:

- Пост номер шесть слышит самолеты.

Прежде чем лейтенант положил трубку, задребезжал новый звонок, и вспыхнуло другое гнездо коммутатора.

Наверху оживала деревня.

Из труб, как по команде, хлопотливыми хозяйственными клубами повалил дымок. Ворота домов открывались, выезжали двуколки, возы, аккуратно нагруженные и увязанные, все как один. В поле, откуда ни возьмись, замахала длинными руками лобогрейка. Вся округа ожила как по мановению чародейской палочки. На широких улицах, до того совершенно пустынных, появились люди. Они ритмическим солдатским шагом ходили до околицы и обратно.

Странные жители. И костюм на них необыкновенный: форменные брюки и военная куртка, а на головах шляпы польских крестьян. Но сверху они казались такими же, как и по всей юго-западной Польше, - пленка "маршрутного разведчика" фиксировала только микроскопические точки крестьянских шляп.

К тому времени как ожила округа, разведчики Старуна были уже над мирными деревнями. Хозяйственный полковник отметил отсутствие пустошей в полях, движение сельскохозяйственных машин. Видимо, край спешил покончить с полевыми работами, пока сюда не перекинулось пламя войны.

Полковник Старун и не подозревал, что вместе с темнеющим польским небом, вместе с разорванными клочьями облаков все его разведчики собраны линзами купола над "казенным трактиром" и четким изображением отброшены на подземную панораму. Вокруг нее столпились офицеры. В их взглядах было нетерпение. Но командир подземной зоны смотрел на черточки самолетов подчеркнуто равнодушно.

Чтобы успокоить офицеров, он сказал:

- Терпение, господа, это разведчики. Их главные силы проходят в пятидесяти километрах к западу. Мы должны ударить им в хвост. - Он оглядел затаивших дыхание офицеров: Итак, задача ясна? Противник должен быть задержан во что бы то ни стало. Прошу разъяснить это всем офицерам. По секторам, господа. Командирам отрядов задержаться.

Командиры звеньев поспешно разбежались. Командиры отрядов стояли перед капитан-лейтенантом.

- Поближе, господа.

Они сошлись плотным кольцом.

Он понизил голос до шипящего шепота:

- Все, решительно все проверять лично. На нижних чинах не полагаться ни в чем. Понятно?.. Вы свободны.

Он опустился на табурет перед панорамой. Адьютант надвинул на лампу темный экран. Ярче выступило на матовом стекле панорамы озаренное багрянцем заката небо. Разведчики прошли. Ничего, кроме облаков, не осталось на небосводе. Капитан-лейтенант сидел у пульта, положив палец на небольшую панель с кнопками сигналов. Розовел в отсвете панорамы гладко выбритый подбородок. На воротнике яркая желтизна петлиц с серебряным шитьем дубовых листков и между петлицами тяжелый крест - *Рoug le merite* (По-французски: за заслугу-орден в кайзеровской Германии Ц прим. автора) - память покойного императора.

- Господин капитан-лейтенант, одиночный бомбардировщик над зоной, -негромко проговорил адъютант.

Действительно, в поле зрения панорамы входил одинокий большой самолет.

На крыльях и оперении ясно были видны советские звезды. Он шел необычайно низко.

Командир, не оборачиваясь, бросил адъютанту:

- Третий сектор. Одно звено. Снять!

Сафару приходилось туго. Машина дотягивала последние километры. Высоты осталось пятьсот метров, до Калиша не дотянуть. Подходящей цели все нет как нет. Не сбрасывать же бомбы на копошащиеся под ним мирные деревушки! Жители! даже не прятались при его

приближении, невидимому, ничего не понимая в опознавательных знаках.

Ничего не оставалось, как садиться. Благо места для посадки было кругом сколько угодно: не угодить бы только поперек борозд пахоты, остальное неважно. Тормозные колеса дают возможность обойтись минимальным пробегом. С этой стороны все почти спокойно. Почти! Вот именно- почти. Но мало ли случайностей скрыто в самом факте посадки на неизвестное поле с тонной бомб на борту? Инструкция ясно говорит: "Если имеется возможность, то перед совершением вынужденной посадки на незнакомой местности командир должен сбросить на парашютах весь экипаж самолета и садиться один". Смысл инструкции ясен, пояснений не требует.

Высота подходила уже к пределу, дальше которого экипаж не сумеет воспользоваться парашютами. Как ни тяжело было Сафару расставаться с товарищами, он отдал приказ:

- Прыгать всем.

Из люка показалась голова штурмана. Сафар сделал свирепое лицо и жестом показал: "Прыгать!" Глянув сквозь застекленный пол, он увидел, как из-под фюзеляжа падают его товарищи. Миг - и над падающими, как язык пламени, взвивается хвост парашюта, расцветает упругим пузырем шелковое полушарие. Сафар считал прыгающих. Два! Он подождал. Третьего не было. Сафар обернулся к штурманской рубке. Подняв расширенные глаза на командира, Миша молча указал на землю. И тут Сафар увидел: зады деревушки, над которой шел самолет, стали быстро отъезжать от домов. Чучело на огороде весело замахало руками. Вместе с усыпанными ягодой кустами оно стремительно удалялось от оставшегося на месте колодца. Огород раскололся пополам. Кочны капусты удалялись от неподвижной картошки.

ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ

В бетонном подземелье, на глубине двадцати пяти метров, стоял нестерпимый шум. В первый момент нельзя было даже определить его природу, так он был силен. Лишь привыкнув, ухо выделяло царящий надо всем рев авиационных моторов. Выстроившиеся под ослепительными лампами истребители сверкали дисками вращающихся пропеллеров. Выше, и где-то в задней части подземелья могучими голосами выли вентиляторы. Гонимые вихрем пропеллеров, засасываемые широкими раструбами вентиляторов, струи выхлопных газов синим стремительным потоком неслись под сводами.

Казалось, люди в самолетах и у механизмов не замечали этого адского шума и вихря. Их глаза были устремлены на офицера, сидящего в стеклянной будке у стены. Перед офицером белел щит управления. Голова офицера была закрыта толстым звуконепропускаемым шлемом с телефонными трубками на ушах. Он один слышал голос из центрального поста. Повинуясь этому голосу, он нажал кнопку. На белой доске загорелась яркая надпись "приготовиться". Такие же надписи вспыхнули в разных концах подземелья. Летчики скосили глаза на свои контрольные приборы. Нажим другой кнопки, - и экран перед офицером посветлел. В нем отразилось вечернее небо, зады деревни с ее огородами, стандартными кустами малины, чучелами, с глядящими в небо журавлями колодцев.

Реагируя на новый телефонный приказ, офицер нажал другую кнопку. К общему шуму примешался могучий гул. Заработали мощные электромоторы, приводящие в движение покрытие подземного ангара. Потолок стал плавно отходить. На миг все головы поднялись к ясному, позолоченному закату небу. Тяжелое плетение стальных ферм отходило, все больше неба, больше света. Летчики, как по команде, опустили очки на глаза.

Новая кнопка, рубильник, моторы.

Передняя катапульта со стоящими на ней самолетами быстро и плавно придвинулась к прорези в потолке, поднялась, закрывая собою светлую полосу неба, и выбросила в воздух свою ношу. Взлетели два истребителя, за ними еще два. Воем взмывших истребителей загудели пустые картонные домики. Через двадцать секунд на месте первой катапульты была новая. И с нее четыре машины взвились навстречу одиноко плетущемуся над самой землей

советскому самолету.

Его изображение в панораме главного поста делалось все больше, снее. Он подошел так близко к земле, что истребители не решались его атаковать. Командиру подземной зоны нужно было уже выпускать в воздух все свои самолеты. Они должны были лететь вдогонку за прошедшими стороною главными силами большевиков. А этот дурацкий одинокий" самолет грозил смешать карты. Посылать истребители - значило сознательно идти на столкновение вылетающих из-под земли машин с этим безумцем, уничтожать собственную материальную часть, губить своих людей. Надо было задержать вылет своих истребителей из-под земли, пока не собьют большевика. Но командир зоны не мог пожертвовать ни одной минутой, - от своевременного вылета его самолетов зависел исход большой операции. Капитан-лейтенант в бешенстве рвал телефон. Адъютант помчался в лифте наверх, чтобы руководить попыткой снять большевика огнем с земли. Крестьяне в мундирах, припав на колени, посылали в воздух ружейные залпы. Из-под фанерных щитов, изображающих кучи навоза на телегах, засверкали пулеметные очереди.

Сафар подходил к земле. Радиус его правого виража все уменьшался. Стрелка альтиметра быстро склонялась к нулю. Еще хоть несколько минут! Держа одной рукой штурвал, он другою лихорадочно настраивал передатчик. Прошла минута, пока флагман отозвался на позывные и Сафар мог передать ему о том, где он и что делается под ним. Он глазами пытался сосчитать открывающиеся щели подземных аэродромов, но в конце концов просто сообщил: "Очень много. Не успею сосчитать. Постараюсь сделать, чтобы стало меньше".

Он бросил передатчик и вызвал по переговорному штурмана:

- Планирую спиралью. Бросай в щели.

- Есть бросать в щели.

Машина снижалась. Она со свистом неслась над зоной подземных аэродромов. Казалось, она ищет столкновения с поднимающимися истребителями.

Видя в своих экранах самолет, который, как помешанный, кружит в спирали над выходными отверстиями аэродромов, германские командиры прекращали выпуск истребителей. Катапульты замирали. Наступила растерянность. Уже несколько минут ни один из десяти аэродромов не выбрасывал в воздух своих истребителей. Капитан-лейтенант отдал адъютанту приказ:

- Командиру седьмого отряда в одиночку таранить противника.

Но прежде чем адъютант передал приказ по назначению, каземат командира зоны дрогнул от страшного взрыва. Погас свет. Широкая трещина легла поперек стекла панорамы... Медленно, точно в задумчивости, осела стальная труба перископа вместе с бетонным перекрытием. Кучи земли и распыленного бетона рухнули в каземат.

Миша думал, что промахнулся. Первая двухсотпятидесятикилограммовая бомба вместо аэродромных ворот упала прямо в соломенную крышу "кабака".

Сафар не знал, что под этой крышей был мозг всей зоны. Он крикнул в микрофон:

- Михаил, ты комсомолец или шляпа? Если промахнешься еще раз...

Миша и сам знал, что мазать нельзя - осталось три бомбы. Машина неслась впритирку к земле. Предметы на земной поверхности мелькали перед глазами как бешеные. В прицел нельзя было поймать ничего... Штурман рванул бомбосбрасыватель, освобождая следующую бомбу.

Силою взрыва машину подбросило с хвоста так, что Сафар с трудом вытянул ее на себя. Она ушла от земли, едва не задев трубы домов.

Но зато сквозь стекла пола Сафар увидел, как взметнулись вверх огороды. Огромным пауком поднялась из-под земли катапульта. Черный дым и зыки пламени скрыли остальное.

Теперь высота была такая, что ее не хватит больше, чем на одно сбрасывание. На следующем самолет воткнется в землю. Сафар приказал:

- Залп двумя бомбами.

И тотчас почувствовал, как мощным потоком машину швырнуло вперед. Все стекла в

полу самолета вылетели внутрь рубки.

Кратер вулкана раскрылся под деревней. В него посыпались домики. На воздух поднялись в беспорядке сцепившиеся истребители и грудой рушились обратно. Пламя взвивалось выше, чем шел Сафар.

Бомбы кончились. А там впереди раскрылись новые ворота еще одного подземелья. Дотянуть бы, только бы дотянуть туда! Мысли неслись в голове Сафара быстрее, чем его машина над землей.

"Бомбы все... нет больше бомб... Но есть еще комсомольская птичка и в ней лейтенанты Миша и Гиго. Бери их. Родина, бери, партия, своих сынов! "

Он схватил микрофон:

- Прощай, Миша!

- Гиго, милый Гиго, да здравствует Сталин и великая Родина!

Сафар потянул на себя штурвал. Машина задрала нос. В мозгу вихрем понеслись образы: Косых, Олеся, Гроза, "Сухие, у тебя мозги, майор Гроза", - мельком подумал Сафар и, прежде чем задравшаяся машина успела скользнуть, всем своим огромным телом он навалился на штурвал, отжима его от себя. Самолет повалился на нос. Струя ветра с воем ударила под разбитый козырек колпака, сорвала с Сафара очки и шлем. Сафар с силою дал правую ногу, направляя самолет в зияющую щель аэродромных ворот.

Дробя и ломая стальное плетение ферм, самолет врезался в гущу готовившихся к вылету истребителей. Сразу несколько машин загорелись. Самолет был слишком велик, чтобы исчезнуть под землей. Его хвост торчал из ворот. Веселые языки пламени хлопотливо лизали смятый металл фюзеляжа, поднимаясь к пылающему закатному небу.

К 21 ч. 00 м. 18 /VIII

ИЗ ЗАПИСОК ФЕЛЬДМАЙОРА БУНК

"Вторые сутки Бурхард живет на никотине. Садясь за машинку или к аппарату прямого провода, я не попадаю пальцами в клавиши. До меня как из-за ватной стены доносится голос Рорбаха, делающего очередной доклад. А он железный, этот Рорбах!..

Генералы сидят друг против друга, подтянутые и настороженные. Бурхард, не спуская глаз с карты, ловит каждое слово начальника штаба. Тот сухо выкладывает:

- ... далее в районе третьей армии бомбардировщики пытались проникнуть к нашим перегрузочным пунктам Поморжаны и Стрыя. Они отбиты с потерями. Однако одной советской штурмовой эскадрилье удалось прорваться к автодорожному узлу Коломыя и внести панику в момент высадки химических войск. Имели место повреждение бомбами баллонов с ОВ. Произошло массовое отравление наших войск. Бурхард:

- Опять штурмовики! Я же предупреждал вас, генерал: максимум внимания охране наземных войск от налетов. Я попрошу вас...

- Ваше превосходительство, - Рорбах сделался еще суше, - земля сама зевает. Мы не вездесущи и не всевидящи. Их штурмовики идут на бреющем полете по сто километров в глубь нашего расположения.

- Все время на бреющем?

У Рорбаха появилась нотка торжества, точно речь шла об его собственной заслуге:

- Да, ваше превосходительство, местами пятнадцать метров. Борьба средствами одних воздушных сил невозможна. Мы их просто не видим. Я уже докладывал о необходимости наземными средствами затруднить противнику пользование идущими в наш глубокий тыл удобными долинами рек, прогалинами лесов. Мы предвидели: все это будет подступами для штурмовиков.

- Нужно телеграфировать ставке.

- Пехота сама должна обороняться пулеметами. Здесь, собственно говоря, даже не

нужна зенитность. Огневая завеса пулеметов могла бы остановить любую атаку штурмовиков. Особенно страдает от штурмовиков пехота.

Бурхард повернулся ко мне:

- Со слов генерала Рорбаха вы передадите в ставку телеграфный доклад: мы снимаем с себя ответственность за все, что лежит ниже ста метров и будет прозвано наземными войсками. Мы еще раз указываем командованию, что пехотным частям должны быть немедленно приданы офицеры военно-воздушных сил для связи и инструктажа. Немедленно.

Он раздраженно ткнул окурком в переполненную пепельницу и потянулся за свежей сигаретой. Рорбах молчал. Бурхард спросил:

- Все?!

Рорбах бережно провел по карте жирную линию. От города Радома она упрямой красной чертой потянулась в юго-западном направлении через Калиш, Остров, пересекая германскую границу, подошла к Бреслау.

- Советская эскадра, - лаконически бросил Рорбах. Брови Бурхарда поднялись.

- Она движется сюда, - показал он на Берлин.

- Нет. Последние донесения: выше Калиша большевики разделились. Всего двести с чем-то машин идут к Берлину. Остальные, числом примерно четыреста, повернули на юго-запад.

- Наша агентура ни к черту не годна. Генерал Александер спит. Разве нельзя было знать это заранее? Что им там нужно? Неужели Бреслау?

- Боюсь, что хуже, - сказал Рорбах.

- Но ведь больше там ничего нет, - Бурхард оживился. - Вы не думаете, что они могут вот отсюда повернуть на северо-запад? Они хотят подойти к Берлину с двух сторон.

- Берлин? Зачем он им нужен?

- Столица!

- Судя по численности машин в колоннах, нечто более существенное интересует их именно здесь, в южной Германии.

Жуя папиросу, Бурхард уставился в карту.

- Вот! - выкрикнул Рорбах и коротким движением карандаша охватил весь юго-восточный угол Германии. - Здесь добрая половина военной промышленности страны.

Бурхард даже откинулся в кресле. Он хмуро глядел на отрезанный смелым карандашным мазком угол Третьей империи.

- Дрезден, Мюнхен, Нюрнберг, Штутгарт, - бормотал он.

- Радиус действия машин, находящихся в строю советской эскадры, допускает такой рейд при сохранении большой бомбовой нагрузки. Мы просчитались в надежности прифронтового пояса обороны.

- Южный промышленный район все же велик. Они должны были избрать более узкую цель.

- И, конечно, избрали. Логика говорит за то, что первыми должны быть уничтожены заводы, поставляющие нам наиболее активное оружие, - авиацию, бронемшины, ОВ.

- Так.

- Значит, первый удар должен быть нанесен здесь. Рорбах очертил кружком город Нюрнберг.

- Руки коротки. На Нюрнберг не упадет ни одна бомба.

- Да, нужно постараться, чтобы не упала.

- Ни одна, - решительно повторил Бурхард.

- Максимальные усилия обороны будут сосредоточены именно здесь - на линии Регенсбург - Цвикау. Но первая наша задача заключается в том, чтобы не допустить советскую эскадру до этой линии вообще.

- Это верно.

- Я распорядился...

- Вы распорядились? - раздраженно переспросил Бурхард.

- Вашим именем. Все наличные силы сосредоточиваются над районом Мариенбад - Карлсбад - Теплиц - Либерец и ожидают ваших приказов по радио. Сюда же бросаются истребители Герлицкой зоны "U". ("U" - обозначение подземных аэродромов в имперских ВВС Ц прим. автора)

- Они опоздают.

- Нет. Они уже вылетели. Четвертая высотная дивизия, летящая к армии генерала Шверера, меняет направление и идет сюда же.

- Это немыслимо.

- Это необходимо.

Бурхард сделал протестующий жест:

- Я не могу отменить распоряжение ставки.

- А вы можете, ваше превосходительство, - голос Рорбаха звенел, - взять на себя ответственность за уничтожение узла Фюрт - Нюрнберг? Если мы хотим спасти Нюрнберг с его заводами, нельзя терять ни минуты. Я видел, какая борьба происходила в Бурхарде. Рорбах положил перед ним лист приказа. Бурхард подписал, не глядя.

- Первая часть вашего приказа уже выполнена, - сказал Рорбах, - все части, назначенные для операции, - в воздухе. Остается вторая часть: уничтожить врага. И этому может помешать только одно - темнота. В нашем распоряжении, к сожалению, минуты. Солнце уже у горизонта.

Бурхард сидел за столом, осунувшийся, постаревший. Он снизу вверх посмотрел на Рорбаха:

- Может быть, бросить наперерез противнику части западного сектора обороны Берлина? Рорбах заговорил почти покровительственно:

- Во-первых, Берлин - столица, ее общественное мнение надо щадить. Во-вторых, части ПВО придут к месту столкновения, израсходовав все топливо. В-третьих, мы ведь не знаем намерений северной колонны, а в ней свыше двухсот машин. В наших интересах втянуть эту группу в бой. Она слабее воздушной обороты столицы. Там мы ее уничтожим, какие бы цели она ни преследовала. Мы постараемся завлечь ее к Берлину. К тому же мы по радиодепешам противника можем судить, что ею командует бригадный комиссар Волков.

- Волков? - равнодушно переспросил Бурхард.

- Так точно, Волков. Это очень смелый, я бы даже сказал, отчаянный начальник.

- Что же, вы их командиров знаете так же, как своих?

- Лучше, ваше превосходительство, - улыбнулся Рорбах. - За их командным составом я слежу уже четыре года, а наши командиры мелькают, как метеоры. Я не всегда успеваю с ними даже познакомиться. Бурхард примирительно протянул руку:

- Ладно, больше этого не будет. Я вам обещаю.

- Боюсь, что обещание несколько запоздало, ваше превосходительство.

- Лучше поздно, чем никогда, господин генерал.

- Иногда поздно это и есть никогда. Разрешите идти?

- Вы свободны, генерал!

21 ч. 17 м. - 22 ч. 10 м. 18/ VIII

Советские самолеты шли на запад.

Капитан Косых с болью отметил выбытие Сафара и поставил на его место, во главе эскадрильи, другую машину.

Колонны продолжали жить напряженной боевой жизнью. Ход операции становился капитану Косых ясен. По видимому, расчет командования был верен: уход второй и третьей колонн Дорохова с берлинского направления оказался неожиданным для противника. Несмотря на то, что колонны удалились уже более чем на тысячу километров от своей границы, они не встретили сколько-нибудь, серьезного сопротивления. Авиация противника прозевала время для удара или была отвлечена движением Волкова, Тем труднее придется

Волкову. Все силы противника обрушатся на его малочисленную колонну. И все же он должен будет пробиваться к столице, чтобы отвлечь та себя немцев.

Солнце было уже у горизонта. Поверхность далекой земли тонула во мгле.

Судя по всему, главные силы не встретят сопротивления в воздухе. Не пойдет же противник на ночной бой!

Если: бы не кислородная маска, вероятно, на лице Дорохова можно было бы увидеть улыбку удовлетворения. Капитан Косых услышал приказание перестроить колонны в ночные походные порядки и вынести разведку на большее расстояние вперед.

Но флагманская радиостанция не успела отправить это распоряжение. Разведка Старуна донесла о скоплении самолетов противника сразу в двух секторах: первом и втором. Плохая видимость не позволяла с точностью определить состав неприятельских сил. В них присутствовали различные виды авиации. В наибольшем числе были обнаружены истребители, движущиеся на большой высоте в направлении главных сил.

Положение сразу осложнилось. До верха Старуна - пятьдесят километров. Если истребители противника летят со скоростью около шестисот километров, то при движении собственных СБД со скоростью пятисот километров к час сближение происходит со скоростью приблизительно тысячи - тысячи ста километров час, или двести семьдесят - двести восемьдесят метров в секунду. Пятидесяти километров, отделяющих Старуна от головных частей СБД, хватит всего на три минуты, а затем до дистанции боя меньше двух минут. Допустим, что, учитывая трудность дальнейшей разведки в наступающей темноте и жертвуя собой, Старун...

Мысли Косых прервала новая передача полковника Старуна:

"Разведывание закончил. Собираю часть для боя с истребителями противника".

Итак, Старун действительно рисковал шестьюдесятью разведчиками, чтобы дать главным силам время на подготовку к бою. Несколько лишних мгновений имеют для громоздких колонн большое значение. Хозяйственный, расчетливый человек полковник Старун! Он определил верно: роль его разведчика сыграна, в хозяйстве Дорохова они больше не нужны. И как ни был полковник влюблен в свои ВРД, он не колеблясь, бросил их навстречу врагу, грудью прикрывая главные силы.

Допустим, что Старуну удастся привлечь на себя истребительные силы противника и навязать им бой. Допустим далее, что бой затянется и истребителям понадобится совершить ряд повторных атак, чтобы уничтожить соединение Старуна. Все это отнимет у них не больше пяти минут, и то лишь у части противника. Его главные силы будут продолжать сближение с Дороховым. За остающиеся три минуты нужно: флагману принять решение о схеме атаки и расположении своих сил, передать это решение командирам соединений и частей. Те в свою очередь должны изменить свои порядки на боевые. Люди на самолетах должны приготовиться к бою...

Через сорок пять секунд приказ флагмана был принят частями. Косых не без тревоги смотрел, как в неверном вечернем свете одни самолеты стремительно мчались вперед на предназначенные им боевым расписанием места; другие, сбавив обороты, пропускали товарищей. Группы меняли вид. Теперь они, невзирая на сумерки, сошлись ближе. Масса самолетов сделалась более компактной.

Косых понимал всю ответственность момента: впервые должно было разыграться большое воздушное сражение, в котором обороняющаяся сторона -наши колонны - состоит из однотипных самолетов-неистребителей. Из-за большой глубины рейда у Дорохова не было обычного крейсерского охранения. Скоростные бомбардировщики должны вступить в единоборство с силами противника, состоящими из привычных для воздушного командования того времени видов боевой авиации. Против СБД будут драться и легкие одноместные пулеметные истребители, и пушечные истребители дальнего боя, и большие двухмоторные истребители, могущие вести затяжной бой на параллельных курсах благодаря наличию у них вращающихся пулеметных установок.

По мысли флагмана, в соответствии с ранее выработанной системой обороны

соединений СБД, нагруженных бомбами, части строились таким образом, чтобы создать из себя мощные компактные ядра. Центры их могли заботиться лишь об обороне вниз и вверх. Вся огневая мощь "колец" могла сосредоточиваться на фронте, тыле или соответствующем фланге. Таким образом в каждой группе создавался как бы огневой шар, клубок, передвигающийся в пространстве со скоростью пятьсот километров в час и ошестиненный во все стороны луч пулеметного и артиллерийского огня. Этот боевой порядок был в свое время предложен Дороховым и образно назван "ежом". Здесь впервые с подлинной полнотой была освоена трехмерность воздушного оружия.

В 21 час 30 минут, через три с половиной минуты после получения предупреждающего радио Старуна, с борта флагманского самолета увидели отходящие под натиском противника разведывательные самолеты. Несмотря на то, что толковник Старун, подавая пример своим летчикам, с головной эскадрилей первый бросился в атаку на пре восходящие его во много раз силы немцев, разведчикам не удалось значительно задержать их движение. Разведчики были смяты, рассеяны. Вооружение разведчиков оказалось недостаточным для того, чтобы противостоять подавляющему огню многочисленных истребителей; их маневренность была ниже, чем у истребительных машин. Остатки их уходили на восток, под прикрытие главных сил. Но во главе их уже не было храброго полковника. Старун погиб в первой же схватке с более сильным врагом.

К удивлению капитана Косых, противник подходил не только в первом и втором секторах: со всех сторон небо было усеяно точками приближающихся самолетов. Первыми на дистанции в тысячу метров вошли в соприкосновение с СБД пушечные истребители Мессершмидт-120. Хотя СБД также несли мощное вооружение из пушек, численно даже превосходивших, пушки нападающих, на стороне немцев было преимущество атаки. В первый момент боя башенные установки СБД оказались в менее выгодном положении. Но зато уже через несколько секунд после начала огня, когда истребители должны были думать о выходе из атаки, преимущество перешло на сторону СБД. Они обстреливали уходящего противника.

Характерной особенностью первой фазы этого боя было то, что обычный прием нападения истребителей из-под солнца оказался для немцев роковым. Солнце начало садиться за горизонт раньше, чем завязался бой. Заходящее солнце не могло уже слепить советских стрелков. И вышло так, что движущиеся с запада истребители очень ярко проектировались на фоне окрашенного закатом неба, а самолеты Дорохова, идущие с потемневшего уже востока, были плохо различимы.

Немцам не удалось разрушить построение "ежей" и заставить их распасться на части, которые могли бы быть с легкостью атакованы на близкой дистанции пулеметными истребителями Арадо-Удет.

Те из летчиков-немцев, у кого за плечами был опыт испанской войны, хорошо знали, как трудно заставить хороших боевых летчиков перейти от групповых действий к бою за собственный риск и страх. Они помнили, с каким упорством, доходящим до самоотвержения, республиканские летчики бросались на выручку товарищу, попавшему в затруднительное положение. Сфера огня "ежей" была непроницаема. Дождь пуль и снарядов неизменно сосредоточивался там, где товарищам угрожала наибольшая опасность. Этот великий принцип взаимной поддержки обеспечивал максимальную безопасность каждому отдельному самолету и всему "ежу" в целом.

Понеся некоторые потери, "ежи" сохранили сферичность своего построения и огня. Это значило, что на протяжении следующей фазы боя, пока пушечные истребители Мессершмидт, выйдя из атаки, смогут снова настичь СБД, на стороне большевиков будет неоспоримое боевое преимущество. Подошедшие к тому времени навстречу Дорохову германские пулеметные истребители Арадо-Удет не смогли даже использовать свое оружие. Орудийный огонь СБД держал их на слишком большом расстоянии. Лишь отдельные германские летчики, видя бесполезность стрельбы с таких дистанций, очертя голову бросились сквозь огневую завесу советских пушек. Не больше половины их дошли до

дистанции действительного огня.

Капитан Косых увидел, как соседний СБД подфлагмана, потеряв управление, стал делать странные фигуры и исчез в направлении темной земли. Пока Косых старался отметить направление, в каком исчезает подфлагман, в поле его зрения попали еще несколько падающих СБД. Там и сям, сквозь сумрак, окутавший землю, сверкали внизу крошечные светлячки взрывов - рвались бомбы сбитых СБД. Но вдруг яркий сноп пламени ослепил Косых. Столбом рванувшегося воздуха флагманский СБД подбросило и столкнуло с курса. Косых не сразу понял, что произошло: не успев выйти из атаки, германский истребитель врезался в один из соседних самолетов. От удара взорвались бензиновые баки истребителя. Пожар в свою очередь вызвал взрыв бомб на СБД. Через секунду капитан Косых увидел, что еще один германский истребитель воткнулся в спину другому СБД. Косых заметил, как пылающей ракетой вылетел со своего места пилот истребителя вместе с сидением, к которому был пристегнут. Удар столкнувшихся самолетов был настолько силен, что Косых даже не уловил момента, когда СБД разломился. Он видел только, как падает фюзеляж с центропланом (Центроплан-средняя часть корпуса самолета с коренными образованиями несущих поверхностей, к которым крепятся крылья Ц прим. автора) вместе с воткнувшимся в его верхнюю башню истребителем.

Секундомер, пущенный капитаном Косых в момент, когда он увидел первые самолеты противника, показывал уже семидесятую секунду. Впереди, в сфере действительного пулеметного и даже пушечного огня, ничего не было. Лишь довольно далеко на фланге и впереди маневрировали крупные соединения противника. Косых мог поручиться, что они меняют направление полета и ложатся на параллельный курс, одновременно стремясь набрать высоту. Пока он старался разгадать значение этого маневра, пушечные истребители, успевшие наверстать потерянное в бою расстояние, еще раз атаковали СБД. Но эта атака была слабее. Лишь незначительная часть Мессершмидтов нагнала СБД. Остальные были еще далеко сзади за хвостами бомбардировочных колонн. Эта раздробленность действий ослабила силу второго удара. Лишь несколько "ежей" пришли в расстройство. Особенно сильным было оно в части, где два СБД одновременно взорвались от столкновения с истребителями. Сила взрыва двух с половиной тысяч кило тротила была так велика, что соседние самолеты завертело воздушной волной. Один СБД, подкинутый под крыло, перевернулся вокруг продольной оси на спину. У двух СБД шквалом были сорваны вертикальные поверхности хвостового оперения. Им пришлось стремительно пикировать, чтобы не расстроить боевой порядок всей части. Но поблизости не было сил немцев, могущих использовать замешательство. "Ежи" успели перестроиться, заполнить прорывы и поставить поврежденные машины в наименее напряженные места.

Когда стрелка секундомера отсчитала пятую минуту, капитан Косых разобрал наконец, что перестраивающиеся впереди неприятельские соединения составлены из устаревших бомбардировщиков Хеншель-123. Они летели впереди и выше СБД. Косых решил, что они пойдут над колоннами эскадры параллельным курсом. Благодаря разности скоростей ОБД обгонят противника. Обгон этот произойдет гораздо медленней, чем если бы враги сошлись на пересекающих курсах. Этому времени идущим выше самолетам будет достаточно для того, чтобы с большой вероятностью попадани использовать запасы мелких бомб.

Предположение капитана Косых было отчасти верно. Бомбардировщики Хеншель-123 действительно должны были дождем мелких бомб-весом от двухсот пятидесяти граммов до одного килограмма - засыпать колонны большевиков. Разрыв бомбы во много раз действительнее пулеметного и пушечного попадания.

Избавить эскадру от этого врага могла надвигающаяся темнота. Проектируясь на темную землю, СБД будут почти не видны сверху. Если флагману удастся искусным маневрированием уйти с курса Хеншелей, их работа будет сильно затруднена.

И действительно, прежде чем упали первые бомбы немцев, в наушниках Косых уже прозвучал вызов Дорохова. Предупреждая свои части о появлении бомбардировщиков, он приказывал непрестанно менять курс. Обстановка позволяла, кроме того, несколько

разредить строй. Было мало вероятия, что истребители немцев повторят атаку, - этому мешало скопление над эскадрой их собственных машин. А к тому времени, как Хеншели останутс за хвостом главных сил Дорохова, будет уже совсем темно.

Роль германских истребителей на сегодня сыграла. Сыграна достаточно неудачно.

За бомбардировщиками Хеншель Косых с трудом различил еще многочисленные силуэты больших самолетов. Это были монопланы Юнкерс-90. Он полагал, что Юнкерсы должны будут продолжить работу Хеншелей по бомбардировке эскадры. Но на плечи Юнкерсов была возложена совершенно другая задача. Об этом догадался более осведомленный в секретах противника Дорохов.

Летя плотным строем, Юнкерсы должны были сблизиться с противником на расстояние, какое допустит его огонь, но не превышающее двести метров. Германское командование совершенно сознательно шло на то, что потери в рядах Юнкерсов будут очень велики; с такой дистанции их будут расстреливать, как куропаток. Но пассажирские машины не представляли дл него такой ценности, как боевые. Достигнув указанного сближения, Юнкерсы выпускают тросы, подобные тросам полетных антенн. К концу троса подвешена мина большой взрывной силы. Вытавив тросы, Юнкерсы меняют свой параллельный курс на пересекающийся с таким расчетом, чтобы оставаться как можно дольше на пути нижней колонны.

В противоположность Хеншелям, которым темнота мешала работать, Юнкерсам она была необходима.

Последняя часть сражения - введение в бой Хеншелей и Юнкерсов -проходила уже значительно более замедленными темпами. В то время как за все три атаки истребителей секундомер капитана Косых отсчитал всего 5 минут 50 секунд, сближение с надвигающимися Хеншелями длилось свыше двадцати томительных минут. К тому времени, когда вся масса Хеншелей осталась за хвостом эскадры, Косых успел насчитать не больше двенадцати разрывов бомб. В темноте вспышки были очень хорошо видны, хотя уже и нельзя было различить машин, ставших жертвами попаданий. Небольшой процент попаданий бомб нужно объяснить тем, что СБД непрерывно маневрировали, меняя курс. Это вынуждало немцев тоже постоянно менять курсы и углы прицеливания.

Ночь вступила в свои права.

Земли не стало.

Взошедшая луна не в силах была помочь сражающимся.

Они мчались навстречу друг другу или следом, или наперерез один другому, не видя ни противника, ни своих.

Бойцы на земле, в обстановке ночного боя, могут переброситьс словом, они чувствуют друг друга по отрывистому дыханию, по топоту ног, по шороху земли, а если есть хоть немножечко света, светит хоть кончик луны, бойцы уже видят друг друга. И при часовой скорости перебежки в восемь-десять километров собственное движение кажется им столь стремительным, что встреча с врагом бывает внезапной, как столкновение. А корабли в море? Несколько десятков кораблей, избирающих место для бо на пространстве в миллион квадратных километров, представляют друг дл друга ежесекундную угрозу столкновения, могущего возникнуть более быстро, чем это воспримет глаз вахтенного. И это при скорости хода всего в каких-нибудь пятьдесят -шестьдесят километров. Самолеты же двигались со скоростью пятисот и больше километров.

Только время от времени, при удачном повороте, в слабом свете луны мерещились летчикам неверные силуэты ближайших машин.

Юнкерсы совершенно растворились в темноте. Все вокруг представлялось бесконечной бездной. Темнота делала бессмысленной трату зарядов. Только еще далеко, где-то на крайнем левом фланге, сверкали вспышки у надульников. Может быть, особенно дерзкие летчики врага подошли там на слишком короткую дистанцию, позволяющую, стрелкам угадать их присутствие. Может быть, просто нервы стрелков не выдерживали томительного ожидания противника.

От настороженного созерцания темноты капитана Косых отвлекло приказание флага: "Учесть потери и состояние частей". Занятый переговорами с командирами, Косых забыл о времени. Каждая часть доносила о какой-нибудь утрате. Не считая разведывательных машин, эскадра потеряла: выбывшими из строя 32 СБД и летящими с неисправимыми повреждениями 14. Кроме того, 48 оставались в строю с повреждениями, исправляемыми в полете. Выслушав доклад капитана Косых, Дорохов сказал:

- Сообщите о потерях начальнику ВВС. Прибавьте слова: "Потери меньше, чем я ждал. Не сомневаюсь в выполнении задания партии и правительства".

Вернувшись на свое место и взглянув на часы, Косых увидел, что прошло уже более получаса со времени снижения эскадры на тысячу метров из-под Юнкерсов. Можно было быть уверенным, что немцы в темноте потеряли эскадру. Опасность осталась позади. Несмотря на то, что Косых только теперь о ней вспомнил, он все же вздохнул с облегчением: нужно думать, что ночью эскадре ничто не грозит. Она может дойти до цели, не понес новых потерь.

И в темноте полет частей эскадры проходил в том же порядке. Если бы несколько лет тому назад перед соединением большой численности была поставлена задача группового полета ночью, то стало бы неизбежным огромное эшелонирование частей по горизонтали и вертикали. При условии идеальной постановки штурманской службы успех полета базировался бы на точном соблюдении временных интервалов между отдельными частями и даже самолетами. Теперь же введение в практику нескольких специальных приборов позволяло даже в полной темноте соблюдать боевые порядки в соединениях и любые строи в частях.

Дымка, закрывавшая небо, исчезла. Над колоннами засверкали звезды.

Казалось, земля была безмятежно спокойна. Ни сияющих, белым заревом городов, ни огонька в деревнях. Лишь сквозь сильные линзы труб можно было изредка заметить отражавшую звездный свет гладь озера.

Косых справился с данными штурмана. Колонна шла над северной границей Богемии. Здесь разбросаны десятки городков, местечек, деревень и крупных заводов. Но жизнь в них притаилась. Все живое, напуганное гулом самолетов, забралось под землю.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Хотя боевой приказ десанту не содержал ничего неожиданного, Богульный не мог скрыть волнения, прорабатывая задачу с командирами частей. Его бойцы должны будут, в буквальном смысле этого слова, упасть на голову противника. Не на параде, не на маневрах с холостыми выстрелами и полотнищами условно отвоеванных рубежей. Их встретят не посредники с белыми повязками. На земле будут немцы. Богульный понимал, что это значит.

Богульный знал по имени каждого из сидящих перед ним людей. Он любил их всех, их жен, их детей, он знал все их дела, их маленькие домашние заботы, отнимавшие у него всегда столько дорогого служебного времени.

- Головные отряды, первый и второй, производят высадку на парашютах близ деревни Березно. - Богульный карандашом отметил точку на карте. - Здесь расположен штаб генерала Шверера - командующего германской армейской группой прорыва.

Задача:

Первому отряду-парализовать штаб, уничтожить, связь, разрушить автомобильную дорогу, связывающую штаб с тылом и арьером, взять в плен или уничтожить личный состав штаба.

Второму отряду-занять штабной аэродром у Погореловки и подготовить его к принятию наших самолетов. В три часа тридцать на этом аэродроме приземляются мои самолеты и высаживают там людей и средства зенитной обороны самого аэродрома и штаба нашего войскового соединения, имеющего прибыть туда в три часа пятьдесят минут.

Третий головной отряд производит высадку у деревни Тынно на берегу Случа и в

зависимости от обстановки занимает один из двух аэродромов 172 или 174, расположенных около этой точки. В три часа сорок минут на этот аэродром садятся самолеты моего второго эшелона с бронетанковыми средствами и артиллерией.

Четвертый головной отряд выбрасывается севернее точки 174 и принимает все меры к сохранению невредимыми бензиохранилищ, расположенных у специальной ветки, подходящей сюда от железной дороги Сарны-Ровно. В три часа тридцать минут на этот аэродром прибывают наши истребительные части, которые будут нести службу охранения дальнейших операций.

Первая посадочная часть в составе двух механизированных подразделений производит высадку на аэродром 172 и 174. Задача...

Он говорил так, что каждое слово запечатлевалось, как написанное.

Передав командирам приказы и карты, Богульный порывисто обнял ближайшего из них.

- Родные мои, я бы обнял всех, да вас ведь много- не обнимешь. Деритесь, как настоящие большевики. А мой адрес: Березно. Буду там с трех часов тридцати. Ежели что... да что может быть? Мы с вами знаем, зачем нас посылает партия, зачем летим. Мы будем диктовать нашу волю врагу. Он заплещет так, как хотим мы. Вот и все.

Комдив отдал последние распоряжения по штабу и поехал на аэродром, откуда должен был стартовать первый головной отряд.

Там уже все было тихо. Приготовления закончены. Люди, готовые занять места, лежали на прохладной росистой траве у машин. В тишине был ясно слышен звон кузнечиков. Спокойно, ярко мерцали над степью звезды. Богульный искоса поглядел на стоящий среди других самолет с большим красным крестом на фюзеляже и крыльях. Хотелось туда, но пошел в другую сторону. Он обошел несколько машин и проверил материальную часть. Поговорил с бойцами. Удивляло спокойствие людей. Была лишь некоторая приподнятость, как перед всяким ответственным полетом, но Богульный не заметил волнения, которое сам с трудом скрывал.

"Может быть, сибиряк и прав: не становлюсь ли я стар? "

Уже не сдерживая нетерпения, пошел к санитарному самолету. Команда лежала под широким фюзеляжем. Белел глазок ручного фонарика. Богульному послышались приглушенные смешки. Он остановился. Тихо, но четко раздавался вибрирующий девичий голос. Олеся читала бойцам. Богульный кашлянул и шагнул к самолету. Навстречу поднялась темная фигура. Олес отдала рапорт:

- Товарищ комдив, в санитарной части первого головного отряда все люди на местах. Самолет готов к старту.

Богульный протянул ей руку, как и остальным командирам. Несколько дольше задержал ее маленькую ладонь в своей и тихонько буркнул:

- Оленок... ну?

Лица дочери не было видно. Но Богульному показалось, что она смеется.

- Все хорошо, тату.

Он пожал ей руку и, круто повернувшись, пошел прочь. Сидя в автомобиле, Богульный пытался найти среди самолетов тот, с красным крестом на корпусе, но они были в темноте все как один. Прежде чем он доехал до белой линейки, загудели заведенные моторы. Командир первого головного отряда - веселый маленький Изаксон - вынырнул из-под самых фар комдива:

- Разрешите стартовать?

Голос звучал так, точно он собирался на интересное ученье.

Богульный махнул рукой.

Придерживая неуклюжий парашют, Изаксон побежал полем.

Комдив не выдержал и, вылезши из машины, уставился в темень.

Вспыхивали цветные глазки сигналов.

Самолет Изаксона пошел на взлет.

С момента разделения эскадры Дорохова служба наблюдения противника точно определила направление движения первой колонны на Берлин и ее примерную численность. Но командование понуждало вновь и вновь уточнять данные. Начальник штаба германских воздушных сил подозревал, что конечной задачей Волкова является движение по пути, проторенному Дороховым, для дублирования его задачи. Рорбах уже не мог отделаться от этой мысли, она казалась ему наиболее верной, хотя сначала он и допустил, что Волков действительно летит к Берлину.

Первоначально у Рорбаха было, намерение предоставить Волкову свободу действий на подступах к Берлину. Начальник штаба не хотел отрывать ми одного самолета от промышленного района, бывшего совершенно очевидной целью полета Дорохова. Но по мере того, как укреплялась мысль, будто Волков в конце концов должен повернуть к югу, закрадывалось сомнение: целесообразно ли держать все силы сопротивления прикованными к одному направлению? Не лучше ли вовремя, не дав противнику соединить свои силы, уничтожить его колонны поодиночке? Не так ли поступал Великий Фриц? (Великий Фриц - прозвище прусского короля Фридриха II Ц прим. автора) Не этому ли учил Наполеон? Когда из предположения такая мысль перешла в уверенность, Рорбах, не колеблясь, отменил прежнее задание всем силам сосредоточиться в южнопромышленном районе. Перед частью своих сил он поставил новую задачу: сосредоточиться в районе Дессау - Торгау дл встречи с колонной Волкова, когда она повернет к югу. При встрече с советскими отрядами Рорбах хотел быть сильнее каждого из них в отдельности.

Итак, независимо от того, произойдет встреча Волкова с заслоном или нет, его задача была выполнена - противник оттянул значительные силы от сопротивления второй и третьей колоннам.

Но Волков об этом не гнал.

Видя, что его полет проходит без всякого сопротивления, комиссар допустил, что вражеское командование из-за малочисленности первой колонны не придавало ей значения и бросило все силы против Дорохова.

Волков решил, что его обязанность - привлечь к себе внимание противника, заставить его бросить на сопротивление первой колонне большие силы. В эфир пошла ложная радиogramма Дорохову: "Ввиду отсутствия на моем пути сопротивления противника, по-видимому поддавшегося на вашу демонстрацию, прошу разрешить мне повернуть к цели, не доходя до Берлина". Чтобы противник мог наверняка перехватить это радио, Волков дал его клером. (Дать депешу клером - дать ее в открытую, без шифра Ц прим. автора) Оставалось только, чтобы немцы доверили радио.

Через полчаса радиogramма лежала перед Рорбахом. Генерал удовлетворенно потирал руки: его предположения подтвердились.

Большие силы немцев продолжали сосредоточиваться в районе Дессау - Торгау, ожидая Волкова. Но Волков об этом по-прежнему не знал и, по-прежнему не видя сопротивления, сделал еще одну попытку обратить на себя внимание.

Его собственная машина стремительно пошла вниз. Следом за нею снижались одна за другой части колонны. Но земля была по-прежнему мертва.

Задолго до прихода колонны страна погрузилась во тьму. Посреди улиц замирали трамваи и автобусы. Внезапно обрывалось сияние реклам, во мрак проваливались целые кварталы, районы, города.

Волкова видели. Его не могли не видеть. Волкова слышали. Не могли не слышать.

Две тысячи метров! Он почти тащится по земле. Он подставляет себ под выстрелы зенитных батарей. Так почему же они молчат? Почему нет лихорадочной стрельбы, почему не раскрываются ворота пресловутых подземных аэродромов, о которых столько писали в мирное время? Почему тучи истребителей не поднимаются в воздух, чтобы спасти от бомб

мирные города своей родины? Почему, черт возьми, никто не пытается его остановить?

Земля молчала. Города Восточной Германии прятались во мраке. У них не было ни истребителей, ни зенитных пушек. Они не представляли ценности для командования. Зенитные пушки были нужны для других целей. Они должны были защищать от советских бомб узкие черные ленты земли, залитые бетоноасфальтом, - автострады. Непрерывными потоками текли по ним автомобильные поезда с войсками, бежали броневики и танки; дым угольными моторами, мчались грузовые колонны со снаряжением, огнеприпасами и горючим. Горючее, горючее и горючее! Тысячи, десятки тысяч цистерн запружали автострады. Фронт, как губка, всасывал горючее.

Хотя все движение на автострадах и замирало при звуке приближающихся самолетов, Волков с малой высоты различал иногда бесконечные вереницы автомобилей. Он видел спины танков, а под рукой у него не было ни одной тяжелой бомбы, чтобы разметать в прах эти тысячи, десятки тысяч тонн стали, вырванных с кровью из полезного обращения у трудового народа Германии, обращенных в танки, пушки, снаряды, в броню. Эти тысячи пушек одинаково направлены как на Советский Союз, так и в сердце великого народа трудовой Германии, истекающего кровью, вынужденного в рабском безмолвии, ценою собственной жизни, утверждать господство своих оголтелых хозяев-фашистов. Несколько хороших бомб! Их нет. Только полукилограммовки, данные ему для демонстрации, годные больше для того, чтобы пугать, чем для уничтожения. Но, черт побери, и эта мелочь пригодится на то, чтобы остановить там внизу мерзкую гусеницу войны, чтобы заставить в панике метаться грузовики, чтобы выпустить и придорожные канавы содержимое сотен цистерн. Пусть это пока не те годки, которые обещал им Ворошилов, но кое-что Волков все-таки может сделать, не отвлекаясь от основной задачи.

Когда курс колонны слишком близко подошел к линейке автострады, на земле забесновались зенитки. Разрывы создали завесу, сквозь которую с воем неслись бомбардировщики. Тысячи разрывов, похожих на взрывы ручных гранат, засверкали в месиве застывших на дороге машин. Тысячи полукилограммовок сыпались с СБД. Стрелки нижних башен не отрывались от пулеметов. Сверху не было видно результатов атаки. Полыхали только языки пламени вокруг цистерн с бензином, керосином, нефтью. Тяжкая пелена черного дыма повисла над автострадой. На ней плясали багряные блики пожаров. Зенитки посылали залпы вслед пронесшемуся смерчу советских машин. Но истребителей не было. А именно их-то ждал Волков. Привлечь к себе как можно больше истребителей - в этом сегодня его задача.

Истребители не выходили навстречу СБД. Их не хватало у германского командования. Оно не могло оборонять авиацией всю территорию империи. Оно создавало заслоны на вероятных путях движения советских колонн. Оно готовило Волкову достойную встречу, когда он повернет на направление, которое генерал Рорбах принимал за цель его появления над Германией.

Волков понял это по-своему. Он решил, что германское командование разгадало в его движении простую демонстрацию. Мало ли каким образом оно могло это узнать?

Вплоть до агентурной разведки. Во время войны она у немцев усилена в десять, в сто раз.

Если это так, то немцы знают и то, что у него нет ни одной бомбы весом более полукилограмма. Они знают, что он не может принести существенного вреда ни Берлину, ни какому бы то ни было другому пункту. Если все это так, значит они бросили все резервы главного командования на сопротивление Дорохову. Значит, единственная верная задача, которую ставит перед Волковым обстановка, - немедленная помощь Дорохову силою своего вооружения. Если удастся присоединиться к Дорохову, первая колонна Волкова сможет принять на себя роль крейсерского охранения. На пути к цели машины Дорохова тяжело нагружены бомбами. На обратном пути они будут измотаны боями. Помощь Волкова не будет лишней.

Больше всего пугала Волкова мысль, что рейд его двухсот сорока СБД окажется

выстрелом, сделанным в воздух. Он был ошибочно уверен, что не сыграл предназначенной ему роли. Двести сорок самолетов казались ему напрасно оторванными от основной задачи. Они не только не отвлекли на себя крупных сил противника, но просто совершили увеселительную прогулку. А где-то там, на юге Германии, Дорохов, может быть, и даже наверно, испытывает жестокие удары соединенных сил врага. СБД второй и третьей колонн принуждены вести воздушные бои, а его, Волкова, самолеты идут налегке, забавляясь стрельбой по грузовикам.

Меньше всего Волков мог думать, что начальник штаба германских воздушных сил нервно грызет ногти, решая вопрос: можно ли взять из заслона Дессау - Торгау хоть один самолет, чтобы использовать его против Дорохова?

Терпение Волкова было исчерпано. Он радировал в СССР начальнику воздушных сил:

"... противник не оказывает никакого сопротивления. Попытки вызвать его на бой безуспешны. На этом направлении нет ни одного самолета. Разрешите повернуть к Нюрнбергу для оказания поддержки Дорохову и для прикрытия его возвращения. Волков".

Ответ был:

"Идите на соединение с Дороховым".

Обрадованный Волков немедленно отдал нужные приказания по колонне. Двести сорок СБД изменили курс и стали набирать высоту. Из добывающегося столкновения искателя битв Волков превратился в осторожного водителя, трясущегося над целостью каждой машины. Может быть, в недалеком будущем им предстояло прикрыть утомленных боями товарищей из второй и третьей колонн.

Уклоняясь к югу, мягко гудели в темной вышине двести сорок машин. Неотступно по их следам поворачивались на земле широкие уши звукоулавливателей и неслись по проводам донесения о движении колонны.

И тут-то, из этих донесений, генерал Рорбах наконец понял, что ошибся. Двигаясь на соединение с Дороховым, Волков летел вовсе не по тому пути, который казался Рорбаху наиболее вероятным. Его группа быстро уклонялась на юго-восток, для того чтобы через полчаса изменить курс на строго западный и потом снова лечь на южный. Волков шнырял, как лиса, неожиданными зигзагами. Темнота надежно укрывала его. Очень скоро Рорбах увидел, что заслон, стерегущий бригадминистра на линии Дессау - Торгау, бесполезно теряет время. Волков обходил его с юго-востока. Единственным средством спасти истребительные силы этого заслона от бездействия был стремительный бросок к югу, в район Нюрнберга, куда, несомненно, двигался Волков.

Среди свежих радиogramм офицер штаба положил на стол Рорбаху короткую сводку о потерях, понесенных германской авиацией в бою с эскадрой Дорохова:

Истребители Мессершмидт - сбито 110 (22%) получили повреждения - 211 (33%)

Истребители Арадо - Удет - сбито 162 (10%) получили повреждения - 20 (5%)

Бомбардировщики Хеншель-сбито 92 (16%) получили повреждения - 101 (50, 5%)

Первая бригада Юнкерсов в результате ошибки штурмана наткнулась в темноте на подвесные мины своей второй бригады и понесла тяжелые потери. Точное число их еще не установлено вследствие того, что самолеты дивизии рассеялись на очень большом пространстве. Пока обнаружено 47 разбитых машин.

Положив эту сводку перед генералом, офицер поспешил уйти. Он знал, что реакция на нее будет не из тех, когда можно услышать что-нибудь хорошее. Потери превосходили самые пессимистические ожидания командования. При таком расходе в людях и материальной части не хватит никаких резервов для поддержания германской авиации даже на уровне мобилизации, не говоря о каком бы то ни было расширении.

Ночь с 18 на 19 августа. БЕРЛИН

Пользуясь суматохой, под самыми различными предлогами хозяйки убежали из подвалов, превращенных в убежище ПВО. Тихонько, прячась в подъездах, прижимаясь к стенам, они пробирались по темным улицам. Раз люди сидят в подвалах, есть надежда занять такую очередь за молоком или мясом, что, может быть, завтра, когда кончится эта тревога

(не может же она продолжаться вечно), что-нибудь достанется. По правде говоря, хозяйки не очень-то обеспокоены этими рассказами о приближающихся большевиках. С восьми часов вечера берлинцев держат в подвалах, а большевиков нет как нет. Какие там большевики? Кто слышал о том, чтобы красные бросали бомбы на головы мирных жителей? Это бывало только в мозгах писак из "Ангриффа"! Довольно вранья, господа хорошие! Просто-напросто полиция хотела избавиться от бесконечных процессий, наводнивших берлинские улицы с того самого момента, как стало известно, что наци все-таки напали на Россию. Демонстрантов загнали в убежища. Будет ли еще какой-нибудь толк от того, что целый день, а за ним и целую ночь проторчишь в этой проклятой духотище под домом, - неизвестно; а вот, если удастся встать первой, ну, даже не первой, а, скажем так, в пределах первой сотни, у молочной лавки, то, возможно, достанешь литр молока. Есть из-за чего беспокоиться.

Но немногим из этих женщин, пренебрегавших опасностью ради того, чтобы раздобыть несчастный литр молока для изголодавшихся ребятишек, удавалось добраться до лавок. Несмотря на полную темноту, царившую на улицах Берлина, полиция каким-то образом обнаруживала эти крадущиеся тени. Шупо (Шупо-сокр. от Schutzpolizei-так называют в Германии наружную полицию Ц прим. автора) безжалостно гнали их в первые попавшиеся дома.

Улицы были черны и пусты. Только на крупнейших магистралях Курфюрстендамма, Фридрихштрассе, Лейпцигер-штрассе, Унтер ден Линден едва заметно синели редкие, прикрытые колпаками фонари тревоги. Они ничего не освещали, служа лишь маяками, по которым могли держать направление автомобили тех, кого шупо не гнали насильно в подвалы убежищ, кому предоставлялось самому избирать время и место для укрытия от бомб.

Весь остальной город, в особенности такие бедирки (округ, район. прим. автора), как Нейкельн, Веддинг, Панков, был погружен в тишину и мрак. Изредка пробирался там по улицам полицейский автомобиль, сторожко щупая дорогу синим светом притушенных фар. Даже эти посланцы Александерштрассе (На Александерштрассе расположен полицейпрезидиум Берлина Ц прим. автора), о приближении которых обычно можно было узнать за два квартала по отчаянному вою сирен, двигались теперь молча. То ли это было желание подкрасться незаметно к кому-то, кого они искали, то ли сами они боялись малейшего звука.

Громкоговорители, установленные в подвалах домов, переоборудованных в убежища, изрыгали бесконечную истерику национал-социалистских агитаторов. Берлинцев пытались убедить в том, что все обстоит очень хорошо, что германский народ, как один человек, поднялся по зову фюрера, что части рейхсвера давно уже перешли советско-польскую границу и громят Красную армию на советской земле. Еще немножко терпения, еще немножко воздержания, - и подданные Третьей империи попадут прямо в рай. Хриплые выкрики наци сменялись бодрыми маршами. Грохот меди, бесконечная дробь барабанов и визг военных флейт. Наци пытались отвлечь от горькой действительности мысли нескольких миллионов берлинцев, сидевших в полумраке убежищ. Ни одной верной новости, ни слова правды о том, что происходит на фронте, в стране, за границей. Все радио и телеграммы фронтового командования и местных властей обрабатывались прежде всего на Бендлерштрассе (Военное министерство Ц прим. автора). До жителей не доходило ничего, кроме привычного, набившего оскомину вранья. Чем победней звучало радио, тем меньше ему верили. Неведомо какими путями, без телефона и телеграфа, через все фашистские рогатки извне приходили слухи. Чем меньше они были похожи на сводки правительства, тем больше им верили. Среди слухов была правда. Передавали, что к Берлину движется советская воздушная эскадра в несколько сот новейших бомбардировщиков. Эскадра летит приблизительно вдоль течения Одера и скоро должна будет вступить в бой с истребителями противовоздушной обороны германской столицы.

Берлинцы не знали имени ведущего эту эскадру советского командира, но в слухи проникла даже такая подробность, что, мол, командир этот очень смел и искусен. Берлину не сдобровать! Очевидно, речь шла о бригадкомиссаре Волкове.

Какими путями, через кого и как получили такое распространение случайные слова, несколькими часами ранее сказанные генералом Рорбах своему начальнику? В двадцатом веке пантофельная почта, невидимому, не нуждается уже ни в путешествующих обывателях, ни в стенках вагонов, чтобы писать на них секретные сообщения. Существуют тысячи коротковолновиков-любителей, тысячи любительских ключей и шифров, за которыми не может угнаться никакая Гестапо. В подземельях шушукались.

Шушукались в подворотнях, в темных квартирах, в цехах затемненных заводов.

Берлинские предприятия стояли. В ожидании Волкова они были погружены в темноту и молчание. В одиннадцать часов ночи, когда настало время смены на заводах АЭГ (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft - Всеобщая компания электричества; прим. автора), рабочие отказались сидеть взаперти. Они требовали, чтобы их отпустили домой. Прискакавшие бонзы (Так именуют профсоюзных национал-социалистских функционеров. Ц прим. автора) ничего не могли сделать. Рабочие волновались и требовали, чтобы их немедленно выпустили, грозя в противном случае головами бонз разбить ворота завода. И опять заработала почта шепотом. Через двадцать минут то же самое произошло на газовом заводе у Данцигерштрассе. Туда даже не успели приехать бонзы. Рабочие газового завода вышли на улицу, не ожидая смены. Но вместо того, чтобы разойтись в разные стороны, как делали каждый день, отправляясь по домам, они в молчании, беглым шагом направились вверх по Данцигерштрассе на выручку рабочим АЭГ. На ходу строились колонны. Выделялись командиры.

Мерный топот тысячи ног глухо раздавался в темной щели Данцигерштрассе, когда вдруг голова колонны остановилась. На скрещении с Шенгаузераллее рабочих встретил сильный отряд полиции. В темноте можно было разобрать силуэты броневых автомобилей. На один из них взобрался "доверенный" (Совет доверенных-ставленники наци, подменяющие профсоюзные органы на предприятиях Третьей империи. - прим. автора), но, прежде чем он успел что-нибудь сказать, толпа повернулась и бросилась к Паппельаллее, пытаясь обойти заставу с севера. Это не удалось. Там стояли броневики. Машины глухо гудели, двигаясь на малом газу и сжимая рабочих стальным прессом.

Когда теснота достигла предела и люди готовы были лезть друг на друга, полицейские открыли узкий проход в сторону Шенгаузераллее и ударами дубинок погнали рабочих к выходу метрополитена. Светящееся синее "U" (Латинским "U" в Берлине обозначаются входы в метрополитен (Untergrundbahn); прим. автора) было единственной точкой на всем пространстве улицы, которую можно было видеть. Рабочих загоняли в узкий проход унтергрунда-первое попавшееся место, где их можно было лишить возможности передвигаться.

Нижние рабочие были уже на платформе подземной станции, а наверху работали резиновые дубинки шупо, пихали в спину стальные листы бронированных радиаторов полицейских машин. Толпа рабочих уже не помещалась на лестницах, в проходах, на платформе. Под напором верхних рядов рабочие оказались сброшенными на пути. Снизу предупреждали, кричали, вопили. А полицейские продолжали втискивать толпу под синее "U".

Рабочих на путях становилось все больше. Им некуда было деваться. Пронесся слух, что от Александерплатц идет поезд с полицией. Начальник станции подтвердил это. Раздались крики с требованием задержать поезд, чтобы он не врезался в толпу. Но испуганный начальник станции заперся у себя в будке с несколькими шупо. Напрасно сыпались удары рабочих на окованные створки. На путях были уже сотни их товарищей. Рабочие хотели сами дать сигнал об остановке поезда. Но все управление сигнализацией находилось в будке. Несмотря на то, что оттуда сыпались ругань и угрозы шупо стрелять в первого, кто покажется, рабочие раздобыли на платформе железную скамейку и стали ею, как тараном, выбивать дверь.

Красная стрелка индикатора стремительно бежала по линейке схемы. Вот она миновала Лотрингерштрассе, вот подошла к Шенгаузерплатц, приближается к пересечению Данцигер-

и Шенгаузераллее. Остались считанные минуты. Стальная дверь камеры гнется, но висит еще на петлях. Рабочие разбили уже одну скамейку и таранят второй. Вот соскочила первая петля. С путей сотни расширенных глаз следят за движением красной стрелки. Люди в ужасе карабкаются на платформу. Стоящие там лезут на плечи товарищей, они садятся друг на друга. Цепляются за поручни лестниц, чтобы освободить лишний дюйм места для нижних товарищей. Наверху, у выхода на улицу, загороженного решетчатой дверью, кто-то, рыдая, пытается объяснить полицейскому офицеру происходящее, но тот делает вид, что не слышит. Люди по эту сторону решетки кричат, требуют; многих начинает бить истерика. Их нервы уже не выдерживают напряжения. Они вцепились в прутья и с воем трясут их, трясут. Оттуда, с улицы, несется брань. Шупо бьют дубинками по пальцам людей, вцепившихся в решетку. Их не касается то, что происходит внизу. Приказ был ясен: рабочих газового завода загнать в унтергрунд до прибытия резерва, высланного с Александерплатц поездом подземки. Шупо его исполнили. Теперь рабочие могут бесноваться сколько им угодно.

Старый рабочий, по скрюченным пальцам которого с ожесточением бьет шупо, не выпускает решетки. Он уже не может кричать, нет больше ни голоса, ни сил. Слезы текут по желтой коже изможденного лица и застревают в глубоких морщинах, в седой бороде.

Вдруг снизу доносится вопль тысячи глоток. Его покрывает грохот выкатившегося из тоннеля поезда. Рабочий отпускает руки и без сил повисает, прижатый к решетке телами других рабочих...

Весь юго-запад неба окрасился в пурпур. Это не был восход. Было еще рано, да солнце и не восходит на западе. Но отсвет разрастался. Скоро он окрасил половину неба.

Это горели гигантские склады горючего в Магдебурге.

Отблеск этих пожаров видел и Волков и в тот момент, когда он с курса на Берлин повернул к Нюрнбергу.

23 ч. 00 м. - 0 ч. 30 м. 18/VIII-19/ VIII

С приближением к цели Дорохов обнаруживал все более оживленную деятельность неприятельского радио. Причина оживления не оставляла сомнений: готовился прием его колоннам. Дорохов не боялся нового боя. Он справедливо считал, что в ночных условиях на его стороне имеется значительное преимущество. Прежде всего его нужно найти в пространстве. Даже четыреста самолетов, если они захотят уйти от встречи с противником, не так просто обнаружить. Пусть посты земного наблюдения с полной точностью отмечают его путь, уклониться от встречи он сможет.

Дорохову нужно было решить основной вопрос: продолжать ли полет прежним курсом или совершить обходное движение с тем, чтобы подойти к цели с тыла?

В конце концов он решил, что, подойдя на расстояние двухсот пятидесяти километров (т. е. примерно на 40 минут хода), он резко переменит курс на южный и обогнет Нюрнберг. Бомбометание будет вестись на северном курсе.

Капитан Косых уловил приказ, передаваемый флагманской рацией всем штурманам колонны: подготовиться к выходу на новый боевой курс.

Со стороны Дорохова такой маневр был большой смелостью. Уже в течение четырех с половиной часов эскадра летит без всякой земной ориентировки. Руководствуясь исключительно приборами, она должна выйти на цель с такою точностью, чтобы иметь возможность безошибочно сбросить бомбы на город и плотину. Цель к моменту подхода колонн будет погружена в темноту и сольется с окружающей местностью. В лучшем случае, если будет светить луна, удастся произвести визуальную проверку с контрольного самолета, который ради этого снизится до полутора-двух тысяч метров.

Косых отлично знал, что все штурманы эскадры уже в течение долгого времени с крайней тщательностью, не отрываясь от таблиц и приборов, производят счисление пути; летчики со всею доступной им точностью стараются вести самолеты по заданному курсу. И вот, когда всеобщее внимание и силы сосредоточены на том, чтобы привести линию курса

точно к цели, Дорохов одним махом ломает ее.

Полторы тысячи человек в течение пяти часов, рискуя жизнями, бережно несли по воздуху пятьсот тысяч килограммов тротила, и теперь, из-за самой незначительной ошибки, все это может полететь на ветер...

Получив донесение о приближении эскадры Дорохова, командир москитной дивизии ПВО Нюрнберга полковник Бельц отдал распоряжение о подготовке к вылету. У него оставалось еще около получаса на то, чтобы проверить свою готовность, подняться в воздух и на боевой высоте ожидать подхода большевиков. Бельц с волнением следил за сигналами радиостанций, доносивших о движении Дорохова. Вот советским колоннам осталось 270 километров до Нюрнберга... 260... 250... Иными словами, до зоны боя-100... 90... 80... Вдруг произошла страшная путаница. Станции, расположенные по пути следования эскадры, донесли о том, что не слышат больше противника. Его стали слышать посты, расположенные к югу. И когда Бельц готов был уже изменить приказ о направлении вылета, вся сеть станций, расположенных к северу, стала доносить, что опять слышит противника. Но, в то время как одни станции доносили о противнике, удаляющемся к югу, другие сообщали об его приближении с севера: это было нелепо, почти невероятно. Заработал передатчик Бельца, разбрасывая в эфир поверочные запросы. Но станции упорно твердили свое: "Противник уходит на юг... противник приближается с севера".

На юг - уходит? - С севера - приближается?! Характер и численность приближающегося противника не были известны.

С севера приближалась колонна Волкова. На максимальной скорости, доступной облегченным СБД, Волков шел на соединение с Дороховым. Он стремился как можно раньше отвлечь на себя противоздушную оборону Нюрнберга и облегчить Дорохову подход к цели. Когда Дорохов лег на южный курс и стал удаляться от основной линии полета, Волков входил в зону слышимости москитного наблюдения с севера. Это произошло 18 августа в 24 часа по средневропейскому времени.

Командир москитной дивизии потерял спокойствие. Ему нужно были успеть встретить неожиданного врага с севера и, отогнав его, перебросить свою дивизию в южный сектор обороны. Ушедшая на юг колонна могла в любую минуту изменить направление и вернуться к Нюрнбергу.

Бельц верил тому, что две сотни самолетов, появившихся с севера, будут остановлены его москитами.

Он приказал пустить в ход батареи прожекторов ПВО.

Ночь отодвинулась с половины небесного свода. Весь воздух, все небо, вся вселенная казались пронизанными потоками света. Москитные части взлетали одна за другой. Машины срывались с аэродрома, стремительно вскидываемые стартовыми ракетами. Огненные следы ракет тянулись за скрытыми тьмою самолетами, как хвосты комет. Строго на одной и той же высоте хвосты эти обрывались. На несколько минут машины исчезали в бездне ночи, пока, ворвавшись в море света, окружающее СБД, москиты не устремились на них стремительной лавиной. СБД пылали блесками выстрелов, как огненные дикобразы. Это было беснование огня. Чтобы дойти до противника, москитам нужно было прорваться сквозь смертельную завесу свинца и рвущейся стали. Немногие из них имели шанс достичь намеченной цели невредимыми. Но они, не изменяя курса, продолжали атаку. Если бы стрелки СБД были способны в течение тех немногих секунд, что длилась атака, проанализировать обстановку, они были бы чрезвычайно удивлены этим небывалым натиском. Ведь как правило истребитель, приблизившись к атакуемому на пятьсот - шестьсот метров, уже стремился отклониться с его пути, избежать столкновения, ему оставалось едва достаточно времени, чтобы увести самолет от неизбежной гибели. А москиты, как обезумевшие, продолжали атаку. Точно ослепнув, они шли на брызжущий им в лицо огненный вихрь. Они не обращали внимания на то, что многие из них уже падают, дробя крыльями упругие лучи прожекторов, один за другим, как мотыльки, наскочившие на пламя.

Москиты продолжали атаку. При этом с их стороны советские стрелки не видели ни

одной вспышки ответного выстрела. Если бы из шестидесяти самолетов первой бригады москитов двадцать восемь не были сбиты уничтожающим огнем СБД, последствия этой атаки могли бы быть для Волкова очень серьезными. Он слишком поздно понял, что имеет дело не с обычными истребителями. Разгадав стремление москитов сблизиться с его машинами, а может быть, и таранить их, он отдал приказ маневрировать, чтобы избежать столкновения. Это спасло СБД, на которых летчики успели реагировать на приказ флагмана или сами сообразили в чем дело. Но восемь машин стали жертвами таранных торпед, в упор выпущенных москитами. С того момента, когда тактика немцев была разгадана, приобретенная ими в пикировании чудовищная скорость стала работать против них. Они уже не могли с нужной быстротой реагировать на маневры уклоняющихся СБД и, с воем неслись в темную бездну, пропадаая за пределами света прожекторов.

Последовавшее за атакой первой москитной бригады нападение их второй бригады не произвело на СБД прежнего впечатления. Стрелки подпускали немцев на короткие дистанции, зная, что с их стороны не последует ни одного выстрела. Летчики маневрированием уклонялись от сближения, необходимого москитам. Немцы не были подготовлены к такой подвижности советских бомбардировщиков. Они не знали, что имеют дело с самолетами Волкова, свободными от бомбовой нагрузки и сохранившими подвижность крейсеров активного боя. Потерпев неудачу в первой атаке, офицеры пытались вывести свои машины для вторичного удара, но СБД успели уже пройти зону, освещенную прожекторами. Немцам пришлось атаковать в темноте и скученности, создаваемой присутствием в воздухе машин обеих бригад. Во тьме сверкнуло несколько двойных взрывов. Сталкивались друг с другом москиты. Офицеры поняли значение этих страшных взрывов и пошли на посадку. Это было все, что они могли сделать в таких условиях. Правда, была еще возможность искать в темноте столкновения с советскими самолетами, как это случайно или намеренно произошло с двумя-тремя москитами, но столько же шансов было наскочить и на своих.

Для наблюдавшего снизу Бельца прошла целая вечность напряженного ожидания. Только через минуту после начала боя он отметил первый характерный взрыв торпеды. Наконец-то! Первому москиту удалось прорваться сквозь огненное кольцо СБД и таранить противника. К удивлению полковника, за багровым блеском торпедного взрыва не последовало пламени и грохота рвущихся бомб противника. В следующие минуты Бельц насчитал еще четыре столкновения. Он видел, как, объятые пламенем, падали самолеты, но бомбы большевиков по-прежнему не рвались. На земле, в той стороне, куда падали горящие самолеты, тоже не слышно было взрывов. Бельц не знал, что дерется с Волковым, не имеющим на борту бомб.

Сверх отмеченных Бельцем пяти взрывов, произошло еще три за время атаки первой бригады и четыре при атаке второй бригады. С точки зрения Бельца, это было ничтожно мало: Волков потерял лишь 12 машин из своего состава, зато мог записать себе в актив 40 москитов.

Чрезмерно высокая посадочная скорость москитов создала для них большие трудности при возвращении из атаки. Ночь, не освещенная из осторожности аэродромная площадка, неразбериха в воздухе - все это привело к многочисленным авариям. Несколько машин столкнулось. Четыре москита перевернулись при посадке. Один сел на собственные ангары. Один воткнулся в землю, причем произошел взрыв его торпеды. Таким образом вне боя погибло около двадцати москитов. Из вернувшихся невредимыми шестидесяти москитов далеко не все были способны к продолжению боя. Моральная нагрузка летчиков оказалась чрезмерной. Многие не могли покинуть кабин из-за утомления и полученных ран. Пули и снаряды СБД сделали свое дело. Беглый осмотр людей и машин показал, что не все севшие самолеты смогут после отдыха вылететь навстречу новому противнику, о приближении которого с юга панически кричали теперь все радиостанции. Это будет действительно лишь москитный укус для колонны Дорохова, насчитывающей в своем составе около четырехсот машин.

Но все же Бельц отдал приказ о подготовке ко второму взлету и велел приготовить его собственную машину.

24 ч. 00 М. - 02 ч. 00 м. 18/VIII - 19/VIII

По стеклянным крышам длинных заводских зданий синели огромные надписи: "Дорнье". Сквозь матовые стекла свет рвался в ночное небо. В залитых электричеством цехах царил размеренный ритм конвейера. Конвейер на новом, третьем филиале Дорнье - гордость фирмы, он доставил ей "премию фюрера" в пробную мобилизацию.

Размеренно двигались рядом с конвейером рабочие. Видны были только коротко остриженные затылки склоненных голов. На холщовых комбинезонах те же яркие голубые росчерки: "Дорнье", "Дорнье", "Дорнье".

Шуметь имели право только машины. Рабочие не должны были отвлекаться от работы. Даже мимолетный шепоток грозил карцером, избиением. Но сегодня рабочие не могли молчать. Эти замученные люди, поставляемые концентрационными лагерями, не могли не говорить, несмотря на все угрозы. Расхаживающие парочками охранники, прежде наводившие страх своим появлением, сегодня не оказывали обычного действия.

Шепотом, от рабочего к рабочему, от склоненной головы к согнутой спине, обгоняя движущиеся по конвейеру скелеты самолетов, бежала необыкновенная весть: "Колонна большевиков движется на Нюрнберг".

Откуда, каким образом могла проникнуть сюда эта новость, тщательно скрываемая даже от вольнонаемных служащих? Но ее уже знали, ее обсуждали приглушенным шепотом по всему стеклянному городу завода.

- Говорят, большевики прорвались к нам...
- Дай-то бог!
- Бог здесь ни при, чем.
- Не придирайся, я радуюсь, если только это правда.
- Правда? Этого мало. На наше проклятое гнездо летят четыреста машин.
- Говорят - шестьсот!
- Может быть, тысяча?!
- Во всяком случае, достаточно для того, чтобы пробить башку наци...
- Рвать их в клочья!

Шепот бежит, бежит от головы к голове, такой тихий, что его не улавливают уши охранников. И вдруг - с другого конца зала, где шепоту уже некуда двигаться, он возвращается едва уловимым тихим пением. Песня потекла вдоль конвейера. Пение сквозь стиснутые зубы, как жужжание шмелиного роя, разливалось по цеху. Слов не было, но жужжанье приобретало мотив, оно взлетало к стеклянной крыше боевым напевом "Интернационала".

Как проснувшиеся сторожевые псы, вскинулись охранники.

- Молчать!!

На крик сбегались черные куртки.

- Молчать!!

Но пение, затихнув в том месте, куда они подбегали, сейчас же вспыхивало там, откуда они ушли.

Вахмистр с револьвером в руке подбежал к инженеру.

- Остановить конвейер! Инженер пожал плечами:

- Программа, господин комиссар. Я отвечаю за программу.

- Я арестую вас, - рычал охранник и тянулся жилистой лапой к побледневшему инженеру. Но лапа повисла в воздухе.

Жужжание тихой песни прорезала дрожь тревожных звонков. Над конвейером, над конторками мастеров, над столом инженера вспыхнули яркие надписи экранов:

"ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА"

Свет, за секунду до того ослепительно яркий, померк. Еще и еще. Через полминуты, кроме синих лампочек у дверей, в длинном здании цеха не было ни одного огонька.

По мере того как угасало электричество, усиливался напев. Из робкого жужжания он вырос в боевую песню, поднялся к почерневшему стеклянному небу, заполнил весь зал цеха, заглушил хрипкое рычание охранников. Могучие звуки "Интернационала" стихийно гремели под сводами. Обезумевшие от собственного крика черные куртки гнали рабочих.

Подняв над головами карманные фонарики, охранники били рабочих по чему попало. Резиновые палки с тупым звуком опускались на спины, плечи, головы. Серые комбинезоны, как шестивие привидений, тянулись к выходу под неумолкающие звуки гимна...

Среди общего шума и сумятицы высокий рабочий торопливо говорил соседу:

- ... нужно понимать, Ганс, это единственный случай разнести к чертям всю лавочку.

Сосед испуганно отшатнулся:

- Ты с ума сошел, Эрих!

- ... слизняк!

- Что будет с нами?

- В большом деле нельзя без издержек. Ганс покачал головой:

- Я не хочу быть издержкой. Эрих вспыхнул:

- За каким же чертом ты шел в партию? Толпа рабочих была уже на заводском дворе.

Подгоняемая палками и сапогами дружинников, она втягивалась в нору подземного убежища. Гудели мелькающие клетки патерностера (Патерностер (буквально: отче наш) - так называют подъемник, состоящий из непрерывной ленты с кабинками прим. автора).

Эрих впился в рукав Ганса. Они пробежали мимо двери, сквозь щель которой пробивался слабый луч света. По ту сторону белел мрамор распределительного щита. Дежурный электрик стоял у рубильников.

Эрих потянул Ганса к двери:

- Только включить рубильник, ты понимаешь?

- Нет, нет, - испуганно прошептал Ганс и вырвал рукав из пальцев Эриха.

- Иди к черту! - Эрих скользнул в дверь будки.

Тогда следом за Эрихом в будку электрика вбежал и Ганс. Когда Эрих потянулся к рубильникам, электрик завопил. Ганс ударил его ключом. На крик бежали охранники. Грянули выстрелы. Эрих повис на рубильнике и тяжестью сползающего тела включил его. На мгновение заводские дворы залились светом.

Вспышка была столь короткой, что капитан Косых не смог бы даже указать место, где она возникла. Ясным стало только одно - внизу действительно был Нюрнберг. Остальное должны были сделать приборы и искусство бомбардиров. Каждая бомба на счету, Косых от души радовался приказу Дорохова: "Вести бомбометание с пикирования!" Это делает бомбардировку более действенной. Можно было рассчитывать, что третьей колонне, которую вел сам Дорохов, удастся начисто разрушить намеченные объекты. Лишь бы не подгадили бомбардиры...

Положение второй колонны, которая в пятидесяти километрах от Нюрнберга повернула на запад, на бомбардировку электроцентрали, было трудней. От первоначальных шестидесяти СБД в ее составе осталось сорок восемь машин. К тому же электроцентраль, вероятно, имеет еще собственную оборону, и пикирование для сбрасывания бомб обойдется колонне не дешево.

Электростанция уже знала о приближении колонны. Высокий дворец из стекла, обрамленного серым гранитом, был погружен во мрак. Мелодично гудели турбины. Из шестисот восьмидесяти тысяч киловатт в сеть посылались только триста - то, что поглощал Бамберг, младший брат Нюрнберга. А ему, пожиравшему львиную долю тока, сейчас не нужно было ни ватта. Стали станки. Почернели нити фонарей. Скованный страхом, Нюрнберг притаился. Впервые с момента открытия станции гигант военной

промышленности отказался от электрической пищи.

Из зеркальных окон машинного зала была видна гладь напорного озера верхнего бьефа, подобного большому морскому заливу. Молодой инженер, помощник дежурного по залу, стараясь сдержать нервную дрожь, вглядывался в темноту. Он пытался найти линию, отделяющую небо от воды. Где-то там, за этой линией, движутся советские самолеты. Инженер повернул бледное лицо к сидящему перед пультом старику:

- А может быть, они летят не к нам? В голосе его звучала надежда. Но старик с усмешкой сказал:

- В этом-то, мой друг, вы можете не сомневаться.

- Что же будет?

- Вы так спрашиваете, как будто я всю жизнь просидел под аэропланскими бомбами.

- Вы были на войне четырнадцатого года...

- Тогда в нас швыряли игрушками в двадцать пять- пятьдесят килограммов. Теперь к этому нужно приписать ноль справа. Тогда летали для устрашения, теперь летают для уничтожения. Дрянным хвастунишкой сочли бы в те годы летчика, который сказал бы, что он намерен уничтожить ночной бомбардировкой плотину.

- А теперь?

- Теперь?... Черт его знает, что будет теперь. Мы с вами об этом сможем скоро судить.

- Перспектива! - сказал молодой инженер, нервно передергивая плечами.

- Я могу дать вам небольшой примерчик: однажды река Колорадо, дающая энергию Сан-Франциско, прорвала плотину. До берега моря массе воды оставалось пройти всего восемьдесят километров - три часа пути. Но на протяжении этих трех часов вода причинила разрушений на пятьсот миллионов долларов, то есть на два миллиарда наших германских марок... золотых, конечно. Впрочем, вы не знаете, что такое золотая марка. Вы ее никогда не видели. Это штука, за которую по нынешним ценам вас можно купить со всеми потрохами на целый день...

Инженер не договорил. Желтое зарево сверкнуло на мраморе щитов. Медная обводка кожухов турбин отбросила сияние к дрогнувшему потолку. Выдавленная столбом воздуха, стеклянная стена обрушилась внутрь машинного зала. Снаружи, с гладкой поверхности уснувшего озера, поднялся к небу пенистый фонтан воды. Грохот взрыва дошел до зала позже, когда над озером взметнулся уже следующей гейзер. Он перебросил пенистую струю через широкое полотно дамбы, сливая ее с фонтаном бетона и стали, вскинутых бомбой. Точно обрадовавшаяся освобождению, вода хлынула в прорывы. Плотина дрожала от напора пенящейся воды. Вода рвала надломленные глыбы бетонной стены. За каждой бомбой, падающей в озеро, следовал ослепительный фонтан воды и камней. Гидравлическое давление подводных взрывов рвало тридцатиметровую толщу бетона, как гнилую фанеру.

Двести шестьдесят миллионов тонн воды уничтожающим все на своем пути потоком обрушились на Фюрт-Нюрнберг, которым она столько времени рабски отдавала свою голубую энергию для производства орудий войны. Вода переливалась через гранитные набережные, заливала улицы, клокотала на площадях. Берега канала не могли вместить грандиозную массу воды, отданной водохранилищем. Она потоком устремилась в русло Регнитца и понеслась к Бамбергу.

Самолеты третьей колонны Дорохова, эшелонированные по частям и подразделениям, точно следуя имеющимся у них фотографическим планам военнопromышленных районов Фюрта и Нюрнберга, методически, с поразительной точностью сбрасывали бомбы на предназначенные им объекты. То, что происходило, было так далеко от представления немцев, что они еще долго потом не хотели верить в преднамеренную точность бомбардировки и многое приписывали случайности. Советское нападение не преследовало огульной бомбежки города, его жилых кварталов, исторических памятников, больниц и гостиниц, к чему приучили немцы жителей испанских городов и чего ждали теперь сами. Над притихшим центром Нюрнберга был только слышен могучий шум сотен самолетов, но не упала ни одна бомба. Бомбометание велось с поразительной точностью.

Зажигательные бомбы, сброшенные первыми эшелонами Дорохова, вызвали пожары в военнопromышленных районах. Температура в 3 200 градусов, развиваемая бомбами, была достаточна, чтобы воспламенить самые трудновозгораемые материалы. Языки пламени появлялись мгновенно на месте падения бомб, и самолеты удалялись к северу, чтобы сбросить следующие бомбы на Бамберг. На смену первому эшелону подходили самолеты второго, сбрасывающие фугасные бомбы. Ко времени их падения половина военных заводов была уже объята огнем. Красные столбы пламени с воем устремлялись к небу, вздымая тучи искр и окрашивая черный купол неба багровыми сполохами. О том, чтобы бороться с разбушевавшимся океаном огня, не могло быть и речи. Пламя было всюду. Оно возникало все в новых и новых местах, вырывалось из новых и новых развалин. Стекланные крыши цехов лопались с жалобным звоном. С гулом горного обвала оползали многоэтажные корпуса. Как жалкие детские игрушки, сворачивались в клубки стальные каркасы горящих самолетов. Раскаленные коробки танков делались прозрачными. Их никто не пытался спасти. Пожарные и охрана бросились в подземелья, спасая самих себя.

Еще через несколько минут в нюрнбергских домах полопались все стекла. Волна страшного взрыва докатилась туда за шестьдесят километров. В Бамберге взлетели на воздух заводы взрывчатых веществ. Небо пылало. На десятки километров вокруг поля покрылись хлопьями копоти. Толпы обезумевших охранников стремились в убежища. У входов клокотал водоворот потерявших рассудок людей. Электричества не было. Лифты, набитые визжащими от ужаса охранниками, стояли посреди темных шахт. На глубину тридцати метров нужно было спускаться по железным лестницам. В полутьме, к которой еще не привыкли глаза, люди оступались и падали. Их никто не поддерживал.

Не убежища еще не успели наполниться и наполовину, когда над теряющими рассудок толпами пронесся крик:

- Вода!

Вода появилась на улицах. Сначала ей не придали значения. Но когда уровень ее в течение трех минут повысился до полуметра, когда по главным улицам уже можно было пройти только по пояс в воде, когда вода потоками хлынула в подвалы, когда вслед за стремящимися в подземелья людьми с грохотом ринулись водопады, все поняли:

- Плотина!!!

Можно было сохранить надежду на спасение от огня, - большевики не сбросили ни одной бронебойной бомбы, чтобы разрушить убежища.

Можно было надеяться спастись от ОВ, - большевики не сбросили ни одной химической бомбы.

Но куда было скрыться от воды? Через восемь минут потоки ее поднялись до человеческого роста.

Сидя в рубке флагманского самолета, совершающего третий заход для бомбометания, Косых чувствовал, что задыхается. Воздух вокруг машины был раскален и насыщен густым, тошнотворным запахом гари. Колонны за время бомбардировки уменьшили высоту полета до двух тысяч метров, но летчики снова вытаскивали высотные респираторы, чтобы глотнуть немного кислорода.

Дорохов отдал приказ главному соединению следовать за ним и, еще уменьшая высоту, направился по Регнитцу и затем по каналу Людвига в сторону Лоренценвальда. Машины впервые прошли над центром города. Косых вспомнил картины Венеции. Вместо улиц в серой предрассветной мгле поблескивали потоки быстро текущей воды.

Самолеты шли уже совсем низко. Можно было видеть отдельные кварталы, дома. Косых с удивлением увидел на многих крышах людей. Это не были ищущие спасения от воды. Здесь, в жилых районах, вода заливала только подвалы. Значит, люди взобрались на крыши, чтобы смотреть на них, на самолеты советской эскадры. Они не укрывались в убежища. Они уже поверили в казавшееся им невероятным: большевики не бомбят мирных жителей.

Дорохов, раненный в бою с москитами, еще сам вел соединение над каналом, туда, где

в окрестностях города, разделенные течением канала, расположились по берегам кварталы казарм. По западному берегу до самого Майаха тянулись темные корпуса. Судя по фотоплану, это были казармы южногерманского корпуса - НСКК (НСКК - национал-социалистский автомобильный корпус. Ц прим. автора). На восточном берегу бесконечными рядами тянулись по отлогим холмам Лоренценвальда бараки концентрационных лагерей.

Косых услышал в наушниках предупреждение флагмана:

"Штурманам соблюдать величайшую осторожность. Ни одной случайной бомбы на восточный берег. Начинать бомбардировку казарм".

На поверхности земли не было видно ни одного человека. По краям огромных плацев НСКК неподвижными рядами стояли автомобили, броневики, целые массивы накрытых чехлами мотоциклеток.

Первая очередь бомб покрыла северный ряд казарм. Тучи битого кирпича, щебня и белой известковой пыли поднялись к небу. Из подвалов казарм хлынули потоки штурмовиков.

А на том берегу, у проволочных изгородей, толпились рабочие. Проулки между бараками представляли сплошное месиво из тел, теснившихся к изгородям и воротам. Сто тысяч голов были подняты кверху, жадно ища силуэты советских машин. Многим казалось, что даже в багровом полумраке они видят алые пятиконечники советских звезд. Им хотелось их видеть. Десятки тысяч рук тянули к небу сжатые кулаки пролетарского приветствия. Слезы, откровенные, нескрываемые слезы текли из глаз, остававшихся сухими под дубинками надзирателей, под пытками Гестапо.

Кто-то в передних рядах сделал открытие: в проволочных изгородях нет тока. Толпа напирала, точно хотела прикосновением своего огромного многоликого тела убедиться в этом чуде. В проволочной сетке нет тока! Ряды напирали с радостными криками. Они давили на передних с такой силой, что сетка была мгновенно прорвана. Толпа, как опара, вывалилась за границу лагеря. От каменной будки у ворот застрочил пулемет. Второй. Но тотчас смолкли. Толпа заключенных разнесла ворота и будки охраны. Остатки чернорубашечников были смяты, раздавлены в клочья. Рабочие были свободны.

Вода еще журчала на улицах Нюрнберга, пламя бушевало в кварталах военных заводов, когда подпольные организации Народного фронта взяли на себя руководство восстанием. В бараках лагерей сколачивались отряды восстания. Коммунисты, католики, социал-демократы, члены Народного фронта, все, кому дорога была свобода Германии, превратились в солдат почти двухсоттысячной армии восставших.

Первым оружием этой армии была ненависть. Каждым нервом своим, каждой клеткой мозга ее солдаты ненавидели фашизм. Их не нужно было уговаривать идти в бой. Каждый из них отлично знал: поражение не сулит ничего, кроме морального издевательства, телесных пыток и топора палача.

Недостатка в дисциплинированности не было. Тюремный режим создал железную спайку, священное братство угнетенных и обездоленных. Коммунистические вожак получили отличный боевой материал. Двенадцать тысяч членов коммунистического подполья нюрнбергских заводов-тюрем, воспитанные в боевых традициях партии Эрнста Тельмана, составили стальной костяк рабочих когорт. Раздался уверенный, не скрываемый больше призыв:

- Вооружайтесь!

Руки, привыкшие к труду, обращали в оружие каждый обломок железа, каждый гвоздь, каждый кирпич. Это нужно было для того, чтобы войти в город, с боя взять заготовленные теми же руками запасы винтовок, пулеметов, патронов.

Все это в изобилии имелось на складах заводов, где работали заключенные. Этим арсеналом нужно было овладеть.

Люди были готовы к тому, чтобы голыми руками драться с вооруженной до зубов сворой штурмовиков и охранников, чтобы разоружать отряды полиции, с камнями и молотками выступить против пулеметов и броневиков...

Руководители рабочих формировали отряды. Среди массы заключенных были десятки тысяч старых солдат, были тысячи ветеранов прошлой войны. Они знали, каким концом, стреляют пушки, они не спасовали бы и перед необходимостью управлять броневиками.

Но все это предстояло в будущем. Руководство не могло в течение нескольких часов произвести сложнейшую работу по сортировке людей и организации такой армии. Предстояло также решить трудный вопрос о дальнейшей тактике восстания. Оторванность от мира, от руководства партии вынуждала нюрнбергских вождей восстания немедленно принять самостоятельные решения.

Какова обстановка в Германии? Готов ли германский пролетариат поддержать нюрнбержцев?

Все произошло слишком неожиданно, слишком быстро. Кто мог ждать таких событий в первые часы войны? Вожди восстания не закрывали глаз на то, что замешательство наци не будет слишком долгим; может быть, уже через несколько часов покажутся броневики регулярных войск, направленные для наведения порядка. Времени - считанные часы. Нужно успеть вооружить и организовать целую армию. Вдохнуть в нее веру в победу, желание драться с сильнейшим врагом. Разработать план ближайшей операции. И организовать связь прежде всего с германской компартией, а затем и с внешним миром, особенно с СССР.

К полуразрушенному железному пакгаузу, где заседал штаб восставших, подъехал нарядный лимузин с разбитыми стеклами. Из него вылез изможденный человек с усталым, желтым лицом. Запачканная арестантская роба болталась вокруг его тощего тела, как на проволочном манекене. Пытаясь рассмотреть часового, приезжий приблизил близорукие глаза к самому его лицу.

- Здравствуйте, доктор Винер, - сказал рабочий в такой же робе, стоявший на часах. Это действительно был Винер, профессор Вольфганг Винер, доктор honoris causa (Доктор honoris causa - почетная учена степень Ц прим. автора) десятка университетов Европы и Америки, мировое светило радиотехники.

- Проклятые глаза, - проворчал Винер, - я не вижу, кто передо мной?

- Скоро мы сделаем вам отличные очки, доктор. Революция наверное это сделает.

- Да, говорят, революция позволяет носить очки и евреям... Мне нужен комитет.

Рабочий крикнул, приоткрывая дверь:

- Товарищ Винер!

Винер вошел почти ощупью. Ни к кому не обращаясь, он смущенно пробормотал:

- Мы ее пустили. Мы имеем связь со всей Европой, господа!

Радиостанция Нюрнберга пущена?!

Революционный штаб получил свою радиостанцию!

"Германские рабочие шлют привет братьям СССР и Франции..."

Помехи правительственных станций заглушали радиопередачу революционного Нюрнберга.

03 ч. 19/VIII

Начальник воздушных сил с беспокойством посмотрел на часы. Главком вызывал его к 02 ч. 45м., а ехать пришлось кружным путем. Улица Горького и все прилегающие проезды настолько забиты народом, что невозможно пробраться. Москва не спала. С двадцати двух часов вчерашнего дня непрерывным потоком шел народ через Красную площадь, выражая свой единый порыв и волю к борьбе и победе. Москва текла в каменных берегах улиц могучим потоком миллионов человеческих тел. В миллионах сердец было одно желание, в миллионах умов-одна мысль: драться и победить!

Появились знамена и лозунги. Эти лозунги были не совсем похожи, на те, что привыкла видеть Красная площадь. Их не делали художники, их эскизы не утверждались. В аудиториях университетов, в заводских цехах, в залах клубов расстилали первые попавшиеся полотнища и писали на них большими буквами то, что было в сердцах, что горело в умах.

Писали простые слова о борьбе и победе, о труде и любви. О любви к своей земле, к свободе, к людям, к великой своей родине, к великому и дорогому, с чьим именем на устах хотели биться и побеждать, - к Сталину. Лозунги были о войне, и наряду с ненавистью к фашистам была в них любовь ко всему трудовому человечеству.

Намного раньше, чем появились на стенах Москвы приказы о мобилизации, прежде чем объявило об этом радио, почти сразу после того, как пришла весть о предательском ударе фашистов, военные комиссариаты были осаждены запасными. Они ничего не хотели слышать о днях и часах призыва. Все хотели быть сейчас же немедленно отправлены в части. Их приходилось убеждать, просить, приказывать: всем будет дана эта возможность, но строго в то время, которое указано в воинской книжке. Те, для кого это время еще не наступило, расходились разочарованные и присоединялись к потоку, текущему на Красную площадь.

Начальник ВВС должен был сделать огромный крюк через Замоскворечье, чтобы попасть на улицу Фрунзе. До времени, назначенного маршалом, оставалась одна минута.

Доклад начальника воздушных сил был немногословен. Вкратце он сводился к тому, что советская авиация, оберегая Красную армию от ударов германской авиации, содействовала продвижению Красной армии через границу и ее атакам против пограничных укреплений противника. В районе севернее Ленинграда разыгрался ряд крупных воздушных боев с авиацией противника, безуспешно пытавшегося бомбардировать город Ленина. В тот момент, когда начальник ВВС перешел к докладу о трех глубоких рейдах, порученных авиации главным командованием, в кабинет вошел дежурный штаба и передал шифровку:

"Вторая конная армия командарма первого ранга Голутвенко не смогла выполнить приказ о захвате прорвавшейся к Койдонову и Негорелое 3-й германской моторизованной дивизии. Дивизия оказала жестокое сопротивление, пытаясь пробиться на соединение со своими войсками. Принуждение дивизии к сдаче замедлило бы наступление 2-й конармии. Командарм вынужден был уничтожить почти всю живую силу моторизованной дивизии".

- И хорошо сделал, - сказал маршал. - Передайте Голутвенко, чтобы продолжал как можно энергичней продвигаться к Лиде... - Когда дежурный ушел, маршал широким движением разгладил карту и спросил: - А как дела у Дорохова?

Начальник ВВС подробно доложил о налете на Нюрнберг, Фюрт и Бамберг. Военнопромышленные объекты в основном уничтожены. Энергоцентральный больше не существует, водные резервы спущены в Майн. Канал Майн - Дунай в районе Нюрнберга поврежден настолько, что судоходство на время стало невозможным. Военно-химические предприятия Бамберга и запасы химического сырья можно считать уничтоженными.

- Наши летчики и не подозревают, какую услугу оказывают армии, - сказал маршал. - Правда, услуга эта скажется не сразу, но через несколько месяцев, когда начнут иссякать мобзапасы, немцы поймут, чего стоит такой рейд. Это нужно разъяснить командному и политическому составу ВВС. - Он помолчал. - Нам бы очень нужно было добраться до Рура. Как вы на этот счет?

- Когда это нужно сделать?

- Об этом мы подумаем... - маршал обеспокоенно взглянул на хмурое лицо начальника ВВС. - Как дорого это обошлось Дорохову?

- Потери серьезны.

Командарм протянул полученную от Волкова сводку.

- Да, - сказал маршал, - да... все это наши ребята, дети партии, плоть от плоти рабочего класса. Жалко каждого человека... но война есть война. Мы-то с вами прошли достаточную школу, чтобы понимать, что в белых перчатках войну не сделаешь, а?

Начальник ВВС барабанил пальцами по столу.

Маршал положил руку ему на рукав:

- Я вас понимаю... жалко, как своих детей. Но вот что, на рассвете командарм Михальчук должен будет предупредить удар армейской группы Шверера. Операции Шверера немцы придадут большое значение. Он намерен прорвать нашу укрепленную

линию. Я прошу вас обратить серьезное внимание на поддержку Михальчука... Имейте в виду: если нам удастся смять группу Шверера, это будет иметь большое моральное значение. У него лучшие германские части. Следует прибегнуть к деморализации его тылов. Бросить воздушный десант...

Начальник ВВС пенял, что разговор окончен, и поднялся:

- Все понятно, товарищ маршал... Разрешите идти?

- Вы свободны, до свидания. - Маршал протянул руку, но вспомнил: -Как здоровье Дорохова?

- Ранен вторично.

- Хм... Кто командует эскадрой?

- Бригкомиссар Волков. Маршал улыбнулся:

- Этот справится.

Улыбка появилась наконец и на лице командарма.

- Я думаю, - почти с гордостью сказал он.

- Надо позаботиться о том, чтобы облегчить эскадре возвращение. Бедняги, наверное, измотаны...

Маршал отпустил командарма. Но, когда тот был уже у дверей, вдруг остановил его:

- Как обошлось с населением атакованных городов?

- Все в порядке, товарищ маршал. Бомбометание было исключительно точным. Судя по перехваченным сообщениям противника, гражданское население почти не пострадало.

- Это прекрасно, - с удовлетворением сказал маршал. - Это очень хорошо. Отметьте это обстоятельство в приказе. Призывайте летчиков к сохранению жизни мирных граждан. Это должно стать традицией советской авиации, пусть о ней узнает весь мир. Это еще принесет нам свои плоды.

В это же время в тысяче шестистах километрах от Москвы поникший ют усталости и непосильного груза ответственности генерал Бурхард слушал своего начальника штаба.

Бледный, осунувшийся, с горько опустившимися углами рта, Рорбах говорил сухо: ночь и удачные маневры помогли Дорохову достичь цели. Обеспечение Нюрнберга и Магдебурга оказалось не по силам германской авиации и средствам наземной ПВО. Удалось отразить советский налет только от Дессау -средоточия авиационных заводов Юнкера.

Устало передвинув в угол рта изжеванный окуроч сигары, Бурхард спросил:

- В каком состоянии наши стратосферные дирижабли?

- Воздухоплаватели верны себе, - только пять готовы к работе.

- Этого Эккенера давно нужно было отстранить. Его штучки обойдутс нам дорого. Но нужно использовать хотя бы пять кораблей.

Строго говоря, название "стратосферные", употребленное генералом Бурхардом, было неверно. Воздушные корабли, о которых он говорил, не влялись стратосферными. Достигаемая ими высота была еще областью субстратосферы, Но термин "стратосферный" удержался наравне со столь же мало законным для того времени термином "стратоплан". Однако самый факт появления этих воздушных кораблей заслуживает внимания. О них ничего не писалось. Национал-социалисты держали их в строгой тайне.

С пронырливостью, не раз выручавшей их там, где не хватало широты мысли и опыта, немецкие фашисты в течение нескольких лет собирали за границей материалы по изучению стратосферы. Хорошо налаженная агентура извлекала из сокровеннейших тайников чужих военных министерств подробности, считавшиеся доступными только очень ограниченному кругу специалистов. Все, что было достигнуто американцами в области техники изготовления тончайших газонепроницаемых тканей; рецепты получени ультралегких сплавов высокой крепости; способы дешевого добывани больших масс гелия; английские скафандры; французские герметические кабины и т. д., и т. п., - все это тщательно подбиралось, проверялось и прорабатывалось в германских лабораториях. Большой опыт в деле строительства дирижаблей помог немцам приспособить чужие идеи к своим нуждам. Одобренная воздушным министерством модель высотного дирижабл поступила в серийную

постройку. Первая эскадра управляемых стратосферных аэростатов должна была состоять из десяти кораблей объемом около ста двадцати тысяч кубических метров.

Германское командование возлагало большие надежды на эту стратосферную эскадру. Но первые же полеты его разочаровали. Наспех построенные корабли страдали многими недостатками. Из десяти дирижаблей не больше четырех-пяти бывали одновременно способны к полетам. Остальные постоянно находились в ремонте. Один перед самым началом войны выбыл из строя.

В ответ на предложение Бурхарда использовать дирижабли Рорбах пожал плечами: что они могли сделать при создавшемся положении? Но Рорбаху не хотелось спорить. Привычные схемы рассыпались в прах, а с ними ушла уверенность генштабиста.

Бурхард вспылал:

- Пять кораблей прикуют к пяти пунктам немало истребителей.

- Я в этом не уверен. Они будут сбиты прежде, чем успеют что-нибудь сделать, - вяло проговорил Рорбах. - Чтобы привлечь значительные силы советской обороны, это должны быть пункты прифронтовой полосы, а там нет промышленных центров. Здесь большевикам нечего защищать. с той энергией, какой вы от них ждете.

- Здесь нет фабрик и заводов, но зато есть женщины и дети. Мы воюем, а не заседаем в Лиге наций. Вы прикажете взять на дирижабли "синие" бомбы.

В сотрудничестве с бактериологическими лабораториями германское артиллерийское ведомство выработало специальные снаряды для забрасывания бактерий в неприятельское расположение. Эти бактериологические снаряды, отмеченные яркой синей полосой, и получили название "синих". Но наиболее эффективные из бактерий - быстрые и смертоносные - были недоступны пушкам. Они бы очень скоро оказались занесенными в собственную армию Германии. Единственным надежным средством занесения эпидемий в глубокий тыл противника являлась авиация. Авиационным ведомством было создано несколько образцов бактериологических бомб применительно к различным типам бактерий и случаям их применения. Эти-то бомбы, отмеченные синим кругом, и должны, были взять дирижабли генерала Бурхарда.

НА РАССВЕТЕ 19/VIII

Катерина Ивановна Старун с трудом заставила себя открыть глаза. Оказывается, она так и заснула одетая, в кресле. Со вчерашнего вечера она -старший техник автомобильно-санитарного отряда. Отряд только что сформировался, работы по горло. Катерина Ивановна приехала поздней ночью домой, а потом еще долго сидела в ожидании звонка. Но телефон молчал, -по-видимому, полк мужа еще не вернулся. Странно: все сроки возвращени давно прошли. Тревожно, очень тревожно на душе... Да так и заснула в кресле... А бывало, она еще смеялась иногда над Старуном, когда он невзначай, перед вечерним чаем, засыпал на этом же старом кожаном кресле. Галочка забиралась на пологую спинку и ручонками закрывала. отцу глаза:

- Угадай, кто это?..

Катерина Ивановна наспех привела себя в порядок и одела полусонную Галочку. Меньшой сынишка так и не проснулся. Катерина Ивановна торопилась: в четыре утра к детскому саду за ней подъедет машина. Едва успеют добежать.

Уже с мальчиком на руках потянулась было к телефону. Сняла трубку, то, услышав гудок автомата, поспешно, даже как будто испуганно, бросила ее на место. Узнать о муже? Но разве она единственная, кто со щемящим сердцем ждет возвращения близкого человека? Если все будут звонить...

Решительно хлопнула дверь. Каблуки гулко, как-то особенно настороженно застучали по лестнице. Катерина Ивановна с непривычным раздражением смотрела на спускавшуюся дочь. Девочка не спеша, старательно переступала все одной и той же ножкой со ступеньки на ступеньку.

- На улице было по-осеннему свежо. Рассвет пробивался сквозь тяжелые тучи, обложившие небо. Тучи изодранным ватным одеялом мчались над притихшим городом.

Несколько крупных дождевых капель упали на асфальт пустынной улицы.

Милиционер на перекрестке посмотрел вверх и развернул плащ. На черном просторе проспекта милиционер был непривычно одинок. Изредка проносился автомобиль. Прохожие, почти одни женщины, не задерживаясь, шли по тротуарам. Несмотря на ранний час, они деловито хлопали дверьми. Над подъездами щелкали по ветру белые полотнища. На них непривычные слова: "Лазарет для газотравленных", "Штаб ПВО второго района", "Детсад и ясли для детей женщин-добровольцев".

Широкая стеклянная дверь детского сада открывалась почти непрерывно. Одна за другой выходили женщины, сдавшие детей. Галочка с трудом поспевала за матерью. Она бережно прижимала к себе куклу, подражая в жестах матери, державшей братишку. Кукла сидела на локте прямо, с деревянно вытянутой спиной и растопыренными руками.

Девочка озабоченно осведомилась:

- Мама, а кукол в детсад берут?

Мать не успела ответить. К подъезду подъехал санитарный автомобиль. Женщина-врач сошла с машины. Катерина Ивановна кивнула ей:

- Я задерживаю? Простите. Сейчас сдам свою команду.

- Ничего, ничего, - благодушно сказала женщина-врач и присела перед Галочкой: - А ты тоже дочку принесла?

- Да. А нарочных детей берут или не берут? Старун выпустила ее ручонку и потянулась к двери. Взрыв потряс улицу. Подброшенная воздухом, девочка ударилась в дверь. Она выбила тельцем стекло и упала внутрь дома. Обливаясь кровью, лежала на кафельном полу. Одна ручка была беспомощно вытянута, другой она прижимала к себе куклу. Мать лежала на тротуаре, часто и неловко перебирая руками. Извиваясь всем телом, она пыталась освободить придавленные перевернутой машиной ноги. Расширенные глаза были устремлены на отброшенного на середину улицы мальчика.

Заваливая черный асфальт, сыпались камни, обломки бревен. В воздухе повисло белое облако пыли.

Неподалеку грянул новый взрыв. Капитель дома против яслей поклонилась улице и обрушилась вместе с подкошенной колоннадой...

В дежурке истребительной группы резерва юго-западного фронта заалел сигнал коммутатора, и дробная трель звонка резанула тишину.

- Есть! - коротко бросил в трубку дежурный и рванул рубильник. Одновременно он включил на коммутаторе гнездо командира.

В общежитиях, столовых, в мастерских, в ангарах, на летном поле визгливо стонали сирены.

Командир принимал сообщение штаба:

"Город подвергся воздушной бомбардировке германского дирижабля. Из-за низкой облачности наземные посты нашей ПВО ничего не видят. Фоническое наблюдение тоже ничего не заметило. Из штаба ПВО тыла сообщают, что были сделаны попытки бомбардировать Бердичев, Киев, Гомель и Минск. Там дирижабли вовремя обнаружены. Бесшумно дрейфуя над облаками, они пытались при помощи подвесных люлек вести корректирование огня. Дирижабли уничтожены, прежде чем успели причинить какой-либо вред".

Уже сидя в машине, Гроза принял приказ и сообщение об обстановке. Истребители-перехватчики, вися на винтах, лезли вверх почти вертикально. Навстречу им все обильней лилась вода, капли перешли в струи. Они стегали по колпакам, как стальные бичи.

Оторвавшись от аэродрома, Гроза стал продумывать задание. Если всей эскадрильей заняться поисками затерянной под облаками маленькой наблюдательской люльки, то дирижабль успеет сбросить еще много бомб, прежде чем удастся уничтожить его наблюдателя...

Гроза разделил эскадрилью: два патруля будут искать гондолу наблюдателя под облаками, сам он с третьим патрулем пробьет облака и атакует воздушный корабль.

Через пятьдесят секунд Гроза сошел в густое молоко дождевых облаков, и скоро над его головой засияло густой голубизной осеннее небо. Плыли редкие перышки разорванных циррусов. Клубящееся море дождевых облаков осталось внизу.

Облака были пройдены. Альтиметр показывал две с лишним тысячи, но ни вокруг, ни над головой по-прежнему не было видно никакого дирижабля. Гроза сделал полный круг над городом и, только замыкая его, заметил в луче восходящего солнца едва уловимый блеск чего-то постороннего среди нежных мазков перистых облаков. Пятнышко сверкнуло и тотчас исчезло. Гроза настойчиво, методически, румб за румбом, стал осматривать небо. Наконец он нашел то, что искал, - полоска сверкнула снова. На этот раз он не дал ей исчезнуть и старательно навел оптический прицел. Сквозь линзы он ясно увидел сигару дирижабля.

Гроза на глаз определил его превышение над собой тысячи в две метров. Дирижабль на такой высоте? Гроза готов был бы протереть глаза, если бы они не были закрыты стеклами скафандра.

Высота уже около четырех тысяч, до дирижабля еще две- итого шесть. "Дела всего на две минуты", - подумал Гроза и двинул сектор. Стрелка тахометра дрогнула и пошла вправо. Гроза уверенно лез в высоту.

В наушниках радиотелефона послышался вызов командира одного из оставленных под облаками звеньев:

- Люльку нашел.

Гроза поднял глаза к дирижаблю, чтобы смерить расстояние, и едва не крикнул от изумления: сигара, до которой оставалось уже не больше тысячи метров, быстро пошла вверх.

"Люлька сбита", - пронеслась мысль, и Гроза гневно двинул сектор еще дальше. Мотор взревел, как осатаневший. Стрелки приборов пришли в движение. Увеличивались обороты. Температура масла повышалась. Винт требовал все большего и большего угла.

Стрелка альтиметра перешла уже за шесть тысяч, на которых только что шел дирижабль, а до него теперь было больше, чем прежде. Гроза с трудом держал его в поле зрения. Дирижабль снова превратился в маленькую серебряную черточку на ярко-голубом фоне неба.

Гроза набирал высоту. До дирижабля опять было не больше двух тысяч. Альтиметр подошел к "12". Оставалась одна тысяча до красного деления "13"-потолка истребителя. Гроза мог безошибочно сказать, что дирижабль находится за пределами этой красной черточки.

На высоте двенадцати с половиной тысяч метров один из спутников Грозы донес по радио, что его мотор задыхается.

Стрелка подошла как раз к "13", когда и второй летчик сообщил, что его самолет проваливается.

Что мог сделать командир? Его собственная машина с каждым метром высоты теряла устойчивость. Гроза хорошо знал симптомы потолка.

Гроза сверился с картой: дирижабль летит к границе. Город остался на востоке. Рубеж уже недалеко.

Дело ясно: или Гроза теперь же доберется до дирижабля, или тот успеет уйти к себе. Гроза от души пожалел, что в руках его, не отпиленная ручка ободранного тренировочного самолета. Здесь все на месте. Мало того: тут еще четыре пулемета в крыльях, пушка в развале мотора.

До дирижабля больше тысячи метров. Нужно преодолеть метров двести, чтобы иметь возможность открыть огонь из пушки. Двести метров на такой высоте - не шутка. Нужно значительно облегчить машину. Но за счет чего?

Пришло в голову, что бензин нужен только на дорогу туда, - если удастся добраться до дирижабля, то вниз Гроза спланирует и с сухим баком.

Потянув рычажок опорожнителя бензиновых баков, он настороженно следил за стрелкой бензиномера. Она была уже близка к нулю, когда Гроза отпустил рычажок. Бак был почти пуст... Машина легко преодолела пятьдесят метров. Следующие пятьдесят она взяла через силу. Дальше идти отказалась. При малейшем движении ручки на себя самолет проваливался. Стоило труда удержать его на прежней высоте.

Бензин дал сто метров. Мало. На самолете много лишнего масла, но масляный бак не опоражняется в полете. Гроза огляделся - перед глазами панель радио. До нее легко дотянуться. Ее ничего не стоит сорвать, но самая аппаратура - под сиденьем, ее не вытащишь. Кабина так тесна, что невозможно даже повернуть плечи. Что есть еще лишнего? Пулеметы? Они далеко. Ага! При них есть тысяча бесполезных патронов...

Сквозь гул мотора отчетливо прерывалось дробное та-такание пулеметов. Гроза не снимал пальца со спуска до тех пор, пока счетчик не показал, что у пулеметов не осталось ни одного заряда.

Стрелка альтиметра лениво отмеряла десятиметровые деления. Два деления-двадцать метров... Мало! Мало!

Оставалось одно - снаряды. Их сто. Вес снаряда - семьсот граммов. В сумме - это еще полсотни метров. Если оставить себе десять снарядов, можно подойти на дистанцию прямого выстрела.

Гроза решительно потянул спуск пушки. Четкий белый след каждого третьего снаряда чертил кривую траектории в сторону дирижабля и, не дойдя до него, уходил в пространство (Трассирующие снаряды и пул оставляют за собой яркий след, дающий стрелку возможность проверить наводку Ц примю автора).

Фейнрих, стоявший на рулях в гондоле дирижабля, с усмешкой смотрел на эти красивые белые линии. Он бросил командиру корабля:

- Господин капитан, посмотрите. Этот дурак стреляет в небо.

Капитан, сухой офицер с седыми усиками, хмуро огрызнулся:

- Вы бы думали, прежде чем говорить. Облегчить самолет - значит приблизиться к нам.

Он осторожно постучал толстым пальцем перчатки по покрытому испариной стеклу альтиметра. Не оборачиваясь, Крикнул:

- Механик! Как с балластом?

- Чисто, господин капитан.

Капитан нагнулся к борту. Сквозь заиндевшее стекло гондолы он смотрел на медленно приближающийся истребитель.

- Молодец! - сказал он, ни к кому не обращаясь. - С такими можно делать дело. - Проследил глазами новую кривую траектории трассирующего снаряда: - Если у него есть еще с десятков снарядов, он до нашей шкуры доберется... Прикажете обстрелять его. Если это ему и не повредит, то, может быть, попугает.

Фейнрих поднес к губам микрофон:

- Пулеметный огонь по истребителю противника!

У Грозы не было десяти снарядов. В глазах счетчика ясно чернела цифра "6". Облегчать самолет было больше нечем. Гроза просительно глядел на альтиметр. Стрелка нерешительно вздрагивала около одного и того же деления: 13 200. Самолет не хотел идти ни на один метр выше. Гроза подумал и выпустил еще четыре снаряда. Они прошли под самой гондолой корабля. Осталось два выстрела.

Стрелка бензиномера у самого нуля.

Гроза в последний раз смерил расстояние. Он двинул сектор до конца. Стрелка тахометра прыгнула за красную черточку. Но Гроза уже не смотрел на нее. Его не интересовал больше и альтиметр, стрелка которого медленно двинулась вправо. Не беспокоила даже тревожная вибрация всего самолета. Внимание было сосредоточено на прицеле. Гроза нажал гашетку...

Стрелки трех счетчиков газа перед механиком дирижабля с катастрофической поспешностью побежали влево.

- Господин капитан, утечка газа в трех баллонах! - крикнул механик и стал натягивать на лицо резиновую маску.

Командир скосил глаза на приборы и оттолкнул фейнриха от штурвала:

- Помогите ему там!

Объяснений не требовалось. Фейнрих видел: альтиметр падал. Рули не могли удержать высоту. Дирижабль терял газ...

Гроза видел, как, задирая корму, дирижабль стал терять высоту.

Фейнрих протиснулся в люк и поспешно сорвал маску. Лицо его было растерянно:

- Господин капитан...

Командир не обернулся. Он, как замороженный, смотрел на ускоряющую бег стрелку альтиметра: каждая секунда стоила дирижаблю нескольких десятков метров высоты. К потере подъемной силы прибавлялось динамическое ускорение огромной массы дирижабля.

- Господин капитан, - повторил фейнрих, - третий и четвертый баллоны испорчены снарядами. Они выбыли из строя. Пятый баллон имеет небольшую пробоину. Механик ее чинит.

Командир продолжал смотреть на стрелку. Он крикнул:

- Балласт!..

Офицер машинально бросился было к рычагу, но вспомнил:

- Стравлен весь.

Он подозрительно посмотрел на командира, удивленный его непривычной забывчивостью. Его привел в себя окрик:

- Какого черта вы мною любуетесь? Балласт! Офицер нерешительно взялся за рычаг балластной цистерны.

- Дурак! - хлеснул командир и, бросив штурвал, подскочил к главному люку.

Он стал срывать со стен снаряжение. Рванул столик с картами так, что отлетели петли и вогнулась переборка гондолы. В старике обнаружилась вдруг железная сила. Он хватал все, что попало, и швырял в люк.

Фейнрих едва успевал действовать крышками (Для сохранения в гондоле давления, обеспечивающего дыхание, люки стратосферных кораблей снабжались двойными и тройными крышками, позволяющими сообщаться с внешней атмосферой, не слишком понижая давление, поддерживаемое бутылками со сжатым воздухом. Ц прим автора). Мимо него летела запасная одежда, бутылки с кислородом, грохнул алюминиевый ларец с провиантом.

Пролетая, задел его по голове мягкий большой предмет. Уже захлопыва крышку люка, офицер осознал, что это был парашют.

Следующий парашютный мешок упал на нераскрытую крышку.

- Люк! - крикнул командир, держа над головой третий мешок.

Фейнрих не шевельнулся. С его побелевшего лица на командира глядели расширенные страхом глаза.

- Вы оглохли? - крикнул старик. Губы фейнриха дрогнули; срывающим мальчишеским голосом он выдавил:

- Парашюты по уставу...

- К черту устав! - рявкнул старик, и люк поглотил зеленый мешок парашюта. Последний парашют командир бросил к ногам фейнриха.

- За борт! - лаконически приказал командир и повернулся к штурвалам. Как сомнамбула, фейнрих нагнулся и столкнул мешок...

Гроза смотрел: от дирижабля отделялись один за другим какие-то предметы и летели вниз. Он внимательно следил за тем, как это отзовется на снижающемся движении дирижабля, но оно не только не прекращалось, а, наоборот, ускорялось с каждой секундой. Дирижабль сблизился с планирующим самолетом Грозы и обогнал его в движении к земле. Теперь Гроза смотрел сверху на его широкую серебряную спину. Расстояние до этой спины увеличивалось. Гроза дал ручку от себя. Он не хотел отставать от дирижабля, хотя и должен

был оставаться пассивным свидетелем его падения: ни одного снаряда, ни единой пули...

Командир дирижабля смотрел на альтиметр. По мере выбрасывания вещей стрелка замедляла движение, но оно все же оставалось нисходящим. Нужно было во что бы то ни стало преодолеть инерцию корабля и уравновесить его хотя бы на этой высоте. Иначе он войдет в зону зенитного огня и при своих размерах сделается жертвой первой попавшейся батареи советской ПВО.

В гондолу влез механик. Он едва держался на ногах и, прислонившись к переборке, долго стаскивал маску. Устало обернулся к командиру:

- Пятый баллон починен, господин капитан.

- Третий и четвертый?

- Безднадежны.

- Мне нужна высота.

Механик безнадежно махнул рукой.

- Уравновесьтесь хоть тут.

- Все, что можно было стравить, - за бортом, - вставил фейнрих.

- Нужны еще хотя бы сто кило, - сказал механик.

- У нас нет ни грамма... - начал было опять фейнрих. Но командир сердито перебил его, повернувшись к механику:

- На люк!

- Есть на люк, - машинально ответил тот и двинул рычаг. Крышки опустились.

Держась левой рукой за штурвал, командир повернулся в гондолу:

- Живо! - бросил он фейнриху. Тот непонимающе оглянулся.

- Прыгайте!

Фейнрих в испуге попятился. Кровь отлила у него от лица:

- Господин капитан... Мы же выкинули парашюты...

- Прыгайте!

Фейнрих в ужасе жался к стене гондолы. Как бы защищаясь, он выставил было руку, но вдруг быстро сунул ее в карман комбинезона и выхватил револьвер...

Под пристальным взглядом старческих глаз фейнрих опустил руку. Его взор упал на спину механика, молча склонившегося над люком. Тощая фигура механика выражала беспредельную усталость. Казалось, он даже не замечает происходящего вокруг. Комбинезон оттопыривался горбом над выдающимися худыми лопатками.

Фейнрих нацелился и выстрелил в эту сутулую спину. Механик упал головой в люк. Фейнрих потянул рычаг.

Замедляя нисходящее движение, дирижабль уравнился.

Гроза поглядел вниз. Земля была хорошо видна. Черные массы облаков тяжелыми валами откатывались на юго-восток. Залитый ярким солнцем пейзаж был вырисован в деталях, как хорошая карта. Гроза пригляделся - местность незнакома. Он сравнил ее с картой. Не хотелось верить глазам: выходит, что он миновал над облаками советскую границу. К сожалению, ошибки быть не может: вот этот узелок тонких паутинок на западе не что иное, как Ровно. Гроза прикинул: если начать сейчас пологое планирование, то есть слабая надежда дотянуть до своих. Но еще небольшая потеря высоты, и посадка в расположении противника станет неизбежной.

Гроза повернулся к дирижаблю. Расстояние между самолетом и дирижаблем опять сокращалось. Гроза не мог сохранить его. Для устойчивости самолет требовал большей скорости снижения. Еще десять секунд, и Гроза пройдет мимо уравнившегося дирижабля. Сквозь свист планирования он ясно различил гудение моторов дирижабля.

Еще пять секунд, и дирижабль уйдет от него навсегда. Гроза уже видел, как шевельнулись огромные поверхности его рулей. Описывая плавную кривую, корабль ложился на северо-западный курс.

Гроза дал от себя штурвал. Пение крыльев усилилось, перешло в резкий свист. Гроза шевельнул педали. На большой скорости истребитель обрел привычную управляемость.

Легкое движение рулей, и нос самолета направился прямо. на широкую спину гиганта. Гроза поспешно выпустил колеса шасси и включил контакт.

Прежде чем майор Павел Романович Гроза представил себе, как произойдет то, что он задумал, широкая спина дирижабля превратилась в необозримую серебряную плоскость...

Гроза пришел в себя от свиста и боли в ушах. Он с трудом осознал, что произошло. Вращение падающего тела вызвало непривычное головокружение. Сделав несколько резких движений ногами, Гроза вышел из штопора и потянул кольцо. От рынка раскрывшегося парашюта ляжки сдавили грудь и потянули подмышками.

В стороне и выше себя Гроза увидел пылающий дирижабль. Он парашютировал, оставляя за собой струю густого черного дыма. Больше ничего Грозе не было нужно, он мог теперь спокойно рассматривать простирающуюся под ним местность, приглядывая место для приземления. Хорошо было бы миновать вон ту деревню и сесть на десной полянке, но это, вероятно, не выйдет. Придется сесть на сжатое поле за деревней.

Приземляясь, Гроза попал в борозду и упал. Парашют тащил его по полю. Гроза попытался подняться, но свалился от острой боли в ноге. С трудом освободился от парашютных лямок и скафандра.

От деревни полем бежали двое польских крестьян. Гроза сделал нечеловеческое усилие, чтобы встать. Это ему так и не удалось. Он на четвереньках пополз в сторону леса, но через минуту понял, что не уйти. Крестьяне быстро его нагоняли.

Гроза сел. Преследователи приблизились. Один из них - тощий в изодранной свитке - снял шапку и заговорил на ломаном русском языке.

- Пану летчику не тшеба (не нужно - прим. автора) бояться. Пан с тамтей (той - прим. автора) команды, цо упадла з рана? (с утра - прим. автора)

- Какая команда? - удивленно спросил Гроза. Крестьяне переглянулись.

- Пан червоны (красный - прим. автора)?

Гроза не колеблясь ответил:

- Да.

- И пан не зна червоней команды, цо сядла на парасолях (на зонтиках - прим. автора) в тых мейсцах (местах - прим. автора).?

- Когда?

- На зожи (на заре - прим. автора).

Гроза понял, что речь идет о десанте, но прежде чем он решил, как себя держать, со стороны деревни показался еще один крестьянин. Он на ходу делал знаки и что-то кричал.

Поляки засуетились. Оказалось, к деревне подходит германская часть. Летчика нужно сейчас же унести в ближний лес. Там его спрячут, чтобы при первой возможности перебросить к Березно, куда села на "парасолях" советская команда...

Над деревней сверкнули клубки шрапнели. Громыкнули разрывы. В ответ застрекотал пулемет, другой, третий. Граната взметнула черный столб среди поля.

- Тикаем, бо то ваши бьют по герману, - крикнул крестьянин и подхватил Грозу под руки.

Крестьяне, пригибаясь, потащили его к лесу. От боли Гроза потерял сознание...

02 ч. - 05 ч. 19/VIII

I

С того момента как вторично раненный Дорохов передал командование Волкову, его собственная машина пошла за машиной нового флагмана.

Командир эскадры лежал в рубке, лишенный сил, впадая время от времени в забытие. Он заставил надеть себе на голову, поверх белой чалмы бинтов, наушники радио. Не вмешиваясь в распоряжения Волкова, он старался не пропустить в них ни слова.

Закончив составление сводки, капитан Косых мог снова следить за переключкой флагманского самолета с колоннами и с землей.

Разведывательный отдел штаба фронта сообщил, что им уловлена зашифрованная передача немцев: по-видимому, противник знает о намеченном маршруте обратного движения эскадры. Он готовится отрезать ей путь.

Приняв под свою команду всю эскадру, Волков сделался еще осторожней. Он знал, что люди находятся на пределе утомления. Почти восьмичасовой полет с рядом напряженных боев не дался даром. Потери в людях и материальной части ослабили состав эскадры. Повреждения многих машин, большой расход огнеприпасов - все это понижало боеспособность.

Взвесив все обстоятельства, Волков решил совершить обходное движение. Взяв к югу, он рассчитывал пройти под хвостом у брошенных ему наперерез сил противника. Но проверка содержимого баков СБД показала, что тогда не хватит горючего, чтобы дотянуть до собственной границы. Запасы топлива оставляли возможность возвращения домой лишь по кратчайшей линии - прямой.

Естественной была в таких условиях попытка обойти заслон сверху. Ведя облегченные от бомб, огнеприпасов и топлива машины, Волков вполне мог рассчитывать на некоторое превышение над массой самолетов противника. Если отдельные типы истребителей и достанут его, то справиться с ними будет не трудно. Но флаг-инженер доложил, что и этот путь закрыт: расход горючего на набор нужной высоты превысит возможности эскадры.

Волков передумал рад комбинаций, - все они упирались в одно и то же: топливо, топливо, топливо. Бригкомиссар продолжал упрямо изыскивать способ, который позволил бы достичь своего расположения с минимальными возможностями встретить врага. Сохранить жизнь вверенных ему людей, сохранить каждый лишний СБД для будущей работы - вот задача Волкова. Теперь, когда они не несут бомб и единственной их задачей является достижение своих аэродромов, было бы преступно не уклониться от столкновения в воздухе.

Но, по-видимому, средств к тому, чтобы избежать встречи, все же не было, если не считать плана, противоречащего всем установившимся представлениям о нормах воздушной войны и вождения больших авиасоединений.

Обдумывая этот последний план, Волков предвидел, что командиры отнесутся к нему отрицательно. Трудность его выполнения усугублялась незнакомством с лежащей внизу территорией. Штурманы были бы поставлены в совершенно необычные условия работы.

И все же он решился - флагманская рация передала по колоннам приказ: всем машинам перейти на снижающийся полет.

Плавно теряя высоту, при крейсерских оборотах турбин, СБД приобретут скорость порядка 580-600 километров. При снижении, примерно, в 1/50 нынешняя семитысячная высота позволит с указанной скоростью пройти около 350 километров. Это будет как раз та полоса, где противник намерен встретить эскадру. Но так как противник рассчитывает на скорость СБД максимум 510-520 километров в час, то Волков пройдет зону намеченной встречи раньше, чем ожидают немцы. Если же этот расчет не оправдается и немцы будут уже на месте, остается еще шанс не быть замеченным патрулирующими на большой высоте истребителями. И, наконец, если, несмотря на благоприятные условия, немцы его все-таки заметят, - им придется вступить в бой с СБД, идущими на высоте не более двухсот метров. Иными словами, истребительные силы немцев будут лишены всякой возможности маневрировать по вертикали. Волкову останется защищать только верхнюю полусферу. Прифронтную полосу зенитной артиллерии он пройдет без малого на бреющем полете. В-первых, это даст ему шанс неожиданности, во-вторых, зенитные пушки будут почти бессильны ему повредить.

Оставалось преодолеть одно большое препятствие - суметь провести эскадру "впритирку" к поверхности незнакомой гористой территории.

В первой части расчеты Волкова не оправдались. Появиться в намеченной зоне раньше

противника ему не удалось. Германские авиачасти были уже стянуты к району столкновения. Но, предполагая встретить СБД на обычной для них высоте - семь тысяч, немцы старались держаться как можно выше и прозевали передовые части Волкова. Только сигналы наземного наблюдения обратили наконец внимание истребителей на идущие внизу СБД.

Германские летчики бросились на обнаруженного врага.

Они должны были во что бы то ни стало навязать большевикам бой, прежде чем те уйдут в свое расположение или под прикрытие высланных им навстречу истребителей. У немцев уже не было времени для выхода в бой на параллельных курсах. Нужно было использовать самую невыгодную атаку - из пике. Наблюдая сверху, да еще при боковом утреннем солнце, очень трудно было определить высоту полета СБД. Немцы стремительно пикировали на много численные отряды бомбардировщиков. Скорость их снижения доходила до 800 километров в час. Инерция, приобретенная аппаратами, была огромна. Слишком поздно офицеры увидели свою ошибку: большевики неслись впритирку к земле. Атакуя с огромными скоростями, немцы не имели возможности пройти мимо большевиков, - они неизбежно врезались бы в землю. Нужно было выйти из пике, не доходя до противника. Такой маневр делал невозможным сколько-нибудь действительный огонь. Между тем СБД имели возможность с наибольшими удобствами пользоваться своим вооружением.

Германские командиры поняли это, но было уже поздно. Остановить низвергающиеся истребители не было возможности. Командиры отдельных отрядов попытались вовремя вывести свои части из безрассудной атаки. Резким маневром они вырывали машины в горку. Положение не оставляло места для элементарной осторожности. Следуя за командирами, летчики также резко выходили из пике. У некоторых машин от такой перегрузки, превысившей все разумные запасы прочности, разрушались крылья. При мгновенном переходе от скорости снижения в 800 километров к стремительному подъему тела людей оказывались прижатыми машинам с такой силой, что выдавливался металл сидений. У летчиков ломались позвоночные столбы. Покровы тела лопались от чрезмерного давления крови. Кровь хлестала из ушей. Внутренние органы в силу инерции смещались вниз с такой силой, что у многих легкие были смяты. Люди теряли сознание.

Бешеный огонь ошестившихся в верхнюю полусферу СБД завершал то, что начал неудачный маневр противника. Но немцы вовсе не считали, что первая неудачная атака решает дело и советскую эскадру можно оставить в покое. На их стороне было то преимущество, что летчики Волкова не могли переходить в преследование и вообще заниматься широким маневрированием. Они вынуждены были держаться принятого курса. Поэтому у немцев была возможность перестроиться и повести бой на параллельных курсах. При ограниченности остатков боеприпасов у Волкова это ставило советских летчиков в очень трудное положение; они должны были экономить заряды. Подчас немцам удавалось из-за этой экономии подходить на дистанции, которые прежде были бы для них безусловно смертельными. Но и это не давало им надежды одержать верх на СБД. Немцы скоро убедились в том, что им не удастся осуществить свой план уничтожения советской эскадры. К тому же истребители были крайне нужны германскому командованию на другом участке. К району расположения штаба и резервов южной ударной группы генерала Шверера приближались соединения советских десантных самолетов. Точная цель полета ТД (Обозначение самолета - тяжелый, десантный. Ц прим. автора) не была еще ясна немцам, но они стремились прервать их движение. Можно было предполагать серьезные задачи, возложенные на ТД: фронтовые силы красных ВВС приложили большие усилия для проведения ТД сквозь зоны местного воздушного сопротивления немцев. Все это заставило германское командование оторвать истребители от преследования Волкова.

К этому времени обстановка на земле складывалась следующим образом: группа прорыва командарма второго ранга Михальчука, о которой ночью говорил Главком, атаковала фронт Шверера, в свою очередь готовившегося к прорыву. Шверер не успел осуществить свой план из-за того, что его танковый корпус и мотоциклетные пулеметчики были заперты красной авиацией в дефиле, служившем им накануне укрытием. Они не могли

вырваться в поле и развернуться для боя. Шверер остался с одной моторизованной пехотой и с легкой "артиллерией прорыва". Теперь, когда Михальчук бросился на группу Шверера, сминая ее своими бронетанковыми фалангами, генералу оказалось нечем защищаться. Красная авиация продолжала держать его мехчасти взаперти.

В штаб Шверера пришли тревожные вести. Передовые части группы смяты ударом Михальчука. Лишенная помощи бронесил, пехота начала отход. Пока еще он носит спокойный, планомерный характер, но если пехоте не будет немедленно оказана решительная поддержка...

Шверер сжимал радиотелефонную трубку так, что склеротические вены на его руке набухли. Он доказывал, требовал, просил. У командования не было средств дать генералу резервы в срок, который он считал решающим для всей своей операции, - два-три часа.

Шверер прервал разговор на полуслове и, не глядя, швырнул трубку. Осколки эбонита разлетелись по столу.

Это было выходом для старческого раздражения, но не для его ударной группы. Судьба ста двадцати тысяч отступающих солдат требовала немедленных решений, и Шверер решил: мехчасти должны быть освобождены любой ценой и брошены в бой. Шверер приказал во что бы то ни стало отогнать советскую авиацию, держащую взаперти германские бронечасты, и не давать ей возможности в дальнейшем приблизиться к злополучному дефиле, пока из него не выберутся танки.

Генералу доложили, что к аэродромам 173 и 174 приблизились десантные самолеты большевиков. Шверер распорядился перенести штаб в фольварк к востоку от Березно.

С крыльца штаба он смотрел, как от самолетов отделяются черные точки парашютистов. Во мгле утра, видны были сотни точек. Они стремительно падали. Ни одного раскрытого парашюта. Точно люди решили разбиться о поверхность земли. Но вот над точками раскрылись парашюты. Стремительное падение перешло в плавный полет. Противник спускался уверенно, выбирая направление.

Шверер приказал бросить к местам приземления парашютистов кавполк собственной охраны и эскадрон связи, - все, что было под рукой.

За спиной генерала началась суета. Никто не мог определить расстояние до места высадки. Указывались самые различные рубежи. Дистанции колебались между километром и пятью.

Шверер пренебрежительно пожал плечами: офицер без глазомера - не офицер.

Он взял карту из рук адъютанта. Выпуклый старческий ноготь выдавил на ней три четких креста-места предполагаемой им высадки трех головных десантных отрядов Богульного.

Подали броневик, и Шверер уехал в сопровождении адъютанта.

Шоссе сменилось проселком. Кончился проселок, перешли на луга. Потом пошла пахота. Лавируя между деревьями, броневик шел лесными прогалинами. Генерал приказал ехать к новому расположению своего штаба кратчайшим путем.

- Мы рискуем попасть в руки десанта, - сказал адъютант нерешительно.

Шверер упрямо приказал ехать. Броневик продирался сквозь кусты, переезжал ручьи. Вдруг вся машина загудела от неожиданного грохота. Водитель поспешно опустил заслонку перед глазами. Стрелок захлопнул верхний люк. По броне резанула вторая пулеметная очередь.

Броневик остановился. Командир машины, безусый офицер, внимательно присмотрелся и показал генералу на опушку леса: кустарник шевелился. Кусты двигались навстречу броневика. По броне снова стучали пули. Машина задрожала от выстрелов своих пулеметов. Оглушенный Шверер схватился за голову: грохот был нестерпим.

Стараясь перекричать шум, Шверер приказал двигаться вдоль стреляющей цепи десанта.

- Если у них есть бронепробивные пули, вы рискуете, ваше превосходительство! - крикнул командир.

Шверер настойчиво показал водителю: вдоль цепи.

Броневи́к двинулся. Командир коснулся плеча генерала и придвинул перископ к его глазам: перископ медленно повернулся. Спереди и сзади броневика ползущие кусты поворачивали. Еще через секунду кусты поднялись. Бойцы обегали машину. Командир, не справляясь больше с желаниями генерала, направил броневик в еще не сомкнувшийся интервал окружения. Наперерез бежал человек в синем комбинезоне. Броневи́к шел прямо на него. Человек не останавливался. Командир броневика на ходу дал по нему очередь. Человек упал на колени. Он поднял над головою руку и швырнул навстречу машине связку гранат. Водитель панически завертел баранку руля. Пламя разрыва метнулось сбоку. Осколки загремели по броне. Генерал невольно втянул голову в плечи. Командир в башне продолжал стрелять из пулемета.

Броневи́к мчался перелеском. Он выскочил в интервал охвата и полетел полем. Путь был как будто чист. Водитель прибавил газа, намереваясь выехать на идущий вблизи тракт, когда командир пронзительно крикнул:

- Стоп!

От резкого торможения Шверер ударился лицом о переднюю стенку.

Из придорожной канавы торчали шлемы. Когда броневик остановился, люди из канавы выскочили, - на них были синие комбинезоны. Мелькнули гранаты. Около самого броневика грянули разрывы. Острый запах толуоловых газов ворвался в смотровую щель. Стрелок закрыл лицо руками и молча осел.

Броневи́к задним ходом отходил к лужайке. Там он развернулся и помчался в промежуток между прежней цепью парашютистов и этим новым отрядом. Но ему удалось проехать не больше километра, - путь преградили пулеметы. Пули стучали по броне, как пневматические молотки. Командир больше не хотел встречаться с гранатами. Он сразу повернул и поехал в новом направлении. Из-за куста вслед машине метнулась граната, за нею вторая. Машина накренилась, и Шверер почувствовал, как усилилась тряска. Он вопросительно, посмотрел на командира; Тот крикнул:

- Вероятно, сорвало гусматик (Автомобильные баллоны, не боящиеся проколов и пулевых пробоин. Ц прим. автора). Едем на обочине.

- Держите к аэродрому - крикнул Шверер, - это ближе всего!

Машина вышла в поле. Вдали показался столб с "мухоловкой": аэродром у точки 172.

Машину трясло и бросало так, что генерал несколько раз больно ударился головой. Он даже обрадовался, когда Командир снова закричал:

- Стоп!

По краю аэродрома цепочкой бежали люди в синих комбинезонах. Вокруг них земля вскидывалась пылью винтовочных и пулеметных попаданий. Они все еще бежали, когда над одним из полевых ангаров взметнулся столб пламени и повалил густой черный дым.

Командир броневика приоткрыл смотровую щель.

- По-видимому, и там противник.

- По-видимому, - невозмутимо ответил Шверер.

- Куда прикажете ехать?

Шверер молчал. Он вынул сигару. Она была сломана. Он пошарил по карманам, другой не оказалось. Он отбросил сломанный конец и полез за спичками...

- Попрошу не курить, - нервно огрызнулся лейтенант и жестом показал водителю направление. Накренившись, броневик побежал просекой.

II

Олеся возилась с устройством своего маленького врачебного хозяйства в бывшем околотке штаба Шверера, когда ее спешно вызвали на аэродром к отцу.

Перед Богульным стоял польский крестьянин между двум красноармейцами.

- Этот малый, - сказал Богульный Олеся, - несет какую-то ересь, очень похожую на

правду. Будто бы около их деревни сел наш парашютист и сломал ногу.

Олеся подозрительно посмотрела на крестьянина.

- Этого не может быть. У нас не было переломов.

- Но пострадавший совершенно точно сказал ему, что если в составе нашего десанта есть врач Богульная, то про него нужно сказать именно ей.

- Странно... кто бы это мог быть?

- Кто бы ни был, - нужно его взять. Прокатись-ка на трофейной генеральской машине.

Бери двух бойцов и айда.

- Зачем мне бойцы?

- Мало ли что тут может быть... Олеся махнула рукой:

- Мне нужна скорей медсестра, а не бойцы.

- Ладно, на худой конец - с тобой шофер с помощником.

Олеся повернулась к крестьянину:

- У парашютиста перелом ноги?

- Еще тваж трошке (лицо немного Ц прим. автора) погорела. Олес переглянулась с отцом.

- Погорела?

- Так, так, погорела. Як он падал с горящего аэроплана. Богульный рассердился:

- Эх ты... голова! Чего же ты раньше не говорил, что у него сгорел самолет?

- Тату! - испуганно вскрикнула Олеся. - Тогда это может быть только Сафар...

- Ну-ну... Кто бы ни был-доставишь его сюда. На ходу отдава распоряжения, Олеся бежала к машине.

Мысли вихрем неслись в голове: упал с горящего самолета и назвал ее?! Она боялась гадать.

Крестьянина посадили к шоферу, чтобы показывал дорогу. Машина помчалась. По словам поляка, упавший летчик спрятан в лесу, близ опушки, до него не больше пяти километров.

Нарядный генеральский Мерседес въехал в лесок и стал пробираться между редкими деревьями. Крестьянин уверенно показывал направление.

Олеся не замечала пути. Она путалась в догадках. "Кто? кто же наконец?.. "

Вдруг шофер резко затормозил и повернул в кусты. Ветки захлестали по лицам сидящих: впереди узкой просекой навстречу Мерседесу медленно шел броневик. Он часто останавливался, точно прислушиваясь.

Прежде чем кто-нибудь мог ему помешать, крестьянин мешком вывалился из машины и нырнул в кусты.

"Ловушка", - мелькнула мысль у Олеси.

Шофер искал глазами местечко, где можно было бы развернуть машину. Олеся вцепилась ему в плечо.

- А раненый?..

Она выскочила из машины. Тогда шофер коротко бросил помощнику:

- Пулемет.

Помощник вытащил ручной пулемет и поставил на сошку. Лежа в кустах, шофер перекинул со спины гранатную сумку. Олеся потянула руку:

- Дай.

Тот укоризненно покачал головой:

- Не дам. Вы медработник. - Повернулся к помощнику: - Приготовь связку в три гранаты. Мечешь после меня.

Броневик снова пошел. Он двигался, припав на одно колесо. Приблизившись к концу просеки, точно обрадовался и прибавил газу. Когда он поворачивался уже к опушке, шофер взмахнул гранатами. Олеся, открыв рот, прижалась к земле...

Из-под передка броневика метнулось пламя, воздух рвануло взрывом. Через долю секунды разорвались гранаты помощника. Их взрыв подкинул передок искалеченного

броневика. Передние колеса разъехали в стороны, как ноги раненого зверя. Концы перебитой оси уперлись в землю. Башн броневика грохотала. Видно было, как от стрельбы пулеметов дрожат разошедшиеся листы брони.

Броневи́к вел огонь наугад. Видимо, стрелки его не предполагали, что противник лежит под самым их носом. За спинами бойцов с деревьев клочьями летела кора. Высокая сосна качнулась и упала, срезанная пулями.

- Ничего, ничего, пусть отнервничают, - успокаивающе сказала Олеся, - не открывайте себя.

Броневи́к выжидательно умолк. Затем, шаря по лесу, дал несколько коротких очередей. Снова умолк. Олеся смотрела на ручные часы: стрелка двигалась издевательски медленно. А мысли мчались: там в лесу лежит человек со сломанной ногой.

Среди лесной тишины ясно прозвучал выстрел внутри броневика.

Тотчас второй.

Шофер сделал движение встать.

- Лежать! - громким топотом приказала Олеся.

- Они стреляются. Надо их взять, товарищ.

- А если берут на пушку?

- Может статься, и на пушку... - неохотно согласился шофер.

- Подождем.

Стрелка на браслете подвинулась на несколько минут. Тишину леса снова разорвал пулемет. Броневи́к открыл огонь.

- Ах, гады! - проворчал шофер. Он приготовил гранату и метнул ее, целясь в башню.

Пулемет на миг умолк. Потом переменял прицел и, нащупывая залегших в кустах бойцов, стал давать короткие очереди. Пули ложились ближе.

Шофер снова приготовил гранату и, тщательно прицелившись, метнул. Взрыв получился какой-то особенно звонкий. Точно ударили по пустому цинковому корыту.

Когда прошел звон в ушах, Олеся заметила, что строчит только один пулемет - здесь, над ухом. За желтым облачком гранатного разрыва она увидела свороченный на сторону ствол пулемета на броневике.

И снова в тишине умолкнувшего леса ясно прозвучал выстрел внутри броневика.

- Старо! - усмехнулся шофер. - Два раза на одну приманку не берут.

Но следом за выстрелом броневая дверь машины приоткрылась, и высунувшаяся рука взмахнула белым платком.

- Срезать? - спросил шофер.

- Что вы, товарищ?! - Олеся вытащила платок и подняла над головой.

Из броневика неловко вышел немец. Он сам поднял руки и отошел в сторону. Он был стар.

Седые усы сердито щетинились над презрительно сжатыми, тонкими губами.

Олеся послала шофера осмотреть броневик.

Адъютант был убит осколком гранаты. В башне застрял застрелившийся лейтенант. У водителя револьверным выстрелом в упор был раздроблен затылок.

Когда Олеся спросила немца об имени, он сделал вид, что не понимает.

Олеся переспросила по-немецки. Подумав, он ответил:

- Унтер-офицер Франц Лемке.

Никаких документов при нем не оказалось. Погоны с мундира были сорваны.

Немец попросил курить. Папирос ни у кого не было.

Из кустов выбежал запыхавшийся крестьянин. Радостно улыбаясь, он сказал, что до раненого летчика осталось не больше двух километров. Он только что был там...

Олеся заторопилась. Мерседес тронулся. Пленный старик привычным жестом открыл карман на задней дверце и достал большой кожаный портсигар,

"В чем-то мы просчитались, здорово просчитались..." - пробормотал он про себя и, не замечая удивленного взгляда Олеси, откусил кончик сигары.

III

Крестьяне ушли.

Гроза лежал неподвижно. Боль утихла, хотя нога сильно распухла.

Лежать было удобно. Крестьяне сунули Грозе под голову мягкий, упругий мох. Пахло сыростью и грибом. Около лица колыхалась желтеющая трава. Время от времени по вершинам деревьев пробегал ветер. Они шумели ласково, не заглушая хлопотливых птичьих голосов. Лес жил неспеша, как живет он уже сотни и тысячи лет. Жизнь эта была спокойной и уютной, с грибами, орехами, черникой...

Сквозь шумы леса донеслись звуки отдаленного боя. Застрочил пулемет. Сухо, отрывисто рвались гранаты. Вскоре присоединились разрывы артиллерийских снарядов. Сначала это было высокое бархатистое пение шрапнели. Его сменил пронзительный визг бризантных гранат. И вдруг все стихло. Сквозь настороженную тишину Гроза услышал гудение самолетов. Их не было видно, но прошли они совсем близко. И тотчас где-то близко заухало, зазвенело. Это было знакомо. Авиационные бомбы. Недалеко. Совсем недалеко! Прислушался. Между бомбами трепетали размеренные, степенные голоса крупнокалиберных зенитных пулеметов. И тоже совсем близко.

Усталость и нервная реакция брали свое. Под пение птиц, перемежающееся с тархтением пулемета, он задремал. Но снова рванули воздух бомбы. Гроза стряхнул дрему и приподнялся на локтях. За опушкой дрались. Здесь ему ничто не грозило, он лежал, как в блиндаже. Именно от этого вдруг стало тошно. Хочется туда, где строчит пулемет. К своим. Лечь на живот, взяться за рукоять пулемета. Там не будет мягкого поко мшистой постели, там бой. Но бой бок о бок со своими.

Не слушаясь боли, которая цепко тянула за ногу, Гроза пополз между деревьями в сторону, противоположную той, с которой его принесли крестьяне. Опушка была недалеко. Гроза видел сквозь редкие деревья небо и клубы черного дыма. Но приблизиться к последним стволам было не легко. Каждое движение заставляло скрипеть зубами.

Прислонившись к пеньку, Гроза смотрел в поле. По краю, укрытые леском, стояли легкие полевые ангары. Большинство их горело. Несколько самолетов в самых необычайных положениях лежало на аэродроме: на крыле, вверх колесами, на-попа. Кое-где высились груды скрюченного металла. Они еще дымились. Из двух уцелевших ангаров механики выводили машины. Это были небольшие самолеты связи.

Внезапно черное облако земли и дыма мощным фонтаном взметнулось посреди поля и закрыло от Грозы аэродром. Гроза понял, что разорвалась бомба замедленного действия, брошенная пролетевшими советскими самолетами.

Когда дым рассеялся, Гроза увидел, что еще несколько самолетов лежат в беспорядке на аэродроме. Два или три ярко пылают. Растерянно мечут санитары.

Совсем недалеко от Грозы два механика торопливо тащили самолет. К нему, застегиваясь на ходу, бежал офицер. Гроза ясно услышал слова приказаний. Говорили по-немецки. Офицер влез в машину, поднял руку. Механики отбежали. Винт, подчиняясь самоспуску, успел сделать судорожное движение, когда новый мощный разрыв потряс воздух. Над головой взвизгнули осколки. Гроза испуганно пригнулся.

Когда он поднялся, в ушах стоял туманный гул. Один механик лежал ничком у самолета. Другой, с трудом поднявшись, придерживал правой рукой окровавленную левую. Он, спотыкаясь, побежал к ангарам. Летчика не было видно. Самолет казался неповрежденным. Гроза смотрел на него, как замороженный.

Гроза, извиваясь, полз на животе. Он старался влипнуть в землю, чтобы остаться незамеченным на открытом поле.

Исправный самолет - полет к своим, к себе, к родной земле! Полет на Родину!

Гроза подполз из-под крыла и, ухватившись за скобы, подтянулся. Делая усилие, невольно оперся на обе ноги. Все пошло кругом, он разжал руки и упал. Боль от падения

была нестерпимой. Стоило большого труда заставить себя начать все сызнова. На этот раз удалось подтянуться настолько, что можно было достать вырез ступеньки в фюзеляже. Но как назло он пришелся, против больной ноги. Ухнув сквозь зубы, Гроза оттолкнул мешающую ногу здоровой и ступил в вырез.

Из пилотской кабины на него уставились расширенные от боли и удивления глаза. Офицер вытянул руку с револьвером навстречу Грозе. Произошла короткая борьба. Гроза потерял сознание. Когда он очнулся, то почувствовал, что глаза слиплись от крови. С усилием разодрал веки и увидел, что лежит внутри самолета рядом с мертвым офицером.

Грозе казалось, что он усаживается целую вечность. Вывихнутую ногу он взял руками ниже колена и сунул в педаль.

Пошевелил штурвал: элероны в порядке. Чтобы посмотреть на рули, нужно было бы высунуться. Пришлось взять на веру. Сквозь всю усталость почувствовал, как бьется сердце, когда нажал самоспуск...

Через диск завертевшегося пропеллера увидел на опушке, откуда он только что выполз, людей. Размахивая руками, они бежали к самолету.

Слезы забивали незащищенные очками глаза Грозы. Он двинул сектор и оторвал хвост. Самолет бежал.

Внезапно впереди, там, куда бежала машина, поднялась черная стена земли и, расходясь кудрявыми краями взрыва, закрыла все поле, ангары, небо. Очередная бомба с замедлением. Дав сектор до отказа, Гроза взял на себя штурвал. Почувствовал, как подкинуло взрывом под правое крыло, но земля, ангары, самые клубы дыма, - все было уже внизу. Машина послушно лезла крутою горкою. Уверенно гудел мотор. Гроза огляделся. Он вывел машину прямо на солнце, лениво поднимающееся над розовым горизонтом. Восток. Родина.

Проводив глазами машину, Олеся спросила крестьянина:

- Вы уверены, что это он?

- А то як же ж? Вот и капелюш их у дерева. Она взглянула на протянутый рваный комок кожи - да, это были остатки полетного шлема советского образца. Снова повернулась туда, где скрылся самолет. А в лесу, на прогалинке, в большом генеральском Мерседесе сидел высокий старик, в мундире с оторванными погонами. Он нервно ловил нижней губой прокуренную седую щетину усов и сосал ее. Руки старика были скручены за спиной.

IV

К 4 часам 19 августа судьба пограничного боя на северном участке юго-западного фронта, где немцами было намечено произвести вторжение на советскую территорию силами армейской группы генерала Шверера, была решена.

Лишенные оперативного руководства и поддержки бронесил, части ударной группы Шверера отходили. У них на хребте, не давая времени опомниться, двигались танки Михальчука. Скоро отступление немцев на этом участке превратилось в бегство. В прорыв устремились красная конница и моторизованная пехота. Сам Михальчук, на самолете, направился в Березно.

Занявший Березно Богульный получил по радио запрос Волкова: нельзя ли его частям совершить посадку на аэродромах Березно, Тынно и Погорелово, чтобы пополнить запас горючего? Без этого затруднено возвращение эскадры в свое расположение.

Бoguльный немедленно радировал согласие и распределил время посадки эскадры так, чтобы она не мешала развитию операции десантного соединения.

Вскоре на штабной аэродром сели два первых СБД. Они имели очень непрезентабельный вид. Обшивка во многих местах была задрана осколками снарядов. Острые края пробоев торчали, как клочья прорванной бумаги. На одно СБД носовая пушка, лишенная экрана, печально склонилась из башни, готовая вот-вот оторваться.

По стремянкам из самолетов сошли два командира в изорванных и закопченных

кожаных комбинезонах. Это были бригадир Волков и капитан Косых. Они вошли в кабинет генерала Шверера, где сидел теперь командарм второго ранга Михальчук. После официального доклада посыпались вопросы с обеих сторон. Михальчук интересовался подробностями полета.

Узнав о наличии раненых, Михальчук повернулся к Богульному:

- Товарищ комдив, у вас тут есть врачи. Прикажите сделать все возможное, чтобы раненые люди эскадры были немедленно эвакуированы в наше расположение на возвращающихся десантных машинах. Дорохова скорее сюда. Может быть, нужна операция...

Выходя, Богульный столкнулся с Косых.

- Олеся здесь? - спросил капитан.

- Скоро вернется. Поехала за одним раненым. Ох и дивчина. Прямо на плечах немцев влезла в околоток их штаба. Теперь у нее там целое хозяйство.

Косых перебил:

- Тарас... Сафар погиб.

Косых видел, как изменился в лице Богульный.

- Сафар? Эх, дивчина моя...

Он махнул рукой и вышел исполнять приказание Михальчука.

Косых примостился в одной из комнат штаба, чтобы просмотреть сводки о действиях Красной армии за вчерашний день и истекшую ночь. Он видел, что результаты их собственного рейда уже отмечены сводкой. Тут же он с волнением прочел лаконичное, но четкое описание другого рейда, совершенного одним из бомбардировочных соединений советской авиации. Это был налет на окрестности Магдебурга, где немцы сосредоточили грандиозные запасы горючего, накопленные в течение нескольких лет подготовки к войне. Бронированные подземные хранилища не спасли драгоценные запасы. Пожар, охвативший эту топливную базу германской армии, был так велик, что жители поспешно покидали местность только потому, что не было возможности дышать от гнетущего жара.

Из сообщений о действиях наземных частей Красной армии Косых узнал, что почти по всему фронту они отбросили первый натиск германских частей и форсируют линию укреплений уже на территории противника. Оставаясь верным своей тактике нарушения нейтралитета третьих стран, противник пытался выйти во фланги Красной армии. На юге бронечасты и конница немцев неожиданно появились со стороны румынского города Хотина. Они были отброшены. Аналогичный случай произошел и в северном углу, где немцы подошли к советской границе со стороны латвийской станции Индра...

Чтение, увлекшее Косых, прервал прибежавший порученец:

- Товарищ капитан, к бригадиру Волкову.

- Иду, - проговорил Косых, хватая сумку с картами. - А что случилось?

- В тылу противника большое восстание.

- Где?

- В районе Нюрнберга.

- Знакомые места.

- Восстали рабочие военных заводов.

- Вот молодцы! - вырвалось у Косых.

- По сообщению Нюрнбергской радиостанции, находящейся в руках восставших, они располагают большими запасами оружия, но германские власти уже двинули войска для подавления восстания.

- Так надо же его поддержать!..

- Кажется, об этом и речь, - удовлетворенно сказал порученец. - Задача возлагается на вашу эскадру. Косых в сомнении покачал головой:

- Мы очень растрепаны. Порученец пожал плечами.

- Волков берется.

Входя в штаб, Косых увидел Волкова, сидевшего перед командармом, и уловил конец

его фразы:

- ... не сомневаюсь ни минуты-сделаем.
- Сначала нужно еще туда пробиться. Полет будет происходить днем. Учтите.
- Товарищ командарм, - Волков встал. - Разрешите считать вопрос решенным. С такими людьми и на таких машинах можно пробиться на луну, не то что к Нюрнбергу. Туда мы дорогу уже знаем.

С дивана в сторонке послышался слабый голос Дорохова:

- Правильно, товарищ Волков. В кабинет вошел Богульный:
- Машины бригадминистра Волкова заправлены из трофейных запасов. Боеприпасы дал свои. Мои люди стянуты и готовы к посадке в самолеты.

Михальчук взглянул на часы:

- Меньше часа? Не плохо справляетесь, товарищ Богульный.
- Хозяйство налажено, товарищ командарм.
- Каждому из ваших бойцов придется там стать командиром.
- Хоть полковым. Народ подходящий...
- Товарищ командарм, - перебил Богульного Волков, - разрешите отправляться?
- Как только ваш личный состав отдохнет. Волков повернулся к выходу. Его поманил к себе Дорохов.

- Нагнись-ка.

Когда бритая голова Волкова поравнялась с его лицом, Дорохов коснулся губами лба комиссара.

- Береги людей, Ваня. Война только начинается.

Волков вошел в один из домов, отведенных для отдыха летчикам его эскадры. Постели, диваны, столы, весь пол, даже подоконники были заняты людьми. Многие уже спали не раздевшись. Другие только еще укладывались.

Со шкафа раздавались звуки репродуктора. Молодой радист, без гимнастерки и сапог, ловил Коминтерн. Слышимость была хорошая, без помех. Динамик четко выговаривал слова утреннего выпуска последних известий:

"Сообщение о действиях советской авиации произвело в Европе огромное впечатление... "

"В Чехословакии народные демонстрации против немецких насильников... "

"Под давлением народных масс во Франции образовано правительство Народного фронта. Гитлер получил отпор... "

Диктор умолк. Динамик издавал ровное гудение. Молодой радист мечтательно смотрел на приемник. Еще не заснувшие летчики внимательно слушали:

"Агентство Гавас сообщает, - снова заговорил приемник, - что правительство Франции назначило маршала Дерена главнокомандующим вооруженными силами Франции.

По приказу Дерена командующий воздушной армией генерал Девуаз вылетел в Нанси". Диктор опять умолк. Было слышно его дыхание.

- Вылетел... то-то, умнеют прямо на глазах, - тихо произнес молодой радист.

- Посмотрим, - скептически сказал один из летчиков, снимая второй сапог...

Радист сердито посмотрел на него, собираясь начать спор.

- Тес... - замахал руками комиссар. - Спать, спать! Вам на это даетс всего три часа.

- Может, через три часа опять на Нюрнберг? - спросил радист.

- Я этого не сказал, - засмеялся Волков. - Я просил спать.

Волков тщательно прикрыл за собою дверь и на цыпочках пошел по коридору, стараясь не задеть лежащих и там летчиков. Иногда он наклонялся и заботливо поправлял выбившийся из-под головы мешок парашюта или сползшее пальто. Любовно вглядывался в лица спящих.

За дверью пробили часы. Они отсчитали пять звонких ударов.

5 часов 19 августа. Первые двенадцать часов большой войны.

